

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

4. 2017

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики по
национальной политике,
внешним связям, печати
и информации.

Адрес учредителя/издателя: 364051
г. Грозный, Бульвар Дудаева.

Дом Радио

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций

05 февраля 2014 г.

Регистр. свид-во

ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –

Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхийев

Рукописи принимаются редакцией
в первом и втором экземплярах, а
также на электронных носителях.
Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 938-911-34-04

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

http://www.vaynah.at.ua

http://www.j-vaynah.ru

Печатная версия журнала
выходит один раз в квартал,
электронная – ежемесячно. 16+

Журнал набран на

компьютерной базе ГУ

«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Дата выхода в свет:

15.11.17

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 1000 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ЮБИЛЕЙ

- Шима ОКУЕВ. *Сан некъ*. Стихаш.....2
Алауди МУСАЕВ, Шарани ДЖАМБЕКОВ.
Писатель из народной гуци. К 80-летию
Шимы Окуева.....6
Вахит АКАЕВ, Супьян МАГАМАДОВ. *Философ,
педагог и государственный деятель*.
К 80-летию со дня рождения профессора
Андарбека Яндарова.....102

ПРОЗА

- Шамсуддин МАКАЛОВ. *Одиссея беглеца*.
Повесть. *Продолжение. Начало в № 3*.....11
Сулиман МУСАЕВ. *Из «Адлерской тетради»*.
Очерк. *Окончание. Начало в № 3*.....32
Салман ХАСБУЛАЕВ. *Майра нохчийн йоI*.
Ден дийцар.....46
Роза ОРСТХО. *Знаковые встречи на дороге моей
жизни*. Очерк.....66

ПОЭЗИЯ

- Ваха ДОКАЕВ. *Танец с лепестками*. Стихи.....17
Хава ГАГАЕВА. *О чем не говорят...* Стихи.....28
Марьям ХАДЫСОВА. *Хочется в рыжий цвет...*
Стихи.....30
Ширвани КАГИРОВ. *Ты посмотри в мои глаза*.
Стихи.....43
Майрбек ЛУЛУЕВ. *Любовь – одно...* Стихи.....64
Ахмет ДЖАМИЛОВ. *Ты меня не узнала*. Стихи.....72

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

- Федор ОШЕВНЕВ. *Граната с сюрпризом. Пернатый
муфлон*. Рассказы.....21

ДЕБЮТ

- Хава ОРСАБИЕВА. *Даймохк*. Стихаш.....38
Марьям ИСАЕВА. *Клю. Букаля. Тюк-Тюк*.
Миниатюры.....41

ГИЛЛАКХ-ОБЪЗДАНГАЛЛА

- Муса АХМАДОВ. *Нохчийн гиллакх-объздангалла*.
*ТIавъхе. Юьхь еша №№3-4 – 11-12 (2016);
1,3 (2017)*.....73

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ

- Тауз ИСАЕВ: *«Слово – оно священо...»*.....86

КРАЕВЕДЕНИЕ

- Замид АЮБОВ. *Рогун-Кажа и рогункажинцы*.....91

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Гилани ИНДЕРБАЕВ. *Элементы драмы парадокса
и абсурда в чеченской драматургии
постсоветского периода*.....97

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

- О литературных связях России и Западной Европы*.....111

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- Саламбек АЛИЕВ. *Застывшая музыка*
Элиты Дадакаевой.....111

- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ...112

Окуев Шима

Кху шарахь 80 шо кхаьчна нохчийн яздархо Окуев Шима вина.

«Сан Шуйта» – иштта яра Окуев Шимас 1962 шарахь арахецначу дубьхьарлерчу поэтически гуларан це. ХIетахь дубйна кхин дукха шор а ца елира Окуевн кхоллараллин географи. Амма цуьнан жимчу лаьттан адамаи вайна массарна а довза лууш а, церан глайглайнаш я хазахетари вайн массеран юкъара хетаи а хилла дIахIиттина. Окуевс шен кхоллараллица кхин цкъа а тIечIагIдо дукха хьалха дубйна яздархоина гучудаьлларг: мел жимчу лаьтта тIехь а дIадовдуш ду доккха Дахар. Иза ган а, малхе даккха а хаарехь йоллу яздархочун говзалла. Иза караерзорна тIехьажийна дара Окуевн дерриге а дахар...

Зададаккхаре кхаьчна боьдура Окуевн кхоллараллин некъ. Дуккха а дара цо дан дагалаьцна. Амма ца кхи. Иза дIаваха, вайца даха шен илlesh а, шен книгаи а, шен забарш а йитна. Дала гечдойла цунна!

*АХМАДОВ Муса,
Нохчийн Республикин халкъан яздархо*

Сан некъ**Лаьмнашкахь суьйре**

Сийна стигал
Сарахь, суна
Схьа а хьодий, елало.
Седа, суйнаш сийсош санна,
Сетгаш, кхерста болало.

Бода боькбуш,
БогIу бутт а,
Бердех гIергаш, соьцуш го,
Беса боьра
Бекош, махо
Бецан патарш лестадо.

Шал а шийла
Шовда ша-шех
Шаг-гIулга тIехь декало,
ЧIобал шера
Шедаг ловкхуш,
Шовкъехь и ду моттало.

Мела мох а,
Маша марахь,
Марха йижош, хехкало.

Маса гIено
Мерза мерзаш
Мела сох а хьерчадо.

Сийна стигал,
Сирла седа,
Суьйре сайна йоблуш го.
Сира лаьмнаш
Сил а чIогIа
Сайна дезарх теша со.

Хьобга хьайгга

Нагахь со ларамза
Зилах ца валахь,
Сан цIарна халкъашлахь
Баркалла дубьсийла.
Амма со лаьмнаша
Шайн воI ца ларахь –
Сан чорхан даьIахкаш
ЖIаьлеша къубьсийла!

Дехьарчу дахарах
Iеха а велла,
Нохчийчоь ас йицъяхь –
Со эхье вуйцийла.

Хьомечу ден-ненан
Декхарех ваьлла
Хеташ, со даводахь –
Дарж дайна вуьсийла!

Дахарехь сан хилла
Бакъ болу безам
Кьоначийн ойланехь,
Хьо хестош, богийла;
Хьо реза йоцуш, со
РазтаьІна водахь –
Кхечуьнца хьан некъаш
Ирсаца догІийла!

Ас хьобга язбина
Бий-байтан могІанаш,
Мукъаман лайш хилла,
Илица декийла.
Хийла, хьоб сатуьйсуш,
Хьежийна баьргаш,
Хьан дагах цѐ летош,
Со вуьйцуш, сегийла!

Ас хьобга хьайгга бен
Йийцина йоцу
Безаман сан кьайле
Седанна юьсийла;
Ас хала кьийлинарг,
Аьттоне даьлла,
Кьоначийн дегнашца
Беркатца кхуьийла!

Шела

Лекхачу ломара
Лакхенга лар хьаш,
Сирлачу седанал
Сайн цѐна дог дахьаш,
ДоттагІийн дешнашка,
Мехкарийн эшаршка
ЛадогІа веьна со
Безамца ийци ахь.

Шела – шера аре,
Хьосту ас хьо лоре,
Ю хьо лаьмнийн лулахь,
Даим дагна уллохь.

Стиглара седарчий
Суйнашца легалой,
Суьйренца мехкарийн
Баьргашчохь лепало.

Кьоналло вахийнарг,
Ойлано вохийнарг,
Уьш лехьо волалой,
Безамо вагош го.

Шела – шера аре,
Хьайн мехкаршка алий,
И ца хьийзош хьаста,
Деллий ирсан хьоста.

Беттасин серлоно
Йиц ма е боху соь,
Яхь йолчу кІенташа
Йицйинарг иллешца,
Мехкарша эшаршца,
Мерзачу дешнашца,
Хьо даг чохь йижий сан
Дахарехь йиц ца ян.

Шела – шера аре,
Хьосту ас лоре,
Ю хьо лаьмнийн лулахь,
Даим дагна уллохь.

Гурахь

Мохаца гІаш охьаоьгу.
Мажбелла бешара куз.
Кехатех денош а ловзош,
Шелоно тІетуьйсу тІуз.

Ламанан агІонца хьбна,
Боберах терра Іа лам,
Махо гІаш дІаидош денна
Дерзина доккхуш го дитт.

Шовдано садоьгу халла.
Жимделла Органан хи.
ДІо, Іинахь, цхьа бецан хал а
Чехош Іа Іуьйренан тхи.

Маьлхан кхерч шелбелла боьгу
Гуьйре а тІейогІуш го.
Цо лаьмнийн баххьашка оьхьу
Шен коьртехь кьежбелла чо.

Лаьмнаша иштта ду боху,
Дахаран чаккхенца дерг.
Кьаналло кьобжа тир йохуш,
Кеч ма во шен карахь верг.

Сан хьоме нохчий

Урх ийзош, екош гаьллаш,
Буьйса шен дин сецош ю.
Стиглара чу кхийдаш, лаьмнаш
Хьаннашна барт бохуш ду.

Седарчий карзахе уьдуш,
Мархашна тІехь хехкало.
Бацана, тхин тІадамаш муьйлуш,
Эсала мох хьекхало.

Беттаса, до генахь техкаш,
Боданах букь хьобкхуш го.
Шовданаш, Ианнашкахь кхехкаш,
Эшаршца гуш Iенало.

И дерриг нисдина лагтош
Кхолламий, Iаламий ду.
Со вина кхийна латта –
Сан хьоме Нохчийчоь ю!

И хестош, дека сан иллеш,
И лоруш, ловзу ас ког.
Цо ницкъ луш деттало кийрахь
Безамо лазийна дог!

Гуьйре

Гурахь Гуьйре, гоме хьожий,
Мархашлахь дIалечкий йов.
Дерзан мохехь корта уллий,
Геллой чеба шотойн бIов.

Дитгийн дерзана и догIмаш
Сетта коьртахь детташ «ов».
Церан байлахь техка генаш
Добрзу, дерзе хьедеш дов.

Наггахь некъах къаьхкий экха
Доду, ломахь хезий мохь,
Цунах кхаьрдаш Iовраш ека,
Ловзош гехь ша идон мохь.

Аьрха Орга бердах лета,
Ирча угIош тулге шен.
Шовда шеллуш санна хета,
Лахдеш шур-шур къайлах ден.

Иштта гуьйренан де доьду,
Ийзош мархийн верта тIе.
Сан дагна мел хьоме хета,
Даьлча Iалам къамеле!

ДоттагIашка

Хан дIайоьду,
Хан дIагIерта,
ДегI къаналле тIелало,
Амма дог сан,
Гаур-яI хьо,
Жимчохь санна деттало.

Маржа кIентий,
Нохчийн кIентий,
Хан хеназа гIурий-те?
Вовшийн дегнаш,
Доггах дезаш,
Вай оьцуш хан хир юй-те?

Сайн доттагIий,
Сайн мостагIий,
Мерзий, къаьхий буйцу ас.
Уллерчунах
Дог сан Iабац,
Генарчунна доьлху аз!

Кху дуьнено соьга боху:
«ДоттагI атта нис ца ло».
Амма дог сан –
Къар ма лолахь –
Жимчохь санна деттало!

Хан

БIаьстено мела мох
Масбина хьобкхуш,
Аьхкено хьобкхуш мохь,
Дохк, мархаш лобкхуш,
Гуьйрено го бохуш
Зезагаш хьобшуш,
Хан уьду, хецна урх
Озо да воцуш.

Бос дIахьой, бай хуьйций,
БIаьсте дIайолуш,
Шуьлланан мотт буйций,
Аьхке чекхийолуш,
Мархаша дой хохкуш,
Гуьйре тIе йогIуш,
Хан уьду, хецна урх
Озо да воцуш!

БIаьстене схьаваьлларг
Аьхкене волуш,
Аьхкене дIаваьлларг
Вехар ву бохуш,
Гуьйрено ша лаьцнарг
Эсаршца огуш,
Хан уьду, мохь аларх
Сацо да воцуш!

Новкъахь

Лаьмнашка дIахьежна
Гелвелча, хIун де ас?
Дог гIертарх кхин дегIо болх ца бо.
Мукъамехь лахделла
ДогIу сан иллийн аз,
И сецча хIун аьр-те Даймахко?

Жимчохь сатийсинчу
Ламанех Iабац со,
ЛадегIа кIордадац шовдане.
Ткъа даго ма-бохху
Сан дегIе балац болх,
Ца Iебаш хьобжу со дуьнене.

Дјавуьжур ма вара
 Дахарна ницкь гулбан,
 Сацац сан дог-ойла цуьнца бен...
 Ткъа наб ян вижинчоь
 Садогуш со вахлахь –
 Хун аьлла хьожур вуДаймахке?

Сан некъ

Сан некъ бу дахарехь
 Стаг хьобгур воцуш,
 Гаш, говрахь, кеманца
 Лелалур воцуш,
 Ойланийн кхерчахь бен
 Ган таро йоцуш.
 Байташца барт боцчун
 Дан амал доцуш.

Галцаш ю, гара бу.
 Гонаш ду, гунаш,
 Геннахь бу, генаш ду
 Эзарнаш декъна,
 Тилла ву тийначу
 Мукъамца воцург,
 Дог делош, дог делхош
 Ала дош доцург.

Хийланна халонца.
 Белхамца бина,
 Бала а, безам а,
 Беркат а гина,
 Къоначо, къеначо
 Шен сий а дина,
 Сан некъ бу сан царца,
 Сан цийца ийна.

Декъалйо, декъалво
 Цу новкъа верг ас.
 Къахета, къахьобгуш
 Ловр долчух бакъ-харц,
 Ойлано айича,
 Батта тје ваьлла,
 Чухъаьжна лун долчух
 Халкъана шен аз.

Сан некъ бу Нохчийчоь
 Некха чохь лелош,
 Моганца, мукъамца
 И хастор дебош.
 Со – нохчо, со вахчо
 Цо лаьмнаш делла,
 Хастам бо и хасто
 Суо гел ца велла!

Иштта ду, доттага.
 Сан некъан тача,
 Атта-м дац и толлуш
 Хъан даг тје кхача.
 Некъ аса бийцарна
 Бехке ма велахь,
 Гпалато сан хиллехь –
 Тояй гечделахь!

Дарц

Дин хобхкуш де уьду,
 Дахкарлахь лечкъаш.
 Шад етташ и чехош,
 Маса мох бу.
 Лайн чимаш хехкало
 Карзахе, текхаш,
 Шок етташ, айелла
 Аренаш ю.
 Ламанаш хьулделла,
 Говгананах дедда.
 Тембайна, церг хьекхош
 Хъаннийн дукъ ду.
 Шовданаш шелделла.
 Шу кїела девлла,
 Органо хазош берг
 Шийла мохь бу.
 Дерриг а жиллалам
 Къилбехъа хъаьдда.
 Эвлїистехь оьллина
 Къорза куз бу.
 Иштта а доца де,
 Дорцехь дух хаьдда,
 Бодано айина,
 Ловзадеш ду.
 Шок етташ, мохь бетташ,
 Корах каетташ,
 Шелделла чугертташ
 Лайн чимаш ду.
 Туьнкалгах урх туьйсус.
 Дой сецо гертташ,
 Тхан тхов тїехь тата деш
 Дорцан бо бу.
 Иштта ю, ирча ю
 Хьо Іаьнан суьйре,
 Арара хазабо
 Карзахе мохь.
 Іаламна хилла чов
 Деглах чекхюьйлу,
 Дагна а базбелла
 Ойланийн мохь!

**Алауди Мусаев,
Шарани Джамбеков**

Писатель из народной гущи

В ноябре текущего года литературная общественность Чеченской Республики будет отмечать 80-летний юбилей известного чеченского поэта и прозаика Шимы Хамидовича Окуева. В июне-июле текущего года правление Союза писателей ЧР совместно с Благотворительным фондом поддержки чеченской литературы провели первое юбилейное мероприятие – литературный конкурс, посвященный этой знаменательной дате. Итоги конкурса были подведены на исторической родине юбиляра – Терла. Денежными премиями и ценными подарками были отмечены: монографическое исследование профессора Шарани Джамбекова «Художественно-психологическая парадигма абречества в романе Ш.Х. Окуева «Красные цветы на снегу», квалификационная работа выпускницы Чеченского государственного педагогического университета 2017 года Румисы Надаевой «Методика изучения творчества Ш.Х. Окуева на уроках чеченской литературы в старших классах общеобразовательной школы» и телевизионная программа «Шима Окуев: я шел путем Чечни и не хочу иного» поэта и журналиста Асламбека Якубова.

Основные юбилейные мероприятия пройдут – 11-го ноября. На сцене Чеченского национального драматического театра имени Х. Нурадилова планируется постановка драматурга Мусы Ахмадова, посвященная юбилею Шимы Окуева. Юбилейные мероприятия пройдут также в вузах Грозного и Домах культуры и школах Шатоя.

Шима Окуев – один из представителей того поколения чеченских писателей, которое пришло в литературу в начале 1960-х годов прошлого столетия, имея за плечами опыт изгнания (депортации), который приобретен в период детства и ранней юности. Поэтическое творчество Шимы Окуева взросло и окрепло в среде поэтов-шестидесятников: Хусейна Сагуева, Саида Гацаева, Шайхи Арсанукаева, Мусбека Кибиева, Магомед Дикаева и некоторых других. Не разрывая связи с поэтическим словом, Шима в следующем десятилетии – семидесятых годах – перешел на прозу: первые рассказы, как проба пера, повесть «Честь, опозоренная мезьтью» и новая вершина – романная проза...

Шима Хамидович Окуев (1937–1986) родился в г. Грозном в семье служащего. Однако его истинной родиной всегда считался Шатой – малая родина его предков. Школу Шима окончил в Казахстане, куда был депортирован вместе со всем чеченским народом в 1944 году, затем обучался на русско-вайнахском отделении филологического факультета Чечено-Ингушского государственного пединститута, а окончил (после преобразования ЧИГПИ) – уже Чечено-Ингушский государственный университет.

Поэтическая атмосфера Шатоя сыграла свою позитивную роль во многих особенностях дарования Шимы Окуева. В литературу он пришел как поэт, но его творческая индивидуальность всего убедительнее выразилась в исторической романистике. Сборники лирических стихотворений «Сан Шуьйта» – «Мой Шатой» (1962), «Лаьмнийн аз» – «Голос гор» (1967), «Лаьттан дай» – «Хозяева земли» (1981), «Чорин забарш» – «Юмористические рассказы о Чоре» (1969), сборник повестей и рассказов «Чи́ро бехдина сий» – «Мезьтью опозоренная честь» (1966) были наполнены мотивами и образами родного фольклора, вместе с тем, вызвали бурные споры и неоднозначную реакцию читателей. Юмор его часто граничит с иронией, сатирой, сарказмом, выраженными в гиперболизированных образах и ситуациях.

Строгость композиционных построений, лаконическая емкость диалогов, краткость фразы, умение наметить образ двумя-тремя штрихами – особенно ярко проявились в его прозе.

Однако поэзия принесла молодому писателю успех и в известной мере выявила своеобразие его поэтического восприятия мира. В первом поэтическом сборнике молодой поэт утверждает простую житейскую истину: «Даже на самом маленьком клочке земли кипит большая жизнь» (М. Ахмадов). В этом и последующих поэтических сборниках Шима говорит о своей сыновней приязни к отчому краю, к родным горам. Потому читателей берет за сердце его неизбывная грусть:

Шимин хьоме лаьмнаш
Хьулди бодано.
Керчаш, текха мархаш,
Хьийзаш, догӀу ло.
(«Лаьттан дай», 1981. 70 агӀо).

(Тьма обволокла
Родные сердцу Шимы горы,
Перекатываясь, ползут (по небу) облака,
Кружась, падает (на землю) снег...)

Или такие узнаваемые образы ночного неба Шатоя:

Бай-бецан куза тӀехь,
Тхин туьгеш лепадеш,
Стиглара седарчий
Эсала сегара...
(«Лаьттан дай», 1981. 31 агӀо).

(На зеленом ковре лужайки
Ожерелья росинки блестят,
Мягким светом на небе
Звезды сверкают...)

Вряд ли можно создать такие строки без чувственного единения с родной природой: «Урх ийзош, екаеш гаьллаш, /Буьйса шен дин сецош ю. /Лакхяхьара чукхийдаш, лаьмнаш /Хьаннашна барт бохуш ду».

Склонность к лиризму не помешала эпической широте тематики Шимы Окуева, идее ответственности поколения перед будущим. Авторские лирические отступления выражали гуманистическую мысль в естественном народном проявлении, обогащенном остросовременной проблематикой. К примеру, образ родника в его поэзии становится многоуровневым знаком неиссякаемых, вечных сил народной жизни, вырастает до символа народа, который выстоял в тяжелых испытаниях в годы депортации. Так смыкается прошлое и настоящее, усиливая «сегодняшнее» звучание поэзии Ш. Окуева.

Роман-диалогия «Красные цветы на снегу» («Лай тӀехь цӀен зезагаш») /в 2-х частях: 1976, 1978/, по замечанию Адиза Кусаева, тоже «вызвал разноречивые оценки за слишком стилизованный язык и обилие диалектизмов», как и, впрочем, следующий за ним роман-трилогия «Кровь и земля» («Ций, латтий»): «Юьхь» («Пролог», 1985), «Ций, латтий» («Кровь и земля», 1987) и «Таьхьара верас» («Последний правитель», 1993).

Фольклористическая концепция писателя была достаточно смелой для этого периода, характеризовалась и мифопоэтической направленностью, связанной, в первую очередь, с весторонней разработкой проблемы национальной самобытности в эпоху, которую можно определить как эпоху социалистического

интернационализма. Проблема фольклора, его изучения, толкования и освоения – одна из ключевых в фольклористике и литературоведении каждого региона.

Вопрос о народности и фольклоризме в романе «Красные цветы на снегу» достаточно сложен, как и сам роман, сложный и напряженный по замыслу, сюжету, композиции, стилистике и тональности. Воздействие фольклора на это произведение проявляется не только в прямых цитатах, но и в органическом усвоении фольклорной поэтики. В романе представлено все смысловое и образное богатство народной поэзии и устной речи, от разных типов народных песен до избытия малых речевых форм – проклятий, благопожеланий, коротких причитаний, возгласов, восклицаний, традиционных национальных звукоподражаний и междометий. В соответствии с народной традицией рисуется и символика пейзажа.

Шима Окуев показывает национальный характер в момент тяжелого испытания; ему присуща объективность и честность в изображении исторических и народных характеров, конфликтов, в том числе и через столкновение порочного характера с вековыми народными представлениями о добре и зле, что стало главным содержанием его исторической прозы.

Главным стремлением прозаика Окуева являлось создание произведений с ярко выраженной национальной формой. Это достигалось разными средствами: обилием фольклорных цитаций, использованием фольклорной фразеологии, лексикой, воссоздающей национальный (простонародный) колорит. Вместе с тем, он не только мастерски проникает в сущность национального характера, «духа» нации, существенных особенностей народа. Здесь в пору говорить, как писал литературовед Л. Ибрагимов, «об «окуевском способе» словесно-образной подачи материала и воплощения авторского замысла. Уникальность творческой индивидуальности Ш. Окуева в сочетании тонкого лиризма, иронии, сарказма с небрезгливостью перед жизнью простого народа. В его творчестве чувствуется ненависть к глянцу и ретуши жизни»¹.

По верному определению исследователя, главная тема творчества писателя – «судьба и ментальность рядового чеченца, человека из народной гущи в русле творчества. Жизнь простых людей показана без прикрас, во всей своей «приглядности» и неприглядности. Дело доходит до намеренного выбора автором неприличных сцен и ситуаций с точки зрения блестителей норм аскезы чеченского социума (см. романы «Пролог» («Юьхь»), «Кровь и земля» («Ций, латтий»). Лавируя между «дозволенным и недозволенным», привнесённым ближневосточным и литературной нормой соцреализма, активно используя поэтику натурализма, Ш. Окуев художественно достоверно показывает, чем жило и будет жить чеченское общество»².

Проблема народности литературы, требования самобытности вызывают у писателя потребность выделения из всей массы народной поэзии произведений, в которых отразилось историческое прошлое народа, благодаря чему литература идет по пути исторической достоверности и правдоподобия в изображении человека.

Фольклор всегда давал богатейший языковой материал: повторы, постоянные эпитеты, отрицательные сравнения, специфическую фольклорную лексику и фразеологию. Повышенная эмоциональность помогает приблизиться к жизненной правде, к реализму.

Комический элемент в фольклоре очень важен. Способность народа посмеиваться над своими недостатками, другими словами, смеясь, расставаться с ними... говорит о жизнеспособности народа, о сохранении им чувства собственного достоинства. Здесь уместно отметить, что Шима одним из первых в чеченской литературе создал собирательный образ весельчака и балагура Чоры, имеющего приписку к горному селению Дай (Шатойский район). Это потом появились его двойники: Дуца, Махьма, герой ингушского фольклора Цаген и др. Всех их роднит особое отношение к юмору, острому слову, олицетворяющему, прежде всего, народный ум, способность привносить в «прозу» жизни искорки радости, веселья...

Книжка шуток и заразных юморесок Шимы Окуева не раз переиздавалась, переводилась на русский язык (1971).

В романах Шимы Окуева наблюдаются тенденции, связанные с постепенным переключением внимания фольклористов с древности на современность. Это было связано с более тщательным и углубленным изучением мирового фольклора, с теми элементами сравнительного анализа, которые уже встречаются в работах филологов-фольклористов.

Роман Шимы Окуева «Красные цветы на снегу» имеет ряд признаков абсолютной для чеченской национальной литературы новизны. При полной аутентичности эстетики, стилистики и поэтики уже само его название несет мощный лирико-романтический и импрессионистический заряд. Это один из первых и ярких в чеченской литературе опытов метафорического заглавия, построенного на символике цвета, света, сенсорного восприятия (впрочем, это явление довольно хорошо знакомо фольклорной поэтике и стилистике). Уже первые серьезные исследователи романа Шимы Окуева «Красные цветы на снегу» А.М. Хусиханов и М.Х. Шовхалова³ отмечают глубокий метафоризм заглавия и всего романа. Их работы уникальны тем, что об Ш. Окуеве написано мало, да и то большей частью – на чеченском языке.

Исследователи творчества Ш. Окуева (Х.В. Туркаев, А.М. Хусиханов, Т.Б. Джамбекова, Л.М. Ибрагимов и др.) отмечают национальное своеобразие творчества писателя в контексте чеченской прозы. В настоящее время мы заостряем внимание именно на импрессионистической (и одновременно восходящей к традиционной фольклорной символике цвета) природе метафоризма текстов Ш. Окуева, который в дальнейшем разовьется в наибольшей степени и в творчестве его земляка и ближайшего последователя Мусы Ахмадова. В целом же работы этих авторов являются ценным вкладом в исследование отдельных аспектов творчества Шимы Окуева. Глубинный конфликт большинства произведений Ш. Окуева основан на протесте против разрушения исконно народных коренных устоев, национального сознания и самосознания, этнокультурной идентичности и аутентичности. Поэтому (в том числе) в его дилогии наблюдается близкая преемственность с исторической романистикой Магомета Мамакаева и Абузара Айдамирова не только в общеконцептуальном плане, но и в более конкретном – сюжетно-фактологическом. Так, к примеру, один из центральных персонажей в романе А. Айдамирова «Долгие ночи» Алибек предстает 15-летним мальчиком. В романе «Молния в горах» (через 12 лет) он уже главный герой. В этих двух романах описывается жизнь чеченского народа, начиная с 1864 по 1878 годы. Затем наступает время романа «Буря» – время Зелимхана. Зелимхан погибает 1913-м году. Вскоре наступает смутное время («изелла зама») – время дилогии «Красные цветы на снегу» Шимы Окуева.

В следующей трилогии Ш. Окуева «Кровь и земля» есть эпизод, когда Зелимхан приезжает в Шатой, гостит у тейповых родственников Шимы Окуева. В связи с этим мы позволим себе небольшое отступление мемуарного характера. В свое время (мы работали с Шимой Окуевым в 1970-х гг. в районной газете – с. Шатой) один из авторов этих строк сказал, что в его романе появление Зелимхана в Шатое не вполне мотивировано, как-то «притянута за уши» (так нас учил наш общий преподаватель чеченской литературы в Чечено-Ингушском государственном университете, доцент Нурдин Музаев), а он, как всегда, заразительно засмеялся и сказал: «Зелимхан мог быть в то время везде».

Время, описываемое в первой книге трилогии Ш. Окуева «Пролог» («Юохь»), как раз захватывает «время Зелимхана». Сам писатель принадлежал к тейпу терлой («Терлой»). Из терлоевцев в Шатое была одна семья – семья Окуевых. Ясно, что Зелимхан не мог свободно передвигаться по Чечне. По фольклорным материалам, абрек Зелимхан не раз ночевал у Окуевых. По свидетельству Адица Кусаева, в родовом селе Ш. Окуева (сел. Шатой) на высоком берегу Аргуна находились дома деда писателя Орци и его брата, переводчика и писаря в крепости Шатой, прапорщика Беци. Особую дружбу с Зелимханом имел

Беци Окуев. Об этом Шима Окуев в первой книге трилогии «Пролог» пишет следующее (перевод с чеченского – Адиза Кусаева):

«...В то время, когда царские войска под проливным дождем безуспешно искали абреков, Зелимхан, перейдя вброд разлившийся Аргун, поднявшись вверх по руслу речки Вярда-ахк, остановился в доме своего давнего и верного друга Беци Окуева, стоящего на высоком берегу слободы Шатой. Заняв все дороги, долины, лесные поляны, охраняющие крепость представители царской администрации и не подозревали, что абрек весело проводит время, заночевав у прапорщика. Тот же, зная, что находится в безопасном месте – в доме верного друга, играл с сыновьями брата Беци – Орци: Хамидом и Хусейном...»⁴

Вот почему Шима с упоением развивает в своем творчестве (прежде всего, в дилогии «Красные цветы на снегу») традиции художественного исследования проблемы абречества в чеченской литературе, впервые поднятой его тейповым братом Магометом Мамакаевым в романе «Зелимхан» (1968). Он не только придал этой теме новый импульс, значительно углубив и расширив ее, но и усложнил и углубил его концепцию.

...Шима ушел из жизни ранним декабрьским утром 1986 года, всего несколько месяцев недожив до своего пятидесятилетия. Природа Шатоя, как говорят в таких случаях, своеобразно «отозвалась» на это событие: всю ночь и последующий день в Шатое, не переставая, шел невероятно обильный снег, укрывший «белым саваном» дома, деревья и дороги, а одну из них, что вела на погост, пришлось пробивать бульдозерами... Так она просталась с одним из самых талантливых своих певцов, так искренне писавших о ее божественной красоте...

¹ Ибрагимов Л.М. Национальное своеобразие чеченской прозы. <http://www.nana-journal.ru/home/842-2011-11-14-09-35-23.html>/Эссе. – № 11. 2007 г.

² Там же.

³ Хусиханов А.М. Жанровое своеобразие дилогии Ш.Х. Окуева «Красные цветы на снегу». Сб. ст. ЧИНИИИСФ // Чеченский и ингушский роман. Грозный, 1986. С. 109–116; Шовхалова М.Х. Народная афористика в романе Ш.Х. Окуева «Красные цветы на снегу». Сб. ст. ЧИНИИИСФ // Чеченский и ингушский роман... С. 66–78.

⁴ Кусаев А.Д. Преданный сын гор. <http://vesti95.ru/news/social/5489756897.html> №224(1907)

Шамсуддин Макалов

Одиссея беглеца

Повесть

Продолжение. Начало в № 3.

Глава 3

Знакомство

Хотя денег у Нанаша было мало, ему пришлось купить билет в плацкартный вагон до Актюбинска. Общий вагон был переполнен. Нанаш быстро прошел по платформе и впрыгнул в вагон. Спутницами его оказались две уже немолдые казашки, которые, позевывая, что-то штопали и вязали. Когда Нанаш занял свое место, одна из них недоверчиво проговорила на родном языке:

– Не из воров ли он?

– Да нет, наверное... с виду не скажешь. Зачем ему красть?

– Боже сохрани! – ответила другая, на какое-то время задержав взгляд на лице Нанаша.

– Вы не бойтесь меня, – сказал Нанаш на чистом казахском языке, – я такой же пассажир, как и вы. Дышите свободно.

Женщины смутились и, назвав его своим братом, успокоились.

Нанаш вытащил из сумки небольшую книжку с рассказами Чехова и стал читать. А состав тем временем мчался стремительно, оставляя в объятиях вечернего сумрака одну станцию за другой. Нанашу нравилось, как состав выстукивал припев вечной дорожной песни: «Тук... трак... тук... трак...» Под этот напев он даже старался сочинять стихи. На одной из станций поезд замедлил ход и остановился. Проводник открыл входную дверь, впусив свежий ветер. Слышались крики пассажиров, гудки поездов. В это время Нанаш услышал просьбу:

– Сынок, сынок, помоги!

Нанаш машинально шагнул к входной двери и увидел пожилого человека с тюбетейкой на голове. Он был невысокий, длиннорукий, с широкими плечами. На нем были брюки-галифе, заправленные в сафьяновые сапоги. Смуглое, загорелое лицо было в щетине, с проседью. А нос с горбинкой был длинный, как у Буратино. Он был обвешан узлами и двумя большими чемоданами. Мужчина тяжело дышал, брызгал слюной. Мокрый от пота лоб блестел. Нанаш помог ему втащить вещи внутрь. А место его оказалось рядом с нашим героем. Нанаш поднял полку, помог ему уложить вещи. Мужчина достал большой цветной платок, утерся, расстегнул ворот рубашки барбарисового цвета, а затем в изнеможении опустился на полку. Когда он снял тюбетейку, показалась лысина «солнышком». «Как глаз огромного циклопа», – подумал Нанаш. А женщины тем временем поднялись на верхние полки и улеглись спать.

– Молодой человек, большое спасибо за помощь, – сказал мужчина с южным акцентом. – Давай знакомиться. Как тебя зовут, куда ты держишь путь?

Назвав свое имя, Нанаш сказал, что едет в Грозный.

А поговорить сосед любил. Речь его с легким акцентом состояла из ловкого сочетания слов и жестов.

– А меня зовут Нурахмед. Гусейнов Нурахмед Асад-оглы, – сказал он. – Азербайджан слышал? Баку слышал? Нефтяной город. Немец туда не дошел. Еду в том же направлении. Хорошо доедем. А ты живешь в Грозном или едешь в гости? Какой нации?

Нанаш, сам не зная почему, словно обрадовавшись случаю, как на духу рассказал все о своей жизни, без утайки. В голосе и во всем облике его была прямо-таки детская открытость, искренность.

– Очень хочется побывать в родных местах. Тоска спать не дает, – глубоко вздохнув, закончил свой рассказ Нанаш.

Страна в то время была отравлена сталинизмом, ядом особого свойства. Ужас заставлял брата идти против брата, сына против отца, мужа против жены, вся страна жила в страхе под алым стягом Октября.

Нурахмед некоторое время смотрел на него с сочувственным любопытством, удивляясь его откровенности, столь странной при первой и случайной встрече. А затем сказал:

– Чечен, значит. Вах-вах! Сынок, ты что, как говорят русские, белены объелся? Беглец несчастный! Вот как бывает, когда нет родной матери, – удивленно смотрел на него Нурахмед. – Вы же спецпереселенцы. Твой народ выслан. Тебе туда нельзя. Заберут ведь! Окажешься в неволе. А там каторжные, уголовщина... Необдуманный поступок. У нас говорят: «Курица оттого и пропала, что ходит где попало». Словно о тебе, Нанаш, сказано. Тебе лучше вернуться домой.

А про себя подумал: «Не вернется – заберу к себе. Его семейные неприятности мне на руку. Его стесняют дома. Я найду для него работу. Мне нужен именно такой. Станет моим помощником. Хорошо, что знает казахский, значит, и наш язык понимает. Очень близкий. Хорошо, что встретил».

Нанаш на какое-то время замялся, не зная, что ответить своему попутчику, а затем уверенно сказал:

– Прости, дядя Нурахмед, – насупился он, – но я не курица, а человек, и от своего не отступлю. Постараюсь добраться... Хочу увидеть родные горы, родное село, хочу взглянуть на дом, где я родился, где было мое гнездо. Там осталась моя люлька, в которой мать меня качала. Я сам себе дал слово, и я должен его сдержать.

– Ты не обижайся. Пойми, там тебя никто не ждет. А если ты действительно хочешь туда попасть, тебе надо найти верного друга-проводника. Ты еще молод. Ты еще в облаках витаешь. Безумное желание несет тебя на своих крыльях. Не ходи туда один. Неокрепшая жизнь часто попадает в бурю. Опомнись, пока не поздно. Твоя жизнь только начинается.

– Дядя Нурахмед, вы, взрослые, привыкли смотреть на нас свысока, считая неспособными к серьезному мышлению. Это не так. Если надо будет, найду и друга, и проводника. Жаждающий воды сам ищет колодец. Так учили нас в школе. Я буду бороться с опасностями. Могу сказать стихами:

В пустынях разольюсь водой,
В морях затрепещу звездой,
В горах дорогой пробегу,
Пока я молод, я все смогу...

– Сынок, это только слова... Ты только начал проходить азбуку жизни. Твоя мудрость пока вместится в наперсток. Мудрость приходит с годами, она не дается от рождения... ты меня не бойся. Я ведь раньше, в молодые годы, тоже, как и ты сейчас, покоя себе не находил. Также хотел себя познать и проверить. Я смотрю на тебя и все больше узнаю себя – подростка. Но заряд молодости быстро проходит... Я тебя не сдам. Не люблю стукачей и доносчиков. Считаю меня своим вторым отцом или дядей... Из-за стукачей мой единственный брат отсидел в Читинской области из десяти восемь лет. Оклеветали – и все тут. Говорят, что он где-то со свойственной ему опрометчивостью что-то ляпнул против принуждения людей. На следующий день его увезли и отправили в Сибирь. А меня запугивали – мол, если ты не дашь требуемых показаний, ему будет хуже. И дом твой можем конфисковать. Много подлости, много грязи, сынок, в нашей жизни. Мы просто вручаем себя слепым силам бытия. Брат моложе меня на семь лет.

– Как же так? – спросил Нанаш. Его рассказ вызвал у него жалость и удивление.

– Да... Вот так, – после некоторой паузы ответил Нурахмед, – много еще нехороших людей. Правда, брат около года назад освободился. Мне очень захотелось его повидать. Мы с ним осиротели еще в детстве. Мне было десять, а ему три. И у нас было только несколько дальних родственников. Один из них приютил нас, хотя сам был обременен семьей. Ведь это не шутка – кормить своих детей и еще нас с братом. То и дело чинили и лагали одежду. Болели малярией. Тяжелая болезнь. Еле выжили. У нас и сейчас болеют этой болезнью. Жизнь была просолена нуждой и лишениями, хотя и сейчас еще не оправились от войны. Что будет дальше – сейчас трудно сказать. Мне еще до революции удалось закончить школу по торговым делам. Работал заготовителем вплоть до пенсии. Далекое вспоминается легче. А вот сейчас я был у брата в Сибири. Он живет в Иркутской области, почти на берегу озера Байкал. Слышал? Большое озеро с пресной водой. Пожил у него в гостях целый месяц. Красивые места. Божий дар. Много рыбы, охота, водные прогулки... Брат хотел меня повезти на большой остров Ольхен, где находится одна из азиатских святынь – Шаманскала, но я спешил домой. Он говорил, что там в одной из пещер похоронен сам Чингисхан. Я тебе это рассказываю потому, что ты говорил, что любишь рассказы о путешествиях. А так, брат устроился неплохо. Женился на богатой татарке, начал там новую жизнь, и знаешь, домой не хочет. Не хочет и все. Чудак, ей-богу! В трудный день был бы со мной. У нас правильно говорят: легче на орех накинуть узел, чем такому что-то втолковать. Везу его товар. Просит продать. Старость приближается. Да, кстати, брат рассказывал, что с ним сидели два чечена. Когда они узнали, что он тоже с Кавказа, жили как три брата. Уголовщина их уважала. Стояли друг за друга горой. Брат просто оживал от одного воспоминания о них. Я завидую такой дружбе. И ты, сынок, – Нурахмед улыбнулся уголками губ, – мне начинаешь нравиться. Я рад, что познакомился с тобой. Будь достоин своих земляков. Молодец, что открыл мне душу, и я не хочу остаться в долгу; ты знаешь, у меня тоже дома не все гладко. Трое детей без матери. Из них два сына... старший совсем уже взрослый, здоровый как бугай, но он глухонемой. Напившись, лезет драться, ведет себя плохо. Любит со смехом срывать платки с девушек. Но он хороший кузнец, по дому неплохой работник. Пасет овец. Зовут его Косум. Другому только десять, он почти слепой. Зовут его Гейбулла. После его рождения жена света белого не видела. Часто повторяла: «Умру! Умру! Умру!» Хотя я ее ни в чем не упрекал. И действительно, через некоторое время бросилась в реку и утонула. Была скромная, кроткая, заботливая женщина. И ей надо было жить. Надо жить уже хотя бы потому, что нам дана жизнь. Такая случилась беда. Какая-то дурная наследственность. Когда я повел детей к врачам, они сказали, что сдвиг от нормы даже на миллионную толщину волоса ведет к плохим последствиям. Только 13-летняя гызым здорова, хотя имеет шесть пальцев на левой ноге: два мизинца. Перешла в седьмой класс. Хорошо учится. Заботливая. Она ухаживает и водит за руку своего братика.

«Значит, на год моложе меня», – подумал Нанаш.

– А ее как зовут?

– Гюльсия. «Гюль» по нашему – цветок. Хорошо поет. Как и ты, любит книжки. Мечтает стать учительницей. Моя новая жена меньших двоих особо не любит, а Косума боится как огня и находит с ним общий язык. Понимают друг друга, общаясь при помощи жестов... Ай-ай, Нанаш, тяжелое время настало: молодые годы вернуть не могу, а старость к себе подпускать не хочется. В руках уже сила не та, и ноги ослабли, и вся беда еще в том, что очень скоро, через месяц, Нурахмеду исполнится шестьдесят три года. Говорят, человек до пятидесяти лет стареет из года в год. До шестидесяти – из месяца в месяц. А после шестидесяти – изо дня в день. А мне за шестьдесят. Боюсь, что потухнет огонь в моем очаге. Боюсь, что не услышу голоса внуков. Был бы у меня такой сын, как ты, был бы спокоен. У брата моего вообще нет детей. А ему уже пятьдесят пять. Вот

такой животный страх. У каждого, как говорится, есть своя болячка, есть своя беда. Жизнь, что поделаешь! У нее одна дорога – дорога к концу. Всем придется покинуть этот мир. Странно устроена жизнь... Эх, сынок, у меня сердце полно невысказанных слов. Да сохранит нас Аллах!

Нанашу стало жаль его, захотелось утешить, сказать что-то доброе, и он, подыскивая нужные слова, сказал:

– Дядя Нурахмед, некоторые живут до ста лет. Вы еще хорошо выглядите. Главное – здоровье. Было бы, конечно, хорошо, если бы можно было взять в долг вторую жизнь.

– Эх, сын мой, тебе еще рано об этом говорить. Ты одну проживи достойно. Тайна твоей судьбы еще не раскрыта, поэтому все, что впереди, привлекает тебя. В молодости много дерзкого, поэтому тебя потянуло на Кавказ, к бывшим родным местам. Ладно. Дорога наша длинная, успеем поболтать. А сейчас...

Нурахмед взял сумку и начал копаться в ней. Достал, наконец, оленину, вареные яйца, сыр и соль.

– Давай с тобой перекусим чем бог послал. Чай нам проводница принесет. Кушай, огул. Когда у тебя в желудке пусто, он скулит, как щенок. Хлеба сейчас стало хватать. Наш дорогой Сталин говорит: «Жить стало лучше, жить стало веселей».

– Нет, нет, спасибо. Я недавно ел, – поспешил отказаться Нанаш, хотя был голоден как волк.

– Кто стесняется, говорят в народе, у того сын не родится. По глазам вижу, что голоден. Голод не тетка, – Нурахмед провел рукой по подбородку, пылливо взглянул на Нанаша. – Ешь, а спасибо скажешь потом. Ты должен во всем слушаться меня, – и протянул ему кусок сибирской оленины и вареное яйцо. Хлеб заменяли сухари.

Только они успели поужинать, как появился милиционер с проводницей.

– Дорогой начальник, все свои, все с билетами, – сказала проводница.

– С билетами? Это хорошо. Я ищу беглых спецпереселенцев. Бегают, бандюги, без разрешения. Мы их ловим, сажаем. Они все равно, как ошалелые, туда-сюда, туда-сюда, как тараканы.

Милиционер посмотрел на Нанаша. Их глаза встретились. Они смотрели друг на друга, один со страхом, другой с подозрением.

– А ты, хлопец, куда едешь? Какой нации? – спросил он.

Нанаш почувствовал, как все внутри похолодело. А сердце забилося учащенно. Но лицо он сделал как можно невиннее. И тут на выручку пришел Нурахмед.

– Это мой сын. Он плохо понимает по-русски. Мы азербайджанцы, – сказал он. – Едем в Баку. Паспорт показать? Я сейчас пенсионер, а работал всю жизнь заготовителем.

– Азербайджанцы, говоришь? А ну, батя, скажи тогда, как по-вашему сын?

– Огул.

– А дочь?

– Гыз.

– А гардаш кто?

– Брат.

– Ладно, отец. Привет Баку, – улынулся милиционер. – Когда я был маленький, мой отец работал там нефтяником. Немного знаю по-вашему. Саламат гал! (Счастливо!) – и двинулся дальше. А на спящих казашек не обратил внимания.

– Приезжай в гости, – крикнул вслед Нурахмед.

– Вот видишь, я тебя выручил, – сказал через некоторое время Нурахмед. – Всегда прикрою, в случае чего. Вас даже в поездах ищут.

– Большое спасибо. В глазах у меня рябило от волнения. Вы мой ангел-спаситель, – улынулся Нанаш

– Теперь ты понял?

– Что?

– Что твоя мечта увидеть родные места не скоро сбудется, – и почти шепотом,

набрав в грудь воздух, добавил: – Тебя, да и всех вас, наш дорогой батька усатый держит цепко на узде, чтобы вы света божьего не видели. Его глаза и уши везде.

– У, чтоб его язва заела!

– Вслух так не говори. Он наш вождь и учитель. Это опасно. Дерево одно, а листьев на нем много. Он один, а вокруг него стукачей много. Но ничто не вечно. И река не всегда по одному руслу течет, все может измениться.

– А когда? – вздохнул Нанаш.

– Терпи, сынок, терпи. Русские говорят, что торопливость нужна при ловле блох. Очень бурный ручей никогда до моря не доходит. Я слышал еще до войны, что один ваш поэт написал стихи на смерть товарища Орджоникидзе. Его кавказцы любили и уважали. Хороший был человек. В 37 году застрелился. Не вынесла его душа. То, что тогда происходило, было ужасно. Хватали, мучили, убивали. Люди просто пропадали. Был – и нет. Страх был перед тем, что другой знает о тебе то, что ты сам еще о себе не знаешь, и не только знает, но и может донести. Посреди ночи, вдруг проснувшись и приподнявшись в постели, люди, холодея, прислушивались к шагам на улице или взвизгиванию колес подъехавшего «черного ворона». «Не за мной ли?» И когда зловещий стук в ночи раздавался в двери соседа, с облегчением проводили ладонью по лбу: «Слава Аллаху, пронесло на сей раз!» Почти каждого считали вредителем, диверсантом и троцкистом. Да, тогда все было в тумане. Сейчас он малость рассеялся. Так вот, на каком-то собрании эти стихи похвалили. Это растрогало бедного поэта. И он ответил: «Когда умрет наш учитель Сталин, я напишу еще лучше». Его расстреляли. Вот до чего доводит легкомысленность и болтливость. Глаза и язык навлекают на нас бессчетные беды. И еще знай: многие люди, которых считают смелыми, обладают лишь смелостью речи. Ты не будь из числа таких.

– Дядя Нурахмед, вы, оказывается, философ, – сказал Нанаш. – Говорите афоризмами.

– Жизнь учит, сынок. Я, как заготовитель, много ездил. Часто бывал в России. Поэтому неплохо знаю русский язык. Иногда умные книги читаю. Давай лучше поговорим о деле. У меня есть к тебе один разговор.

Сказав это, Нурахмед подсел к своему попутчику поближе.

– Я слушаю вас, дядя Нурахмед.

– Ну скажи, что бы ты пообещал тому, кто тебе покажет твои родные места и возьмет на себя все расходы? Я всерьез.

– Все, что в моих силах... А найдется такой добрый дядя?

– Я хочу тебе помочь. Буду твоим проводником, но с условием...

– Что я должен сделать? – выдохнул Нанаш. – Я в долгу не останусь. Даю вам слово.

– Хорошо! Ты увидишь родные места. Только после этого ты должен отработать у меня целый год, под видом моего племянника. Для всех ты будешь сыном моего сибирского брата. Буду кормить, одевать, в дневную или вечернюю школу сможешь записаться. Судьба умеет играть человеком. Пусть и с тобой поиграет. Знай, ты за мной как за каменной стеной. Я хочу помочь тебе, не хочу, чтобы ты попал в руки властям. Они растерзают тебя. Ты еще не тертый. Скажи: согласен или нет? – Нурахмед уставился на Нанаша, чтобы услышать его решающее слово.

Нанаш думал. Условие было для него очень тяжелым. Он не ожидал такого поворота дела. Но вместе с тем он теперь понимал, что без надежного товарища его поездка может сорваться. «Вернуться ни с чем? – думал он. – Какой позор! Как я посмотрю в глаза друзьям, своим близким? Мусе, например? Да он одним словом меня уничтожит». Боялся кривой усмешки мачехи: «Знала, знала, Кавказских гор тебе не видать!» Вспомнил чеченскую пословицу: «Не хватайся за отцовскую бороду, но если схватился – не отпускай». Он низко опустил голову. На лбу выступил пот. В раздумье приставил палец к носу. Боялся, что Нурахмед может его обмануть в каких-то своих целях. Но вся его сущность вопила: «Соглашайся! Соглашайся ради того, чтобы увидеть родные места! У тебя нет другого выхода!»

– Если не захочешь – будешь дуралей. Не видать тебе родных мест, как своего затылка. Тебе придется прятаться по углам, озираясь по сторонам, вздрагивать при каждом взгляде милиционера, опасаться каждого встречного. Этого ты хочешь? Вах-вах-вах! – маленькие глазки Нурахмеда сделались крохотными, зрачки стали похожими на острие булавок. – Ну как? – спросил он.

Нурахмед поставил перед собой цель: раздавить Нанаша страхом. И это у него получилось. Сила его духа была подорвана. Нанаш почувствовал себя кроликом, которого гипнотизирует огромный удав. Проглотив слюну, он кивнул головой и прошептал:

– Вы правы... Согласен год находиться у вас. Но это не значит, что я страдаю недостатком мужества. Мне интересно увидеть и ваш край, написать о нем стихи. Буду собирать поговорки и пословицы. Ведь у каждого дерева своя тень, у каждого народа – свои обычаи. Говорят, сладко не знать, а узнавать. В школе у нас была учительница из центральной России, которая из-за войны оказалась в Казахстане. Так вот, она говорила нам: «В чужой стране и зрячий слеп». Буду учить язык и узнавать новых людей.

– Значит, согласен? Молодец! – похвалил его Нурахмед. – Я верил, что ты умный парень. Дай руку!

Нанаш протянул руку.

Нурахмед с удовлетворением ее пожал. Лицо его сияло.

– Ты не пожалейшь. Можешь сочинять стишки – сочиняй. Марай бумагу, сколько хочешь. Стихи – дыхание души, говорит мой брат. Он любит их читать. Только меня слушайся и всегда советуйся. Знай, что вокруг – полный опасностей мир.

Так до полуночи протекала беседа молодого Нанаша и пожилого Нурахмеда. Нурахмед часто повторял: «Клянусь памятью покойного отца, ты не пожалейшь». Правильно говорят – за беседой дорога коротка. Нурахмед рассказывал, как в Баку вошла Одиннадцатая армия, чтобы утвердить в Азербайджане советскую власть. Что один из двадцати шести комиссаров, Мешади Азизбеков, был родственником его матери. Рассказывал, что ему довелось увидеть многое... Гибель людей, дико пролитую кровь. Как солдаты срывали на улицах с девушек чадру. Как сносили мечети, как провоцировали людей на кровавую братоубийственную резню... Наконец, начал рассказывать про азербайджанскую землю, что она напоминает орла. Костлявая голова образована Апшеронским полуостровом, мощный клюв выложен крутым и долгим восточным мысом, а вот распахнутые крылья: одно уходит к северу, другое – к югу. А тело старается как бы вырваться из теснин Кавказа. Напоминает птицу в полете... Незаметно пролетело время. К утру поезд подъезжал к Актюбинску. Готовясь к выходу, они смотрели на мерцающие огоньки города. Едва поезд стал замедлять ход, Нанаш и Нурахмед стали пробираться к выходу. Нанаш нес часть вещей своего попутчика. В Актюбинске они задержались на час-полтора, не больше. Нурахмед купил билеты до Астрахани, чтобы затем пересесть на бакинский поезд.

Продолжение следует.

Ваха Докаев**Танец с лепестками**

Настанет время – красота
 В последнем танце лепестками
 Промчится чайкой над волнами,
 И нас охватит слепота.

И лишь свидетелям ее
 Достанется в наследство память.
 И этот танец с лепестками –
 Птиц улетающих полет.

Все тихо до срока

Все тихо... Все тихо до срока.
 Мы не дорожим тишиной!
 Мы вновь упускаем уроки,
 А жизнь не играет с тобой!

Изящной своею игрою
 Заставил поверить себя,
 Что небо играет с тобою...
 Но принца ужалит змея!

Никто за тебя не погибнет,
 Никто за тебя не живет.
 Душа это тело покинет,
 И дальше уйдет небосвод...

Так что же, мой друг, это было?!
 Что жизнью своей ты назвал?
 Разбитое сердце остыло,
 Закончен бессмысленный бал...

Все тихо... Все тихо до срока.
 Мы не дорожим тишиной!
 Мы вновь упускаем уроки,
 А жизнь не играет с тобой!

Мы возвращаемся назад.
 Завяли все цветы желаний.
 Наверно, ты уже не рад,
 Что открывал земные тайны?

Ведь величайшую из тайн
 Ты обескровил долгим небом.
 Ты посетил вселенной край,
 Но в сердце этом так и не был...

Не слиться с тьмой

Я вышел в путь –
 мне в дальнюю дорогу!..
 Отвергнутый и небом и землей,
 Я рассказать пытаюсь вам о Боге...
 Но тяжело человеческому слогу,
 Являя святость, не сливаться с тьмой...

Я вышел в путь –
 в последнюю дорогу!..

Хрустальная чаша души

Хрустальной чашею рожден,
 Забыл, что из песка зажжен.
 Смотри, кто был перед тобою,
 Уже песком засыпан он!

Осень дней моих

Печаль на дне твоей улыбки
 Тревожит осень дней моих...
 Давно заросшая калитка,
 Давно-давно забытый стих...

Старушка снова на скамейке
Напрасно сына ждет домой...
Дорога вьется серой змейкой,
И мчат мечты на водопой...

Не напоить коней былого,
Истлели кости в тлен и прах!
Но разве ты искал иного?!
Надежда, и любовь... и страх!

Земли и неба не найти

Слепое сердце разбуди –
Оно давно уже в пути...
Уму и сердцу друг без друга
Земли и неба не найти!

Я – нищий

Я нищий –
В щель между мирами
Не пронести
Ни сердца,
Ни любви.
Лишь добродетель
Светлыми кругами
Украсит в бездне
сумрачные дни!

Я нищий –
Я слепой, гонимый
Ударами безжалостной судьбы.
И, хоть душа
по-прежнему ранима,
Не уступаю смерти без борьбы.

Я нищий?

Триумф разлуки

Безумие приходит мне на ум,
Когда я вижу, как легко, без боли
Творите вы своих разлук триумф
И так смеетесь над своей любовью!

Что ж делать мне? Ведь я так не могу!
Я не умею не любить, не верить!
А ты меня забыла на снегу
И наглухо закрыла наши двери...

Мои ошибки – словно белый снег...
Твои ошибки просто скрыты снегом...

Но снег сойдет, о гордый человек!
И трудно будет...
Снежным человекам!

Безумие приходит мне на ум,
Когда я вижу, как легко, без боли
Творите вы своих разлук триумф
И так смеетесь над своей любовью!

Моей сестре Яхите

Не остановлен бег времен,
Сестра, еще никем из смертных.
И каждый дважды обручен:
С душой бессмертной и сердцем!

И каждый день луной и солнцем
Разрушен, небом и землей.
И счастлив тот, кто вновь проснется
И вновь останется собой!

И первозданной чистотой
Пои года – стада слепые!
Лишь тот поистине живой,
Кто ищет истины святые...

Карусель бессмертия

Тихую ночь
Пробуждаю
биением сердца...
Крутится мир
На карусели бессмертия...
Кто там...
Там, через тысячи звезд...
Там, на окраине Вечности.
Я отключаюсь...
Мы выполняем
Особую миссию...
Звезды мерцают во тьме...
Как кнопки
Телефона вселенной...
Слышишь меня?!
Возьми, пожалуйста, трубку...

На белый снег

На белый снег
ложатся краски кисти...
Волшебный мастер

Твердою рукой
Нарисовал
Озябших птиц...

Упала на берег лазурный

Упала на берег лазурный
Опять приливная волна.
И так мы встречали с ней утро
Втроем: я, она и луна.

Мгновение, полное страсти,
Дарила она берегам.
Луна разбивалась на части,
Смеясь и тоскуя по нам!

Мы так и живем – неразлучны.
И вместе, и все-таки врозь!
И страсти полны, и бездушны...
И все, что мечталось, сбылось!

Луна в небесах... безутешна.
И бьется волна без конца...
Лишь время одно бесконечно,
Оно и диктует сердцам...

Упала на берег лазурный
Опять приливная волна.
И так мы встречали с ней утро
Втроем: я, она и луна.

Из рук дрожащих

Из рук дрожащих выронил старик
На землю зернышко. Ах, память!..
Ну, а теперь там лес возник...
А мой старик уже не с нами...

И вот моя дрожит рука!..
Что ж, мне пора... А где же зерна?!
Бежит под пальцами строка
Рекой забвения и скорби!

Свет первозданный

На миг мне удалось забыться!
И пыльный город вдалеке,
Людей отчаявшихся лица,
И крики тонущих в грехе...
И смертный, и его убийца,
И слезы на твоей щеке –
Забылось все...И заструился

Свет первозданный. Налегке
Мчусь в небеса свободной птицей.
И на невидимом листке
Пишу о том, что не случится.

Среди дорог, покрытых небесами

Среди дорог, покрытых небесами,
Средь облаков, не видимых с земли,
Одна дорога – только между нами!
И взгляд в глаза закрытые – твои!

Лазурный вальс

Играла ночь лазурный вальс,
Симфонией звучало небо.
А я искал, как прежде, нас –
Так, что глаза мои ослепли.

Среди бегущих дней твоих,
Средь суеты и слов обиды
Искал я день, что на двоих,
Как черствый хлеб, мы разделили.

Вкруг солнца кружится земля,
Года уносят все, что было.
Но неподъемно для тебя
То, что вдвоем мы в ней взрастили.

И ночь, скользящую меж звезд,
Дарю тебе, как ожерелье!
Еще один небесный мост,
Ведущий нас из заточенья!

Играла ночь лазурный вальс,
Симфонией звучало небо...
Ах, нам так не хватает нас!
И потому сердца ослепли!

Звезды в ночи

Дрожали звезды.
Небеса
Звучат сквозь тьму...
Моя рука, протянутая к звездам,
Речной коснулась глади...
Здесь звезды прятались...

И снова я берусь за небеса

И снова я берусь за небеса,
 Руками сердца подпирая звезды.
 Лишь до тебя – далекая звезда –
 Так добираться без души непросто!

Но как собраться, бросив это все?
 Как отрешиться от всего земного?!
 Земное шепчет: «Ты не то несешь!»
 Не страсть – земное, то –
 что жжет любовью!»

И снова я берусь за небеса...

Я обратился к небесам

Я обратился к небесам,
 К истокам созиданья мира.
 И миллионы лет назад
 Я видел одного – кумира...

Мир будто говорил со мной
 Сквозь долгий грохот сотворений.
 И я считал его мгновенья
 И слушал вечности покой...

Я чувствую весь миллиард –
 Как умирают, вопрошая...
 И жизнь, исполненную раем,
 Земной испепеляет ад.

За жемчугом дождя

Ночь подступила, тучами шумя,
 Дожди очередями взрыли землю.
 А я всем сердцем чувствую тебя,
 Уставшую и брошенную всеми.

Деревья стынут... Белый сарафан
 Отметил их, как патрулей дорожных.
 Я память отпускаю осторожно:
 Трепещет сердце от тяжелых ран.

А кто не мучим болью прошлых дней,
 А кто не скован холодом забвенья?!
 Но за печальным жемчугом дождей
 Манят меня таинственные тени!

Бездна

Один остался я на свете.
 Один... среди забот земных.
 Все остальное было ветром.
 И эта жизнь – всего лишь миг.

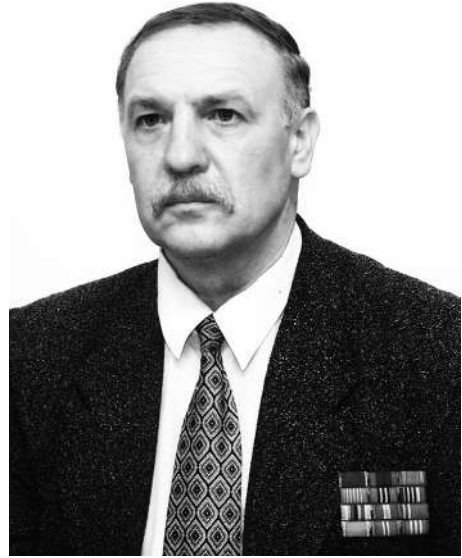
И часто в тишине рассветной
 Я понимаю, что один.
 Блуждает в бездне тьмы планета,
 Но как могуч твой властелин.

Федор Ошевнев

г. Ростов-на-Дону

Прозаик, публицист, журналист. Родился в 1955 году в г. Усмань Липецкой области. Окончил Воронежский технологический институт (1978) и Литературный институт имени М. Горького (1990). Двадцать пять лет отдал госслужбе: в армии и милиции. Майор внутренней службы в отставке. Член Союза журналистов России. Член Союза российских писателей. Автор девяти книг. Более ста двадцати раз публиковался в периодике, в том числе в общероссийских изданиях: «Литературная учеба», «Молодая гвардия», «Смена», «Воин России», «Жеглов, Шарапов и Ко», «Мы», «Наша молодежь», в еженедельнике «Литературная Россия», журналах Германии, Чехии, США, Канады, Австралии, Израйля, Беларуси, Казахстана, Узбекистана. Награжден медалями «За ратную доблесть» – за создание повести на тему афганской войны «Да минует вас чаша сия», «За отличие в воинской службе» I степени – по итогам командировки в Ингушетию, «За отличие в охране общественного порядка» – по итогам командировки в Чеченскую Республику и многими другими.

Рассказы**Граната с сюрпризом**

Эксперт-криминалист, капитан милиции Валерий Войцов был известен как классный специалист даже в областном центре. Он знал все мыслимые и немыслимые марки отечественного и зарубежного оружия от кремневых пистолетов и неподъемных пищалей до кряжистого гранатомета «Муха» и изящного израильского автомата «Узи». Так что при надобности мог дать техническую характеристику любому гладкому либо нарезному стволу. С боеприпасами, правда, работал без особой охоты, но все равно безошибочно устанавливал по стреляным гильзам тип оружия и его отличительные черты. Ну и сам гвоздил отменно: из обоймы «пээма» – пистолета Макарова (а в полной восемь патронов) – шестью-семью рвал десятку...

Той январской ночью Валерий приехал с дежурства почти в четыре утра: ближе к полуночи в центре города прихлопнули коммерсанта, автомат имени товарища Калашникова бросили рядом с изрешеченным телом – словом, работы эксперту досталось с лихвой. В конце концов, удалось обнаружить на автоматном пенале один пригодный для идентификации «палец». Довольный собой, Войцов наскоро проглотил стакан чая с бутербродом и завалился спать, надеясь прохрапеть до обеда.

Не тут-то было! Уже через час капитана милиции разбудил нетерпеливый, настойчивый звонок в дверь. За порогом оказался знакомый старшина-водитель из дежурной части Управления милиции города.

– Одевайся, быстро! – выпалил старшина. – В кабаке «Золотой улей» скандал с дракой вышел, вызвали патрульных, а один новорусский, убегая, гранату через себя кинул...

– Она что, взорвалась? – не понял Войцов. – Кого-то убило?

– Пока нет, потому как не взорвалась. Так в снегу и лежит. В общем, давай в темпе! Зафотографировать надо и отпечатки пальцев снять. Этого-то, которого граната, патрульный все равно достал, скрутил, уже в камере отдыхает.

– Да ты че! – попытался вяло откреститься эксперт. – Тут не я... тут саперы нужны. Какая, к лешему, фотография, какие «пальцы»? Она ж долбануть может ежесекундно.

– Вот и я о том же, – гнул свою линию старшина. – Разряжать надо срочно. Она ж ведь возле автостоянки упала, через час-два с нее транспорт косяком пойдет. Не дай бог... А саперы – где их ночью искать? В штаб округа звонили, да ничего путного не вызвонили. Там пока рядом с гранатой бойца для охраны выставили.

– Ну вы и идиоты! – сплюнул Валерий. – Особенно тот, кто согласился свою смерть караулить...

Войцов умылся, оделся и вместе с водителем вышел на тридцатиградусный мороз. Дежурный «уазик» капризничал, насилу с рукоятки запустили двигатель.

Весь путь до места ЧП занял меньше десяти минут.

Недалеке от группы людей, одетых в милицейскую форму, мерз постовой в грязно-белом полушубке, валенках и с автоматом дулом вниз через плечо.

– Привет, Аника-воин! – поздоровался эксперт. – Ну и где тут наш боеприпас?

– А вон... – ткнул пальцем в сторону от тротуара парень.

Войцов прорезал темноту зимней ночи узким лучом фонаря: в снегу, наполовину утонув в нем, на пузатом ребристом боку лежала «эфка» – ручная осколочная граната Ф-1, в просторечии – лимонка. Зеленая, стало быть, боевая: учебная граната этой системы была бы выкрашена в черный цвет. С выдернутой чекой. И с примерзшим к запалу, не отлетевшим в сторону рычагом, удерживающим ударник на боевом взводе.

Мгновенно зафиксировав все эти детали в сознании, капитан милиции спокойно поинтересовался у постового-«самоубийцы»:

– Слышь, воин... Ты хоть понимаешь, что она уже тыщу раз рвануть могла? А у этой гранаты разлет осколков до двухсот метров – от тебя бы одни валенки остались.

– Так ведь того... Приказали же... – растерялся постовой.

– Ладно, – вздохнув, подвел итог диалогу эксперт. – Вали от греха да подальше. И всем остальным скажи, чтоб в машины сели и отъехали. Я уж тут сам как-нибудь...

Валерий снял меховые перчатки. Обрадованный мороз тут же вцепился в пальцы. Присев, Войцов бережно взялся за лимонку правой рукой – так, чтобы примерзший рычаг ненароком не сорвался в сторону. Обнял гранату покрепче, вытянул из снега и зашагал от автостоянки, с которой уже кто-то из «ранних пташек» вырুলивал на дорогу.

Метрах в трехстах к северу виднелась коробка недостроенного промздания. Туда и направился эксперт, внимательно глядя под ноги и сжимая гранату в ладони, прижатой к груди. Другой ладонью он подстраховывал «эфку» сверху. Пальцы все больше и больше дубели...

Возле недостроя капитан встал поудобнее, чтобы можно было в случае чего сразу швырнуть лимонку в оконный проем, а самому укрыться за кирпичной стеной... Это если, конечно, удастся услышать щелчок разбиваемого ударником капсюля. А если не удастся... собирать будут по кусочкам. И попытался выкрутить запал. Черта с два! Наглухо прихватило.

Что делать дальше? Эксперт не знал... Может, просто сорвать рычаг и зашвырнуть своенравный боеприпас куда бог пошлет? А ну опять не взорвется? Жди утра и потом расстреливай? Как упадет, а то и стрелок не попадет...

Вконец замерзшие пальцы на гранате стали уставать. Валерий гнал от себя захватывающий сознание панический страх.

«Попробовать отогреть гадюку?..»

Минут десять эксперт стоял с гранатой, прижатой к встревоженному, убыстрившему ритм биения сердцу, а далеко в небе горели безразличные к судьбам людским величественные звезды. Войцов хорошо различал среди них ковш Большой Медведицы, но вот научиться читать всю карту звездного неба за тридцать шесть прожитых лет как-то не сподобился. Совсем некстати пришла в голову мысль, что разлетись он, капитан милиции, сей момент на кровавые куски, звезды – иные из которых давно умерли, однако свет от них пока продолжает ровно литься на Землю, – так и будет беспристрастно взирать на суету людскую и после его, Валерия, глупой и бесполезной кончины...

Пошел! Пошел, стронулся с места запал! Пошел!!!

Воспрянувший духом эксперт осторожно выкрутил его, отсоединил от корпуса гранаты, обмотал рычаг извлеченной из кармана лентой «скотч» и взялся за колпачок взрывателя. Чуть пошевелил, а тот возьми да сразу и отделись: запал оказался учебным.

Войцов выматерился. Потом поднял со снега уроненное колесо липкой ленты, рассовал по карманам части лимонки и быстрым шагом направился к коллегам, переживавшим за эксперта в «уазиках». Только сейчас капитан милиции по-настоящему ощутил, насколько промерз и, не исключено, отморозил кончики пальцев. Для баллиста это почти такая же трагедия, как и для профессионального пианиста...

Валерия по его просьбе отвезли в городское Управление милиции. Там, за своим рабочим столом, капитан подробно рассмотрел трофей. Корпус гранаты действительно был аккуратно выкрашен зеленой краской, которую – надо полагать, с помощью пульверизатора – осторожно нанесли поверх черной, а внутрь, вместо тола, напихали земли. Обязательная же у небоевых гранат дырочка внизу корпуса была залеплена полиамидной смолой. Словом, боеприпас оказался учебным со всех сторон: что внутри, что снаружи. Зато мысли о бренности бытия Войцова посещали настоящие.

Наступило утро. Эксперт решил дожидаться начальника отдела – все равно надо было писать подробный рапорт о случившемся. А подполковник милиции Тальев имел обыкновение появляться на службе задолго до урочного часа – любил, грешным делом, до трудов праведных разложить на компьютере пасьянс или сразиться в преферанс с «болванчиком».

На этот раз, конечно, «раскинуть фишки» не получилось. Сначала Тальев слушал доклад Валерия. Потом пристально рассматривал трофей. И, наконец, залез в шкаф, нашел на одной из его полок недостающее до полного комплекта гранаты кольцо с усиками и сноровисто собрал «эфку». (Начальник экспертно-криминалистического отдела слыл великим аккуратистом.)

– Эх, Валера! – подытожил Тальев, пряча рапорт подчиненного и учебное приложение к нему в ящик стола. – Прямо жаль, что она небоевая оказалась. А то бы точно на медаль послали.

– Какая медаль, Сергеич! – откликнулся капитан милиции, отгоняя тяжелую усталость. – С меня бы за глаза и водки стакана хватило!

– А вот спорим, и правда налью! – совершенно неожиданно заявил Тальев.

И... действительно извлек из сейфа бутылку «очищенной».

– Тебе все равно домой, отдохнуть, а я команду дам, чтоб с ветерком доставили... Давай! – и налил Валерию от щедрот почти полный двухсотграммовый стакан спиртного.

Войцов рассудил, что раз шеф угощает, отказываться не след. Да и душа требовала – стресс до сих пор еще не отпустил. Да и промерз... А другого способа живо снять напряжение, расслабиться в городском Управлении милиции, как и в любом другом российском околотке, отродясь никто не знал и знать не хотел.

И лучший баллист города поднял наполненный стакан, провозгласил короткий, но емкий тост: «Ну, будем!» – выдохнул и в несколько глотков расправился со спиртным.

В ту секунду, когда эксперт, взамен закуски, сочно крикнул, незапертая дверь кабинета отворилась. И возникли на пороге трое: подполковник и майор из вышестоящего управления, а также «родной» замначальника отдела кадров, тоже в майорском звании.

– Внезапная негласная проверка несения службы, – объявил дородный подполковник. И тут же последовали выводы: – Стало быть, пьянка на рабочем месте и в рабочее время... Уж от кого-кого, а от вас, Виктор Сергеевич, никак не ожидал. А ваша фамилия, должность? – обратился он к Войцову. – Представьтесь и удостоверение служебное на стол!

Валерий механически назвал и выложил краснокожую «ксиву».

– Ага, – продолжал радоваться проверяющий. – Стало быть, в едином застолье начальника и подчиненного вся сила ЭКО... Может, просветите, по какому случаю пьянка?

– Сейчас объясню... – заторопился Тальев. – Понимаете, он всю ночь гранату разряжал...

– Боевую? – подал голос «неродной» деловитый майор.

– Да нет, учебную... Только сначала она вроде как боевая была, это уж потом выяснилось...

– Надо же! Андрей Юрьевич, – повернулся подполковник-проверяющий к замначальника отдела кадров, не дослушав Тальева. – Полюбуйтесь на вашего незаменимого специалиста: целую ночь затратить на разряжание одного учебного боеприпаса, а с утра хлестать водку! Как вы его на должности-то держите? И начальника тоже хорош!

– Да все ж совсем не так было! – воскликнул Войцов, чувствуя, как пьянеет от пахнувшей крупными неприятностями ситуации. Впрочем, тут сошлось все: и недосып, и мороз, и усталость, и нервное напряжение, да и злосчастный стакан водки на пустой желудок, как бы там ни было, делал свое дело... – Вы ж разберитесь сначала!

– В Управлении собственной безопасности будем разбираться, – пообещал подполковник. – От несения службы пока обоих отстраняю.

– Надо бы начальнику горуправления позвонить, – подсказал пунктуальный майор.

– Да, порядок есть порядок, – согласился старший проверяющий и поднял телефонную трубку. Пока набирал номер, безапелляционно заявил: – Я бы таких пьянчуг, как этот капитан, вообще выгонял без суда и следствия; вон, еле на ногах держится, позорище...

Дальнейшие действия эксперта квалифицировались как крайне импульсивные.

– Выгоняли бы? – переспросил он. – За один стакан водки, пусть даже и в рабочее время? А желаете, я вас всех сейчас сам выгоню?! Без суда и следствия! В момент! И в вечное увольнение!

Рванув на себя ящик стола, Валерий выхватил злополучную липовую лимонку. Побывав в заботливых руках начальника ЭКО, она приобрела вполне товарный вид.

– Зеленый цвет видите? – демонстрировал виновницу всех бед Войцов проверяющим. – Соображаете – боевая? – он уже почти кричал... – Вот так вот!

Эксперт вырвал кольцо с усиками и катнул гранату аккуратно в направлении подполковника, стоящего у телефона.

Пока два майора совместными лихорадочными усилиями брали дверной проем, намертво застряв в нем, грузный подполковник в оцепенении, с выпученными в ужасе глазами и перекошенной физиономией пялился на зацепившуюся за его ботинок лимонку. А на его серых форменных брюках, вокруг ширинки, быстро распозалось обширное мокрое пятно.

«Дело Войцова – Тальева» впоследствии разбиралось в самых высоких милицейских инстанциях. Причем с Тальевым решили быстро: направили с понижением в должности в район, «на землю», откуда подполковник милиции

сразу же подал рапорт на пенсионирование. С капитаном разбирались долго – проверяющий с подмоченной репутацией настойчиво требовал возбуждения уголовного дела. Но для этого так и не смогли подыскать подходящей статьи – редчайший случай: человек есть, а статьи нет. Разве что мелкое хулиганство, что выглядело очень несолидно. Правда, эксперту две недели пришлось отлежать в «психушке», но там его признали вменяемым.

И в конце концов Валерия тоже потихоньку убрали из органов внутренних дел – не помогли ни прежние блестящие характеристики, ни авторитет лучшего баллиста города. Но пенсию все-таки назначили: как-никак, полтора года Валерий отвоевал в Афганистане, их надо было умножать на три, да плюс милицейская служба – двадцать лет стажа как раз и набралось.

Говорят, капитан запаса теперь весьма неплохо зарабатывает ремонтом различного рода оружия...

А подполковника – где бы он теперь ни появился – за глаза все называют просто: Писун. Подполковник знает об этом. Обижается. И очень переживает...

Пернатый муфлон

Ночью из вольера зоопарка одного из южных российских городов таинственно исчез муфлон. То есть, конечно, не сам исчез – экспонат не был склонен к побегам, – да и не так чтобы уж очень таинственно. Его – размышляли удрученные зоологи – грубо и цинично под покровом душевной ночи наверняка похитили существа более разумные. Как, например, те же бомжи, коих неподалеку от обездоленного зоопарка, в пойме реки, летом обреталось изрядное количество.

О самом механизме похищения тоже гадать особо не приходилось. Он явно совпадал с механизмом исчезновения купца Портретова из знаменитого уголовного рассказа Чехова «Шведская спичка»: «Мерзавцы убили и вытащили труп через окно». Равно как и купец Портретов, живым муфлон мало кого интересовал: тащить-то его во здравии представлялось чреватым. Куда сподручнее было перемахнуть ограждение вольера и прикончить беззащитную жертву прямо в ее родных пенатах. Дабы затем перебросить свежатину через сетку и, за неимением окна, умыкнуть сквозь дыроватый забор. На воле же труп муфлона, ясное дело, был надежно скрыт путем зажаривания с последующим поглощением.

К тому времени, как в районный отдел милиции от директора научно-просветительского учреждения поступило соответствующее заявление, прошло уже трое суток, и от самого муфлона остались, как в народе говорится, рожки да ножки. А тотальное и радикальное промывание желудочно-кишечных трактов окрестных бомжей никаких улик теперь дать не могло. Однако заявление было зарегистрировано, и факт исчезновения живности по закону требовалось расследовать. И начальник уголовного розыска райотдела поступил так, как на его месте поступил бы и всякий другой начальник УгРо по России: поручил это перспективнейшее дело самому на тот момент молодому оперуполномоченному – лейтенанту милиции Игорю Пискареву...

Хоть и молод был сыщик, но он даже после третьего стакана понимал, что отыскать особо ценный экземпляр у него ровно ноль целых и ноль десятых. Тем не менее он добросовестно облазил весь зоопарк, так что его начали узнавать некоторые из экспонатов, – особенно долго не сводил с лейтенанта желтых зековских глаз огромный уссурийский тигр. Побеседовал Пискарев и с несколькими бродягами, коротавшими время у шалаша из веток на берегу реки – из тех, кто на момент разговора еще мог вязать лыко. Из такового общения опер вынес твердое убеждение, что именно они-то и сожрали несчастного красавца, но подкрепить солидную версию доказательствами... Увы: плевое в общем-то дело превращалось в безнадежный «висяк» – из тех, что уже ни в сейф до лучших времен не засунешь, ни до суда никакими стараниями не доведешь.

Понимая это и ощущая грядущие неприятности, начальник УгРо ежедневно, на утренних и вечерних оперативках, на глазах у злорадных коллег устраивал лейтенанту показательные и обидные разносы. И, явно переусердствовав в этом, допек Пискарева до отчаяния и богатой идеи, что поскольку следов взлома замка на двери вольера не было, так почему бы и не попробовать от кошмарного фактового дела отбояриться отказным материалом?

Идея сулила покой. Идея спасала всех. Но надо было ее как-то убедительно обосновать... Главное: куда конкретно мог самоустраниться из запертого вольера своенравный муфлон?..

На Руси единственным и доступным каждому сотруднику милиции источником зоологических знаний спокон веку являлась передача «В мире животных». Но наш герой, судя по всему, ее отродясь не смотрел. Иначе бы...

Впрочем, воображением Господь Пискарева не обидел, а посему, основательно поломав голову над чистым листом и обгрызая кончик авторучки едва ли не на сантиметр, оперуполномоченный в муках творчества родил следующий нетленный документ (цитируется полностью):

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ
об отказе в возбуждении уголовного дела

город Н-в

20 сентября 199... г.

Оперуполномоченный ОУР Свердловского ОВД г. Н-ва лейтенант милиции Пискарев Игорь Юрьевич, рассмотрев материал за № 982647 от 29 августа 199... г. по факту исчезновения муфлона из городского зоопарка, –

УСТАНОВИЛ:

26 августа 199... г. в Свердловский ОВД г. Н-ва поступило заявление от директора городского зоопарка Маркизова Семена Вениаминовича об исчезновении из запертого вольера муфлона.

В ходе сбора материала был опрошен работник зоопарка Котелко Павел Иванович, который утром, при раздаче корма животным, непосредственно и обнаружил отсутствие муфлона в запертом вольере. Произведенный осмотр территории зоопарка и примыкающей к нему местности положительных результатов не дал. Проведенный подворовый опрос жильцов близлежащих домов свидетелей исчезновения муфлона изначально не выявил.

Однако в беседе с работниками зоопарка установлено, что ветеринар учреждения гражданин Бескорвайный Валентин Андреевич, в обязанности которого входит наблюдение за состоянием здоровья зверей и птиц, содержащихся в зоопарке, своевременно не принял необходимых должных мер к предотвращению возможности самостоятельного покидания муфлоном территории упомянутого учреждения, поскольку по бесконтрольности не обстриг ему крылья в срок, указанный в графике обрезаний, что позволило вышепоименованной птице, с учетом наступившего периода перелета пернатых на юг и сильно развитого у семейства муфлонов чувства стадности, при обнаружении стаи диких муфлонов, пролетающих над зоопарком в направлении теплых стран, разбежаться, взлететь и присоединиться к собратьям, каковой процесс улетания наблюдался свидетелями, гражданами Стрюковым Юрием Дмитриевичем и Припойко Сергеем Валерьевичем, лицами без определенного места жительства (отобранные заявления прилагаются к постановлению).

С учетом изложенного, руководствуясь статьей 113 и пунктом 1 статьи 5 УПК РСФСР, –

ПОСТАНОВИЛ:

В возбуждении уголовного дела по факту исчезновения муфлона из городского зоопарка отказать за отсутствием события преступления».

Пискарев радостно и витиевато подписал документ, и он лег на стол начальника ОВД. Тот немедленно согласился с отказным и даже похвалил молодого сыщика за фундаментальные знания особенностей поведения муфлонов и прочих рептилий. Материал стремительно списали в архив... Из зоопарка, правда, раза два еще звонили и робко интересовались посмертной судьбой муфлона, но к тому времени начальник УгРо уже перевел все телефонные стрелки на Пискарева, а тот важно отвечал: «Ищем... Всем отделом... Как только, так сразу...» А потом зоопарк захлестнули события: заболел африканский слон, у четы уссурийских тигров появилось потомство (ох, недаром полосатый папаша так присматривался к нашему лейтенанту), но больше всего хлопот доставлял недавно прибывший из забугорья сварливый и неуживчивый кот-манул. Словом, вскоре о неразъясненной пропаже напрочь забыли...

Но ровно через год грянула гроза. Прокурор, кропотливо проверявший отказные материалы, наткнулся на дело о «пернатом муфлоне». И все было бы ничего – сам проверяющий скупно разбирался в вопросах птичьих перелетов, но вот слово «муфлон» ему показалось до любопытства знакомым...

На беду лейтенанта Пискарева, у прокурора была жена. Да не просто жена, а зоолог. Мало того, кандидат наук. И терзаемый смутными сомнениями муж обратился к спутнице жизни за справкой: действительно ли упомянутые птицы относятся к разряду перелетных и дружны, как октябрюта застойных времен?

Нам неведомо, в каких именно выражениях супруга работника правоохранительных органов отозвалась об умственных способностях своей сильной половины. Важнее другое. Женщина сообщила, что муфлон – это жвачное парнокопытное животное, относящееся к подвиду архаров и размножающееся быстрее других его представителей. А чтобы уж у мужа исчезли последние иллюзии, снисходительно добавила: «Баран. Полорогий. Горный. Каменный. Дикий».

Прокурору хватило смекалки отнести последние высказывания не только на свой счет...

Что сделали с лейтенантом Пискаревым по служебной линии – о том история скромно умалчивает. Надо полагать, ничего хорошего. Но куда хуже другое. С того времени к бедолаге навеки приклеилось обидное прозвище: «Пернатый муфлон». В райотделе опера и до сих пор никто по-другому не называет. Хорошо еще, что за глаза...

Хава Гагаева

О чем не говорят...

Черт бы побрал моих друзей,
когда они, красиво сервируя,
за стол садятся
и из тарелок
рассуждений и богемности
друга друга время
пожирают.

Не покидает ощущение
причастности к великой драме,
чью кульминацию
глупцы воспримут
за начало.

Интересно, каково это – быть тобой,
презирать целый мир –
и пытаться его изменить?
Вуалировать слово «любовь» и, боль
оседлав, диким койотом выть?..
Прав ли тот, кто предался тоске и
ждет сострадания истины и тишины?
Или, кто, воплощая свои дела, живет
с атрофированным чувством вины?..
Кто не сеет, а только лишь
спит свою жизнь, как все,
станут метками на твоём пути – и все.
Расскажи о проблемах
полярной звезде,
а дорогу тебе укажут сны.

Дико хотелось взять тебя с собой
или забраться на твою телегу,
утешить в том, в чем ранее
ты был отвергнут.

Но наши колебания взаимные в
разных плоскостях,
разных плоскостях.
Ты здесь хозяин,
я как будто бы в гостях,
будто бы в гостях.

Это то, о чем не говорят,
но я привыкла касаться этого речью,
просто упоминать,
как что-то имеющее место.

Так бесконечно друг от друга далеки:
наверно, зря я за тебя цепляюсь.
Несется вдаль течение вод реки,
хоть и местами завихряясь.
Так глупо бережно хранить алтарь
с твоим участием
взращенных открытий.
Стареющим подростком календарь
я обрываю, сохраняя нити,
едва заметные надежды возвращенья
туда, где я была свободна
и любима безусловно. Просто
как норма отношения.

С целью ясность внести
фонарем признания немого света,
донести людям этого туннеля,
друг на друга наступающим то и дело,
в привычных с рождения потемках.

«Плевать на то,
что вам плевать на то,
что всем плевать,
что мне плевать» –

сказала вслух.
В то время как
по ее внутренним щекам
стекали внутренние слезы.

Есть что-то то,
что не дает мне быть хорошей
в глупых местах
и наполнять душевностью
дырявые сосуды.

Однако часть меня хотела
научиться помещать в своей груди
чужую боль кубическую.

Самым прекрасным звоном
в ком звенят места,
поющие на языке не-разума

И появляются не в фокусе,
а где-то сбоку, ненавязчиво
не вслух.

Железо крыши мешает
дождю заплевать меня,
и я, по природе своей,
принимаю это как должное.
Если я потеряюсь,
ты будешь искать меня?
Все слилось воедино:
простое и сложное.

О, как хотелось бы тебя –
за счет того чтоб вырваться самой –
из пошлости невыносимой вытянуть.
И, упиваясь мимолетностями,
хоронить привычность
и рассудочность,
ладонями друг друга чувствуя тепло.

Мне так хотелось...
Только внимая
велениям вышестоящего порядка,
ныряю вновь и вновь,
и в новые туннели.
Где свет светит
настойчивый и честный,
который приведет
куда не знаю.

Марьям Хадысова

Хочется в рыжий цвет...

Сажай деревья, смотри, как они растут – березы и ели, дубы и раскидистый тут. А там за холмами – холодной дрожью дожди. Моя ли вина, что древние пали вожжи? Моя ли вина, что не всякая сказка – ложь? Всеми забытая правда остра, как нож: вскрыется венами, выйдет за берега, вытрясет душу, сотрет – и не дрогнет рука! – пылью дорожной с разбитых скитаньями дум – все, что досталось тебе от бесчисленных лун... Сажай деревья – груши, яблочкай, персики, грецкий орех – и жди урожай. Часы на стене отсчитают положенный срок – и кто-то, как ты, переступит родной порог, чтоб всеми забытую правду принять на вкус, чтоб кровью излиться и вспомнить, что он не трус.

Не всякая сказка, видишь ли, друг мой, ложь: держи заточенным жало, кольцо не трожь, в кладовке пусть будет эль на случай гостей.

Нам ли с тобой не собрать к этим картам ключей? Древние короли будут жить в веках, покуда из уст в уста мы несем их прах.

Всякая боль обернется однажды сном. Помни, мой друг, о хорошем и о плохом, помни мои слова. Завернувшись в плед, слушай, как ветер ловит ветвями тут. Сажай деревья, смотри, как они растут.

Письмо

Здравствуй, друг! Не виделись ровно месяц. Мне теперь тебя, наверно, и не узнать. На исходе июнь, мои сны ничего не весят: я вплетаю их каждое утро перьями в прядь. Ты все так же не спишь по ночам? Ненавидишь утро? Я же чувствую, как ты сползаешь по буквам на «нет». Что случилось опять? Настроение сыпется пудрой? Завалили работой? Не можешь сбежать на обед? Уезжают друзья? Заболел? Опротивел город? Не спасают любимые кофе и рок-н-ролл? Вместо ласки в ответ на все получаешь укоры? Говорят, что ты – взрослый, но взрослым ты быть не готов?

Понимаю. Мне тоже твердят, мол, не майся дурью, будь серьезной и твердо ступай в каждый новый день... У меня в голове – ураганы, шторма и бури, и уже отошла от ракеты вторая ступень. А за тучами, знаешь, такие бывают звезды! Отвечают на каждое «здравствуйте» взрывом «салют»!

Слышишь, друг, прекрати забивать в свои пальцы гвозди, ты ведь тоже летаешь, дождавшись, пока все уснут. Так летай, несмотря ни на что, и как можно выше – пусть уж лучше износишь крылья свои до дыр. Помни: я на твоей стороне и в грозу, и в затишье. Поднимайся, дружище, тебя дожидается мир.

Письмо второе

Привет! Снова я. Ты, наверное, спишь? Это правильно, сон тебе нужен. Мне не спится. Я слушаю пение крыш и ишу Ориона в луже. Он над домом твоим оставляет свой щит и садится со мной у порога. Ты когда-нибудь слышал, как

время трещит, распадаясь на пыль раньше срока? Дождь сбивается с ритма, и рваный аккорд бьет по окнам не спящих за книгой. Орион три звезды нацепил на забор и смеется – здесь все ему дико. Он не может понять, для чего всякий раз люди прячутся ночью под пледом, когда тысячи тысяч огненных масс рвут на клочья Вселенную светом...

Я хотела бы звезды тебе показать – до единой и чтоб поименно.
Возвращайся скорей: Орион будет ждать, как обычно, над крышей.
Дома.

Что-то идет не так. Я не знаю, что.

Мысли – опять бардак [пяткой чую дно]. Хочется в рыжий цвет и гулять всю ночь, слушать знакомый смех и молчать о том, что что-то идет не так.

Электронных почт [увы] не касаются фибры моей души. Буквами не передать смысл слова «дыши». Только дыши полной грудью, дыши навзрыд. Слышишь меня? Не бойся чужих обид! Слышишь меня? Не бойся! Ты будешь жить! Слышишь меня?..

Не слышишь. Ведь я молчу, что что-то идет не так. Опять строчу замысловатые фразы [чтобы секрет остался секретом]. Точка. Отправить. В ответ хочется пешим ходом до самых звезд, и пусть ты [как будто] не веришь в планету-шар. Мне хочется в рыжий цвет[это все всерьез] и перед грозой босиком делить тротуар на «после» и «до» того, как скажу о том, что что-то идет не так.
И я знаю, что.

Этот город всегда был пустым, а теперь он молчит и не дышит. Этот город остыл, посинел и покрылся пятнами фотовспышек. Этот город не любит живых и не даст никому согреться. Этот город – мертвец, ты – последний разряд по сердцу.

Ты – последний удар и последний толчок по венам. Ты из тех, для кого никогда не найти замену. Оттого, что замена – обман, ты же – скрытая правда. Ты – всего лишь вчера, но зачем тогда нужно завтра?

Ты – всего лишь вчера, мне – осталось дожить сегодня. Мне осталось носить свои мысли по подворотням и подкидышами оставлять их чужим порогам.

Я умею любить. Это было в секрете строгом, но теперь этот город знает, что я – живая. Он раздавит меня, размажет, ревя и стеная от досады, что недоглядел, допустил, дал маху. Он назначил тебя палачом, он поставил плаху...

Этот город устал ото лжи, отчаянья, боли. Этот город устал, как и ты, бесконечно спорить. Этот город устал, как и я, не верить ответам.

Этот город устал.

Ты молчишь.

Моя песенка спета.

И пойму, и прощу, и пушу обратно в мой склеп. Ничего не спрошу, посажу у окна, как и раньше. Черный чай, сахар – две, – я все помню – и свежих галет. Умирай поскорей: тебя ждет мой бездонный ящик – мой любимый тайник для отживших свое интриг. Я тебя уложу сверху-справа, на всякий случай. Если станет тоскливо – я жду тебя. Постучи.

Да. Ты прав.

Ничему меня жизнь не учит.

Сулиман Мусаев**Из «Адлерской тетради»**

Очерк

Окончание. Начало в № 3.

В начале лета большинство трасс уже было готово – уложили пластиковые трубы, пятидесятки и стодвадцатки, и закопали многие траншеи. Трубы-пятидесятки предназначены для одной, двух, иногда трех ниток кабеля, а стодвадцатки – для пяти, шести, а чаще и более ниток. Потом ставили консоли – это такие железки, которые прикрепляются к стенкам колодцев. На них укладывается кабель, чтобы он не провисал в колодце. После этого начали тянуть кабель. Он разной толщины. Из того, что укладывали мы, самый толстый двухсотдвадцатый, многожильный. Один метр такого кабеля весит более восьми килограммов.

Тянули кабель так. Сначала, разматывая катушку на колесиках, запускали в трубу «крот» – толстую, с мизинец, стальную проволоку с крючком на конце. Его толкали, пока он, пройдя необходимое расстояние и число колодцев, не выходил на другом конце трассы – иногда метров двести и более. Затем цепляли к крючку на конце проволоки трос лебедки, и несколько человек, равномерными толчками дергая проволоку, тянули обратно. На этом конце трассы готовили кабель: установив на высоких, метра полтора, домкратах огромную катушку или же подвесив ее на кране, отматывали конец кабеля и надевали на него стальной чулок, который мертво схватывал его, если натянуть. Чулок же этот цеплялся к вытянутому из трубы тросу лебедки и запускался обратно. Если кабель толстый, у трубы садился один из рабочих и периодически смазывал его солидолом или заливал в трубу жидкое мыло, чтобы поберечь изоляцию. Еще надо следить, чтобы катушка вращалась с одинаковой скоростью, поддерживать кабель, чтобы он не волочился по земле. В каждом колодце, через который протягивают кабель, должен сидеть человек и следить, чтобы края труб не повредили изоляцию.

Прокладывание кабеля – тяжелая, изнурительная работа. Мы возвращались в гостиницу очень уставшими. Иногда приходилось работать допоздна, порой до часа или двух ночи. Разумеется, и столовая к этому времени закрыта. Бывало и так, что оставались на объекте и, передохнув пару часов, вновь принимались за работу.

Ехать от гостиницы до вокзала на автобусе минут сорок. На адлерских дорогах не редки пробки, особенно по утрам и вечерам, и тогда путь затягивается на часа полтора-два. Иногда вечером автобус из-за пробок совсем не может добраться до объекта, чтобы забрать нас, и тогда мы идем пешком через пол-Адлера в своих спецовках. Впрочем, то, что придется шагать по городу в рабочке, не очень смущает нас – здесь, на улицах, сейчас много таких, как мы.

Автобусы наши забиваются битком. Как говорится, кто успел, тот и сел. Большое удивление у рабочих вызывает то, что мы, чеченцы, встаем, когда в автобус поднимается кто-то из своих, уступаем друг другу или же человеку постарше любой национальности место. Некоторым даже непонятно, зачем парень встал, когда старший вошел в автобус.

– Да-а, – сказал как-то Рома, молодой парень лет двадцати, – а вот у нас в транспорте никто не встанет, даже если над ним будет стоять-трястись старенькая бабулька!

– А ты за всех не говори! – осадил его Сергей, мужчина в годах. – Вот, что ты никому не уступишь место, в это я легко поверю...

С нами работают и татары, человек двадцать. Четверо из них из Татарстана, остальные из областей Урала, Сибири, один из Марий Эл. Некоторые из тех, что не из своей республики, потеряли национальную идентичность, не знают языка. А Роман Файзулин к тому же и крещен в юности (правда, у него мать русская и живут они с отчимом-марийцем). Принадлежность к религии они определяют национальным происхождением. Видя, что мы не едим в столовой мяса, не покупаем тушенки, колбасы, выполняем, по возможности, религиозные обряды, они задают много вопросов по исламу. Фарид Гайфетдинов, высокий полный балагур, успевший подружиться с моим односельчанином Бекханом Сугаиповым, послушав как-то его небольшую лекцию про обязательный пятикратный намаз, пост в месяц Рамадан, другие предписания ислама, посидел некоторое время молча и задумчиво произнес:

– А я до сих пор думал, что я мусульманин...

Фарид носил на шее на серебряной цепочке миниатюрный Коран в виде кулона. Он рассказывал, что в их татарском селе, что в Оренбургской области, намаз делают только старики, никто не держит свиней, но сам он здесь, в Сочи, не брезговал ни тушенками разными, ни сосисками.

Да и некоторые русские с Урала – видимо, думая угодить нам, – заявляли:

– У меня жена (мать или теща) мусульманка!

– А ты сам мусульманин?

– Нет, православный.

– А кто жена по национальности?

– Казашка.

– Ну тогда так и говори, что казашка. Если она, урожденная мусульманка, вышла замуж за человека иной веры, то она уже не мусульманка, а просто казашка или татарка.

Саша Исхаков из села со смешанным русско-татарским населением, что в Челябинской области, рассказывает:

– У нас в селе два кладбища, православное и мусульманское. Кто бы в селе ни умер, мы все вместе – и русские, и татары – хороним и поминаем вместе.

– Что, и на мусульманских похоронах пьете?

– Молодые – да. Надо же помянуть человека. А старики собираются и молитвы читают...

А вот Рафаэль Багаутдинов живет на севере Татарстана, в селе Кукнар. В их селе, рассказывает он, большинство населения выполняет предписания ислама, ходит в мечеть. В последние годы интерес к религии резко вырос, особенно у молодежи.

Из ребят, представителей мусульманских народов, что работали с нами в тресте, большей религиозностью отличались чеченцы, дагестанцы и турки-месхетинцы. В месяц Рамадан, несмотря на то, что в такую изнуряющую жару работали под открытым небом, некоторые из них держали пост. Среди них были и чеченцы – Бекхан, о котором я говорил выше, мой двоюродный брат Халид Зайтаев из Гойт. Надо заметить, что при этом приходилось обходиться без столовой и покупать продукты на ифтар в магазине, отправившись туда поздно ночью, после возвращения с работы.

В Адлере много чеченцев. Отправившись на местный рынок, обязательно встретишь не просто земляков, а даже односельчан или же знакомых.

Эти благодатные земли в восемнадцатом-девятнадцатом веках стали ареной ожесточенных баталий горцев против царских войск. Здесь жили многочисленные адыгские племена – шапсуги, бжедужи, натухайцы, убыхи и другие, ныне совсем исчезнувшие или насчитывающие всего по несколько сот человек. Название одного из четырех родов полностью уничтоженных убыхов и носит, кстати, сегодня город Сочи. Этот род как раз и обитал здесь. От некогда самого многочисленного северокавказского народа остались сегодня сравнительно небольшие анклав – Адыгея, Кабарда, Черкесия... Сотни тысяч адыгов было вырезано, изгнано в Османскую империю. Многие топонимы, гидронимы здесь адыгские – Сочи, Кудепст, Мацеста, Мзымта, Туапсе и сотни других. (Из этого ряда, кстати, и чеченское село Пседах, что в Малгобекском районе. «Псе» на адыгском означает «вода»).

И чеченцы оставили свой след в бурной истории края. В конце восемнадцатого века в нескольких десятках километров к северу, в крепости Анапа, был пленен первый имам Кавказа, шейх Мансур (Ушурма из Алдов), в момент, когда пытался взорвать пороховой склад. Здесь же, недалеко в горах, в 1844 году погиб алим, талантливый наиб Хаджи Мухаммед, который прибыл возглавить борьбу закубанских горцев. Здесь против колонизаторов воевал другой чеченский наиб Мухаммед Эмин. В двадцатых годах девятнадцатого века в турецкой тогда крепости Туапсе комендантом был наш земляк Хасан Чечен-Хаджи (в некоторых текстах Чечен-Оглы).

Примерно до конца лета мы каждое воскресенье отдыхали. А потом выходные стали давать все реже. В свободное время идем в магазин, стираемся или же просто сидим, общаемся. Телевизор в каждом номере, но его почти не смотрим – разве только иногда новости послушаем.

Женя, мой сосед по номеру, очень начитанный парень. Но он меня очень удивил, когда мы заговорили о религии.

– Я не христианин, – заявил он.

В здешней среде я встречал много неверующих людей, и поначалу меня это не очень удивило.

– Атеист? – спросил я.

– Нет, я верю в наших славянских богов.

– Как это? Ты серьезно, что ли? Язычник?

– Не язычник. Я поклоняюсь русским богам, но никогда не поклонюсь еврейскому богу, рожденному в яслях.

– И что, ты выполняешь какие-то свои обряды?

– Нет, я просто верю в них...

Сколько мы еще ни говорили на эту тему, я так и не смог понять его.

Вернулись с работы вовремя, и я решил сходить в гостиницу «Мандарин», к землякам – сегодня из отпуска должен был вернуться Руслан. Поднимаюсь на лифте на четвертый этаж. На их двери висит лист бумаги, на нем большими жирными буквами написано: «ОСТОРОЖНО: ЧЕЧЕНЦЫ!» Я сорвал лист и зашел:

– Ас-салам алейкум!

– Ва алейкум ассалам!

Руслан складывает продукты в холодильник. Обменялись традиционными вопросами.

– Что это за ребячество? – протянул я им лист бумаги.

– Это твой племянник! – рассмеялся Сираджин.

– Нет, ну правильно сделал! – заступился за Адама Рустам.

– Последние два дня достали нас эти бухарики, – объясняет Бекхан. – Заглядывают каждые полчаса: «А где Андрей?» Мы объясняем, что они дверью ошиблись, нет тут никакого Андрея. Через какое-то время опять: «А Андрей вышел?» Да еще без стука.

На столе копченый курдюк, сушеная говядина, домашний сыр... Это Руслан привез. У нас сегодня праздник.

Лежу на койке, смотрю телевизор. У меня выходной. В начале осени выходные стали давать не всем сразу, а по очереди, то есть каждый день оставляли дома отдыхать по несколько человек. Стук в дверь. Открываю, стоит уборщица со своим инвентарем, Лиля. Ей лет тридцать пять. По внешности уроженка Средней Азии, но черты лица несколько мягче. Возвращаюсь на свой диван, она начинает уборку.

– Давно здесь? – спрашиваю.

– Да, уже третий месяц. Приехала отдыхать, понравилось и осталась.

– А откуда сама?

– Из Узбекистана.

– Ваших тут много, – сказал я.

Это ей почему-то не очень понравилось:

– Нет, это с Самарканда, Андижана. А я из Ташкента, наших тут почти нет.

– Говорят, очень красивый город.

– Да, очень красивый, – загорелась она. – Знаешь, как его называют?

– И как же?

– Второй Париж! – с гордостью заявила она.

Я решил поддеть ее:

– А знаешь, как теперь Париж называют?

– Как?

– Второй Грозный!

Она не сразу поняла, потом рассмеялась.

Поразило невежество некоторых рабочих в вопросах политики, географии. Многие спрашивали, какая валюта ходит в Чечне.

– Рубль, конечно, как и во всей России.

– А Чечня разве в России?

– Ну конечно, в России.

– А почему мы тогда воевали?

– Ну, этот вопрос точно не ко мне.

Другие спрашивали:

– А откуда вы так хорошо знаете русский язык? Разве в Чечне его преподают?

А Андрей, молодой парень из Волгограда, как-то обратился ко мне:

– Давай на выходных поедем к вам в Чечню? Говорят, Грозный просто шикарно отстроили. Покажешь мне все там у вас?

Я несколько удивился, но согласился:

– Хорошо, поедем. Когда у тебя отпуск? – я решил, что он в свой отпуск хочет приехать к нам в республику.

– Отпуск еще не скоро. Вот в это воскресенье и поедем, ладно?

– Так нам в один конец ехать почти сутки! Это когда мы обернемся?

– Сутки? Я думал, отсюда ехать к вам часа три-четыре...

В Сочи я впервые услышал некоторые жаргонные слова и выражения. Одни из них, если так можно выразиться, общерусские, другие, как мне кажется, присущи какому-то определенному региону. «Синяк» – пьяница, алкоголик. «Брызнула фляга» – так говорят, когда перепивший человек начинает дебоширить. «Забодать

олена» – притвориться удивленным... Слово «тысяча» в отношении денег тоже не в почете у наших рабочих. Трестовец никогда не скажет «пять тысяч» или даже «пять кусков», он выразится проще – «пять рублей».

Заводили кабель в небольшое здание привокзального ЛОВД – линейного отдела полиции. Завершить работы не успели, и нас перекинули на другой участок. Концы кабеля остались торчать из траншеи, и Паша Кобзев, наш мастер, попросил меня:

– Поохраняй тут, пожалуйста. Вдруг найдется какой дятел, перерубит наш кабель, придется потом весь менять.

И я остался охранять кабель. Два дня ничего не делал, просто сидел и смотрел, чтобы кабель никто не перерубил – медь дорогая, и в городе много точек, где ее принимают. Рядом небольшой, старый, но пока действующий вокзал. Снуют пассажиры. Подходят поезда, другие отправляются в путь. Москва, Петербург, Воркута, Калининград, Минск... Сажу на бетонной тумбе, наблюдаю за прохожими. Я в своей спецовке, каске – если появится тэбэшник (сотрудник отдела безопасности), без всяких разговоров оштрафует, если буду без каски. Вот с огромными баулами подошли две женщины, поставили их. Я по внешности сразу узнал землячек. Им лет пятьдесят-пятьдесят пять. Скоро к ним присоединились еще две женщины с такими же большими сумками. Из их разговоров я понял, что они приехали недавно, с работой не вышло, и вот возвращаются домой. Я подошел к ним, поздоровался:

– Давайте я помогу вам, – и подхватил две сумки.

До здания вокзала метров двести. А сумки тяжеленные. Женщины идут за мной, и я слышу обрывки их разговора:

– Не возьмет, может... Он же тоже чеченец...

– Ну и что? Он на работе...

Я понял, о чем они, но подумал – шутят, наверное. Потом одна из них обращается ко мне:

– А ты знаешь, у нас денег совсем не осталось...

– На билеты денег нет? У меня на карточке есть, возьмем...

– Нет, билеты мы уже купили... Нам тебе нечем заплатить.

Оказывается, из-за моей спецовки они приняли меня за носильщика...

Сидим за зданием железнодорожной прокуратуры. Перекур. По чертежам здесь должен находиться колодец, установленный еще в советские времена. По новому проекту через него должна пройти одна из наших трасс. Ни экскаватор, ни даже боб-кат сюда не заедет, поэтому приходится откапывать его вручную, наугад, можно сказать. То ли чертежи неточные, то ли еще что, но с первого раза мы не нашли колодец.

Кто курит, кто сидит, подремывая. Из чьего-то телефона неторопливо льется песня:

Сытой тянется змею
Кабель с руку толщиной,
А на нем, как гроздь, висят
Сто монтажников-ребят...

– А вот у нас случай был, – рассказывает Дима. – Сидели мужики, бухали. Один из них, тракторист наш местный, Леха, все хвастал своей смелостью. А мужики ему говорят: «Если такой герой, сходи на кладбище, воткни лом в могилу Лесничихи!» А у нас за неделю до этого бабульку одну похоронили, гадалку. Мрачная была старуха, все ее боялись. «Что, сдрейфил?» – «Да запросто!» – ответил Леха, хозяин дал ему лом, и тот ушел. А ночь была, дождь

шел. Ждут его, ждут – нет Лехи. «Да домой он ушел», – решили мужики, накатили еще и разошлись. На второй день Леху жена ищет по всей деревне. Сходили на кладбище, а там у могилы гадалки Леха лежит – глаза навывкате, рот открыт, а на свежей могиле лом торчит. Оказывается, он лом воткнул через полу своего плаща, а как захотел обратно идти, решил, что его кто-то держит, ну и копыта отбросил...

– В прошлом году у моего соседа козел пропал, – начинает свою историю Коля. – Пошел его искать, услышал на кладбище бляение и нашел в могильной яме, что выкопали для Степана, что умер в тот день. Сосед попытался вытащить своего козла и сам туда свалился. Кричал, кричал – да разве кто услышит?! А ночью из соседней деревни домой через кладбище Иван Петрович шел, местный учитель. Бухой, песни орет. Сосед услышал его и вновь начал кричать. Учитель пошел на голос, нашел яму, в которой сидел сосед и решил его вытащить. Встал у ямы на колени, протянул руку... И рука его нащупала рог... Это сосед ему сначала козла протянул... А учитель, дико крича и визжа, за несколько минут добежал до деревни. И пить после этого бросил.

По ночам катушки с кабелем охраняли: стоимость одной – до пяти миллионов рублей. Даже если его перерубить, очистить и сдать медь, выйдет приличная сумма. Пару недель у катушек в ночь сидел Абубакар, после него около месяца – я. Если катушки находились в разных точках, охранников оставляли несколько. Ночью скучно и спать нельзя, сидели по большей части в интернете. Отсыпались днем в гостинице.

Начиная с октября, когда работы близились к завершению, нас небольшими группами начали переводить на стадион, а некоторых отправили в другие регионы – в Москву, Зеленоград, Челябинскую область... Расстался в ноябре с вокзалом и я, меня тоже отправили на стадион. Здесь физическая нагрузка была не такая, но мне понравилось меньше – нескончаемые коридоры, лестницы, продуваемые насквозь комнаты. На стадионе иногда работали по полтора суток – приехал на объект в восемь утра и работаешь до часа следующего дня. Потом отвозят в гостиницу, и отдыхаешь до следующего утра, а затем вновь на работу.

Работа в Сочи свела меня с новыми людьми, я обрел друзей самых разных национальностей из многих регионов России. С некоторыми из них поддерживаю связь до сих пор. Я познакомился там и со многими другими людьми, которые не работали в нашем тресте. Галуст, общительный, любознательный парень-армянин, который приходил в гостиницу к ребятам-чеченцам. Я ошаршил его словами, что чеченцы являются потомками урартов. До сих пор он считал единственными монополистами в этом вопросе армян. Продавщица магазина у гостиницы, Марина, которая угощала нас домашним вареньем из фэйхуа, пастилой и другими местными лакомствами. Таджик Рахмон – он раскатывал по территории вокзала на своих стареньких жигуленках с прицепом, собирая металл. Юный киргиз (ему было лет шестнадцать, к сожалению, не запомнил его имени) с ужасным русским языком («Чырыз чытыри день там лыжал взросли мертвы собак»). Он все время хвастался, что у него в телефоне чеченские песни. Безбашенный узбек Дильшод, который на своем экскаваторе «Хундай» гонял по самому краю глубокой траншеи.

В начале января 2014 года я уехал домой в очередной отпуск. А оттуда, после отпуска, отправился уже в Подмосковье, город Домодедово, где у треста был новый объект.

Орсабиева Хъава**Поэзехъ къахъега онда лаам**

Орсабиева Хъава поэзехъ къахъега лууш ю. Иза ша Ножай-юьртан клоштан Мескита юьртара ю. И юрт вайн нохчийн литературин карти тIехъ билгала ю нохчийн сийлахъ яздархо Айдамиров Абузар цигахъ вина а, ваьхна а хиларца.

Цуьнан цIаро бинчу беркатечу тIелаткъаман стоьмаш бу цу юьртара цхьамогIа яздархой, поэташ, илланчаи гучубийлар: Сайдулаев Хъасан, Саиев Гумар, Айдамирова Машар, Джебиев Хъусайн, Абдулкадыров Илес...

Хинца и могIа тIебуьзна керлачу цIаро – Орсабиева Хъавас.

Уггар хьалха билгалдаккха лаьа, Хъаван амалехъ долу мехала хьаьрк – цуьнан нохчийн маттахъ поэзехъ яздан ондда лаам хилар. Со теша оцу лаамо Хъавага, мало йоцуш хаддаза къахъоьгуйтур ду поэзин урда тIехъ. Къахъегар алсам мел дели, цуьнан кхиамаш алсам хир бу.

Оцу дегайовхонца йохку оха къоначу йоьIан байташ дешархойн кхиэле. Бакъду, кху стихаикахъ кIорге, ша тайпана васташ карор дац, хIетте а кхаьрца бу мукъам а, нохчийн мотт безар а, могIа-могIанца, дош даица нисдан гIертар а, нохчийн халкъан поэзина – мехкарийн эшарина тIетийжар а.

Хьалха дуккхаза а пайдаэцна рифманаи ялорах а, «тIех атта» могIанаи вовшахтохарх а херлуш, иза хан хене яларца поэзин шатайпанчу чолхалле а, вастийн кIоргалле а йогIур ю аьлла хета.

И чолхалла а, кIоргалла а евзича, иза юхайоьрзур «атталле». Амма иза хIинцалера атталла хир яц, бакъйолчу литературин къайленех хьакхаеллачу поэтан ша-тайпа атталла хир ю. Иза иштта хир ду, нагахъ Хъавас дуккха а къахъегахъ, шел хьалха баьхначу поэташа яьхна лакхенаи толлуш, царех Iамарца шениг лохуш, къахъегахъ.

АХМАДОВ Муса,

Нохчийн Республикин халкъан яздархо

Даймохк

Даймохк хьан хазалла
синтем бу деган,
Хьан басеш, аренаш ю дешел еза,
Хир дара сан дахар, чам боцуш, теза,
Даймохк, хьан лаьмнашка
ехаш ца хилча.

Даймохк, хьан лаьмнашкахъ
хIаваь ду цIена,
Шовданах цхьа башха
шабарш деш хеза,

Хир дарий хаац-кха самукъа деган,
Даймохк хьан Iаламо
хьобстуш ца хилча.

Лаац-кха дагна сан хьобца бен даха,
Кхин мохк ца оьшу
кху дуьненчохъ яха,
Кханенах йо оила гIур яра Iана,
Даймохк, ахъ суна хьайн
ницкъь луш ца хилча.

Даймохк сан, хьо ма бу
 хаздийриг дахар,
 Даймохк сан, ирс ма ду
 хьан латта ахар.
 Даймохк сан, хьо ма бу берриге бахам,
 Даймохк сан, ирсаца
 дог хьобсту Иалам!

Ирсе ву-кх

Ирсе ву-кх, Иамал ян могшалла елахь.
 Аллахлан хастам бан
 мотт керчаш велахь.
 Ирсе ву-кх, ийманах
 дог дуьзна велахь.
 Ойла хьан Аллахлах даима елахь.

Ирсе ву-кх,
 дуьненчохь да-нана делахь,
 Церан дог хьаста хьо
 ницкъ кхочуш велахь.
 Ирсе ву-кх, кхайкха хьан йиш-ваша
 делахь,
 Нагахь и йиш-ваша
 сий лардеш делахь.

Ирсе ву-кх, мацвелча
 чохь кхача беллахь,
 И кхача баа а могуш хьо велахь.
 Ирсе ву-кх,
 къиношна хьо генахь велахь.
 Цу Далла дуьхьала ваха юьхь елахь.!

Нана

Сан хьоме нана хьо,
 сан деган синтем хьо нана,
 Самукъа, сан ирс а
 хьобх доьзна ду, хьоме нана,
 Ма гойла суна хьо
 дуьненах къаьста де нана,
 Йиш ма яц хьо йоцуш, ма йиш яц хьо
 йоцуш нана.

Хастам бо ас Далла,
 хьо суна латторна нана,
 Ирсе ю хьо йолуш
 дагара дийца сайн нана,
 Ехийла хьо цкъа а
 балано ца лоцуш нана,
 Йиш ма яц хьо йоцуш,
 ма йиш яц хьо йоцуш нана.

Нана ю, дуьненчохь
 уггаре обшург ю нана,
 Гайггане йобжча со,
 дог хьаста хьо бе яц нана,

Даггара доьху ас,
 хьо могуш ехийла нана,
 Йиш яц-кха хьо йоцуш,
 ма йиш яц хьо йоцуш нана.

Ма сирла ду дуьне,
 латта тIехь хьо мел ю, нана,
 Ма мерза ду дахар,
 хьо мел ю дог оьцуш, нана,
 Буьзна бу сан кийра,
 хьо мел ю йовхо луш, нана,
 Дог хьаста, сайн илли
 лерина ас хьуна, нана!

Беттаса

Мел хаза кхетта и беттаса стиглахь,
 Хьобжу и сан коре къегина, сирла,
 Ас цуьнга дийхира, везачух дийцахь?,
 Цо дагчу тесира хилар хьо герга.

Жимма хан яьлча и беттаса дайра,
 Лехарах, дацара стиглахь кхин гуш,
 Амма, дог тешарна, сингаттам байра,
 Дийцарна везачух синтем а луш.

БIаьргаш чу набаран суй кхета боьлча,
 Пенаша хьаьшира ойланаш сан,
 Буьйса хьо гарца
 сайн чекх йала йоьлча,
 Цунах ма хилира сан ирсе гIан.

Беттаса, кхеталахь юха а суна,
 Хьох тешна, хьо гаре хьобжур ю со,
 Хьажалахь сан коре хьо тховса санна,
 Дохьуш цхьаь везачух схьакхета хьо!

Ас ирсах диллина дог юха дерзош,
 Ойланаш хазьеш сан, воевзи-кха хьо,
 Къизачу дахаро йина чов ерзош,
 Жима дог ойуш сан, гIаттий ахь со.

Цхьа хаза дуьйцуш соь,
 ирсан некъ хьехош,
 Мерзачу безамах хьарчий ахь со,
 Амма со кхоьру, ахь хиларна Iехош,
 Кхоьру со, юха а лазерна дог.

Доьху, ма гIерталахь сан безам Iехо,
 Тешначу хьайх дагна ма елахь чов,
 Иштта а, ца кIордош хьо вийца, хьехо,
 Детташ ду даг чохь и безаман ов!

Хууш ю шадерриг Делера дуйла,
Ирс а цо деллариг бен доцуш дуйла,
Хууш ю цадобгІнарг хир доцуш дуйла,
Я доьгІнарг ца хуьлуш
ца дуьсуш дуйла.

Хууш ю даиман ца лаьттий тийна,
Хийла дог тохало карзаха дийла,
Хазьелла ойланаш яьржича хийла,
Безаман цІе яйна, дог дуьсу шийла.

Хууш ю дахарца ког шершар буй а,
Хийлазза Ювжийна дог доьлхур дуй а,
Ткъа юха кхеташ и безаман суй а,
Хууш ю ойланаш цо хьобьтур юй а.

Делахь а даима дикане кхийда,
Дог-ойла даима паналле хьийза,
Марзо а, йовхо а йолалуш йийла,
Чам кхетча безаман лаьа хІорд мийла!

Сан дог цу хьан дагах дІаийна даьлла,
Мерзачу безаман чам кхетта даьлла,
Эрна ду безаме хьо вита баха,
Юьтур яц хьобьх яьлла цо кхидІа яха.

Сел говза дуьйцуш,
со хьайн ма ю баьхна,
Ойланаш сан хьайна гонаха яьхна,
Ма сиха даржий ахь тІемаш дІахецна,
Бовьзина сан безам,
сан некъахь сецна.

Даггара хьуна сайн дешнаш а даьхна,
Олу ас хилар суо хьо цхьанна яьхна,
Ма ирсе некъ хилла вайшиммо лехна,
Уггаре сийлахь цхьа гергарло тесна!

Ирсе ехьа со

Ахь безам кховдорна соьга,
Даго тІе эцна ву хьо,
Ас дахар кхийдадо хьобьга,
Ма йита тесна ахь со.

Хуьлийла кхобьлина хьуна,
Азаллехь язйинарг со,
Везарна лохьа дог суна,
Ас ирсе кхачор ву хьо.

Ас дог сай кьобал до хьуна,
Доггаха везарна хьо,
Ахь безам леринехь суна,
Массарел ирсе ю со.

Хир ю со тешаме хьуна,
Ас лехна безам бу хьо,
Волахьа дог хьостуш суна,
Алахьа хьоме ю со!

Марьям Исаева

Исаева Марьям Ахмедовна родилась в 1976 году. Живет в Грозном. Образование высшее – экономист, по второму – клинический психолог. Работает администратором в супермаркете.

Миниатюры**Клю**

Маленькая Клю буквально ворвалась, влетела, втанцевала с улицы в дом. Да-да, именно так. Она, румяная, кружилась, танцевала, прыгала, напевала.

Ее две косички, заплетенные туго и вздернутые вверх на манер Пеппи Длинныйчулок, прыгали и пружинились вместе с ней. Она, то встав на цыпочки и заведя ручки вверх, пританцовывала вокруг своей оси, то кружилась по всей комнате. На лице у нее был восторг. Восторг, который не умещался в ее голове, в ней, в ее движениях.

Прыгая и кружась, она напевала себе:

– Я видела, я видела...

Из соседней комнаты вошла мама. Она ошеломленно смотрела на маленькую Клю.

– Клю, Клю, что случилось?

Клю, смотря себе под ноги и выделывая замысловатые па, крикнула:

– Мама, мама, я видела! Ви-де-ла!!! – тут она остановилась и загараторила:

– Видела на небе большую, разноцветную, полосатую ручку от песочного ведерка! Мама, это так кра-а-асиво-о! Мам, а чье это ведерко? И кто может играть на небе? А, мам?

И, не дожидаясь ответа, усилила такт своего танца:

– Я видела, видела...

Букаля

Букаля стояла на берегу маленькой речки. Ей было четыре. На ногах красовались новенькие галоши на размер больше, хотя было лето и сухо. Кстати, это было одной из ее странностей. Она любила одеваться не по сезону и необязательно в свои вещи. Летом она натягивала папину спортивную шапочку, и ее голова утопала в ней, надевала свое любимое красное пальто, мамины туфли, медленно спускалась в них со ступенек, садилась под деревом на траву и пускала «парашюты» с одуванчиков, время от времени приподнимая папину шапку, сползавшую на глаза. Спустя время она, разомлевшая от жары, засыпала прямо среди своих одуванчиков. А мама, не найдя ее в доме, подходила к ней, смотрела на нее, заснувшую, улыбаясь, брала ее на руки со словами: «Горе ты мое луковое!» – и несла в дом.

Зимой в жакете, в соломенной шляпке и в сланцах на босу ногу она выбегала во двор, где мама, увидев ее в окно, бросалась за ней. Букаля, смеясь, убегала, а мама за ней. Так они бегали, смеясь и крича, по заснеженному двору, пока мама, догнав, не брала дочь в охапку. И, занеся ее в дом, грела ей ноги, ругаясь и тормоша ее. Букаля никогда не болела, разве что ранила пальцы, когда пыталась мастерить кораблики, и тогда она с плачем подходила к маме, смотрела на нее полными слез неопишимо большими глазами и показывала раненый палец. Мама нежно обнимала, целовала в носик, приговаривая: «Горе ты мое луковое!» – и боль стихала, слезы высыхали, и наступало счастье.

Она стояла у речки. И смотрела в воду. На голове у нее была папина черная шляпа с широкими полями. Поверх платья накинута мамина стеганая безрукавка в пол. Она полезла в карман безрукавки и достала припасенный гвоздь, на который был вдет фантик от конфет «Мишка на севере». Она их очень любила. Сняла с ноги одну галошу, взяла с земли камень и стала вбивать гвоздь с парусом в галошу. Несколько раз она промахнулась, но не поранила пальцы, которые смело держали гвоздь. Этот факт и саму ее поразил. Она задумалась и снова начала колотить по гвоздю. Наконец он устойчиво стоял сам. «Тепель я умею», – сказала себе Букаля, смотря на свой кораблик. Она отбросила камень и потянулась обеими руками к своему творению, чтобы взять его, но кораблик прирос к земле. Она удивилась и стала аккуратно тянуть его. Он поддался и оторвался от земли. Букаля посмотрела с обратной стороны галоши – оттуда торчал заостренный конец гвоздя. «Так и должно быть», – подумала она, пошла к воде в одной галоше и, наклонившись, пустила кораблик с парусом. Она следила за ним. Он понемногу отдалялся.

– Букаля! – вдруг окрикнула ее мама, бежавшая к ней.

– Мама, смотли, – показывая пальцем, крикнула она, – колаблик отплавляется в теплые стланы!

А потом вздохнула:

– Я тоже хочу на колаблике... в теплые стланы.

Подбежавшая мама увидела лишь краешек галоши и парус.

– Горе ты мое луковое! – обняла она дочку. – Это ведь бабушкин подарок.

Тюк-Тюк

Ее прозвали так из-за кудряшек, которые напоминали пружины, и всем казалось, что они издают какой-то неведомый звук: «Тюк-тюк, тюк-тюк...»

Ее пружины не ниспадали локонами с плеч, они торчали во все стороны, как маленькие антенны. Когда ей было четыре года, она говорила, что налаживает через пружинки-антенны контакт с инопланетянами, а теперь, когда ей пять лет – они налаживают с ней. Но она им не отвечает, потому что они тоже ей не отвечали. А она столько сил потратила. Она читала стихи, выразительно и громко, она ночью смотрела на звезды и пела колыбельные песни. Приставала к маме, прося показать Большую Медведицу, и не понимала, почему медведица, когда похожа на ковш. Всех о них спрашивала:

– Дед, а что они едят? Пап, а как они спят? А какого они цвета?

Она посылала сигналы – светила в ночное небо фонариком, бормоча:

– Привет-привет! Эй там, наверху! Бонжур! Хелло! Айм литтл герл. Я к вам с добром. Авууууу!

Иногда у нее случались моменты отчаяния. И тогда она приходила к маме и безутешно плакала:

– Ну почемуууу они не отвечают, зачем они молчаат?..

А мама утешала как могла:

– Не унывай, мое солнышко, вот наступит ночь, и они придут к тебе во сне. Ведь только так их можно увидеть. В красивых, радужных снах. Но не всегда. Так что, моя малышка, наберись терпения, а, повзрослев, ты поймешь: инопланетянами для тебя будут твои друзья – добрые, верные, необыкновенные! Верь в это!

И Тюк-Тюк успокаивалась на время и засыпала, убаюканная нежными, ласковыми, пахнущими лавандой руками мамы.

Ширвани Кагиров**Ты посмотри в мои глаза**

Ты посмотри в мои глаза,
И никаких нам слов не надо.
Блестит в них радости слеза,
Благодаря тебе, отрада!

Не отводи свои глаза,
Дай посмотреть в них, окунуться.
Они сверкают, как роса –
Особенно, когда смеются!

Они способны растопить
Своим сиянием лед душевный.
Их невозможно не любить –
За красоту, за свет волшебный!

И в мире нет подобных глаз,
Глаз лучезарнее, прелестней.
Передо мной два чуда враз
Ласкают сердце сладкой песней.

Не отводи прекрасных глаз,
Всю жизнь мечтал до них добраться!
Они нужны мне так сейчас,
Что я не в силах оторваться!

Не отводи свои глаза!
Лишь в них найду я утешенье,
Ведь к ним бежит моя слеза,
И сердце бьется в умиленьи.

Не отводи свои глаза...

Весна

Люблю весну-красавицу в деревне –
Когда природа дарит волшебство;
Смотреть на красоту в уединеньи,
В ней растворяясь,
чувствовать родство!

В бору сосновом лягу я на травку,
Где райский аромат такой густой –
Забуду тут же городскую давку –
Здесь на природе дом родимый мой!

Через меня проходит свежий ветер,
Всю тяжесть тела унеся с собой...
Я не замечу, как наступит вечер –
Ведь счастлив я, что приобрел покой.

Душа и тело, растворяясь разом,
Над красотой Земли так поплывут –
Что вижу все

каким-то «третьим глазом»
И чувствую, как птенчики поют.

Они поют: «Пора, настало время
Разбить скорлупки, выйти на простор,
Увидеть мир, родительское племя,
Разбавить песней соловьиный хор!»

За все тебя благодарю

За все тебя благодарю:
За встречи сладкое мгновенье,
За волшебство прикосновенья,
За нашу первую зарю!

Благодарю тебя за то,
Что ты была добра, терпима...
Со мной всегда жила незримо,
Когда бывал я далеко.

За все, за все благодарю:
За грусть, печаль, тоску в разлуке...
Что забываю горечь муки,
Когда я на тебя смотрю!

За все тебя благодарю,
И буду вечно благодарным –
Пока любовью я горю
Под этим небом благодатным...

С тех пор прошло немало лет

С тех пор прошло немало лет –
 Все это время боль утраты
 Живет со мной. Покоя нет,
 Но есть душевные затраты...

Угодно было так судьбе,
 Чтобы навек с тобой расстались...
 Я помню, как спешил к тебе,
 Но позабыл, как мы смеялись...

Что значит – потерять любовь,
 Любовь к единственной на свете?
 Лишь тот меня понять готов,
 Кто сам прошел сквозь муки эти!

И годы, годы не смогли
 Зарубцевать былые раны.
 Наоборот, они сожгли
 Мне душу. Сердце в вечной драме...

Оно все ноет и болит,
 И не уйти от этой боли...
 А стук с упреком говорит:
 «Зачем расстался ты с любовью?»

Ведь жизнь – не жизнь,
 И смерть – не смерть,
 Когда любимую теряешь.
 Через тоску на все смотреть
 Дано. И вечно ты страдаешь...

Сиюминутно умереть готов,
 Но ты идешь куда-то слепо,
 И знаешь – не вернуть любовь,
 Что потеряли мы нелепо.

И приговор судьбы жесток
 Жесток до самого предела.
 Ты не построишь себе дом,
 В котором счастье б песни пело.

С тех пор прошло уж двадцать лет,
 Как вечность и... одно мгновенье.
 Любви один познал секрет –
 Это души святое проявление!

А святость вечна, как и вечен мир –
 Загадочный, пока душа при теле...
 пускай грызет судьба,
 пусть жизнь моя – вампир.
 Все это лишь мираж на самом деле.

Мираж лишь потому, что все пройдет –
 Как утренний туман или ненастье...

Умру в любви, даст Бог, душа найдет
 И вечную Любовь,
 и истинное Счастье!

Все в этой жизни не случайно

Все в этой жизни не случайно –
 Рожденья час и смерти час...
 И рок порой необычайно
 Умело удивляет нас –
 Как может слабая травинка
 Вдруг сквозь асфальт произрасти?
 Куда ведет судьбы тропинка?
 С нее, увы, нам не сойти...
 Как тянется в большой
 Вселенной
 Куда-то звездный Млечный Путь?
 Идем по кругу жизни тленной,
 Желая счастья чуть-чуть...

Осень

Наступила осень золотая,
 В небе тучи серые плывут...
 А душа у осени простая –
 Часто плачет, и дожди идут.

Листья на деревьях пожелтели,
 И увяла сочная трава...
 Вот и мы с тобою поседели –
 Молодыми были мы вчера...

Желтый лист, кружась, упал на землю –
 Лишь задел холодный ветерок...
 Я смотрю – и с тихой грустью внемлю,
 Как природа дарит нам урок.

Все пройдет! И снова к нам вернется:
 По весне распустятся цветы...
 И зеленый лист нам улыбнется –
 Только, друг мой, больше не грусти.

Позволь тебя благодарить

Мой друг, тебе я посвящаю
 Души прекраснейший порыв.
 И ничего не обещаю –
 Глаза на миг свои закрыв.

Но коль мы скоро расстаемся,
 Позволь тебя благодарить –
 Чтобы не плакать, посмеемся –
 Разлука встречу озарит.

Я буду помнить те мгновенья,
 Что подарила только ты!
 Они ведь были, без сомненья,
 Лишь воплощением мечты...

Если нам суждено,
 не коснувшись друг друга,
 Навсегда в этой жизни
 расстаться с тобой,
 Я хочу, чтобы ты, дорогая подруга,
 Без меня, но жила
 со счастливой судьбой!

Так и будет, поверь –
 помолюсь я за это.
 Видит Бог, как я блага желаю тебе...
 Прочитай, да и выбрось
 из мысли поэта –
 Пожилой пожирую
 пусть ищет себе...

Молодая, красивая, нежная фея,
 Ты красивая, добрая, гордая лань!
 Я отдал бы и жизнь за тебя, не жалея,
 Но боюсь, моя жизнь –
 не подарок, а дань...

Потерянный во мгле,
 как блудный сын,
 Уединившись с мыслями своими,
 Проходит жизнь моя, напоминая дым
 Зажженного костра людьми чужими.

Цена моих ошибок прошлых лет
 Или судьбы простое невезенье,
 Дает сегодня мне такой ответ:
 Коль беден ты –
 то получи презренье...

Не денег и не камень драгоценный
 Искал я в прошлой бытности своей.
 Алмаз души желал иметь бесценный,
 Чтоб трудности
 лишь делали сильней...

Но к бедности здесь уваженья нет,
 К деньгам стремимся мы и к власти –
 Чтобы, вкусив
 всей этой жизни сласти,
 Забыть в обратный путь билет...

О поэте

Он скажет однажды:
 «Я прожил не зря,
 Коль песню одну
 Я сумел написать!
 Пусть жизни моей
 На исходе заря –
 Я все отдавал,
 Что возможно отдать!»

Задумавшись о чем-то о своем,
 Старик стоял печально у моста.
 Загадочное что-то было в нем.
 И я подумал: «Это неспроста...»
 Мелькнула мысль как молния –
 Потом догадкой этой был я поражен:
 «Старик, наверно, думает о том,
 Что Главный мост
 Аллахом сотворен!»

Хасбулаев Салман**Майра нохчийн йол**

Ден дийцар

Дайн гиллакхаш а, нохчийн халкъан адамалла а лардеш, шен халкъана дахар дладала а кийча волуш, цуьнан ирсехъа, клад ца луш, къахъоьгуш волчу Нохчийн Республикин Куьйгалхочунна Кадыров Рамзанна даггара лору ас хIара дийцар.

Долор

Иза дара 1974-чу шеран май бутт чекхболуш. Сан дай, сой Нохчийчу – Чеберлойн лаьмнашка – Буни це йолчу юьртара цхьа Iу волчу тхайн уьстагий дIалаьхкина воьдура. И Iу цу юьртана уллорчу Исундой-КIотарахь вехачу шен хьашас Асхьаба кхайкхина вигинера цига. Нохч-Келарчу Бошханш це йолчу юьртана гена йоцуш, цхьана басахь лаьтгачу ширачу лекхачу шина тIулгана уллехь дукха нохчий гулбеллера. Уьш, тхо санна, жаIуьне шайн уьстагий дIадала баьхкинера.

Яьлла лаьтгаш бIаьсте яра. Лакха тIера чухьаьжча, куьйган кераюккъехь санна, схьагора массо а тайпана зезагаша кхелина, баьццару кузах тера йолу лаьмнийн басеш. Чеберлойн акъари цуьнан альпийски бай-латтанашца ерриге а Нохчийчохь уггаре а хазачу меттигех цхьаь ю. Цуьнга хьежаро дагна там бора. Кхузахь хаддаза шайн эшарш локхучу олхазарша самукъадоккхура. Царна юкьахь къаьсттана билгалдаьларг нIаьвла дара. Кхузахь лаьтгачу нахана тIехула а хьийзаш, шен исбаьхьа мукъамаш царна бовзуйтура цо.

Гонахарчу Iаламо шен хазаллица даг тIехь хаза синхьаамаш гIитторца дахарх воккхавер дахьахь а, яссаелла, къух а даьлла лаьтта гонахара ярташ гича, самукъадалар довра, кийра Iовжабора сингаттамо.

Нийсса ткье итт шо хьалха кхузахь, кхузткъе итт йоккхачу а, жимачу а юьртахь а, дуккха а йолчу кIотаршкахь а, дIасадаьржина долу хи санна, дара 15 эзар нохчийчун-ламарочун дахар. Амма 1944-чу шарахь Сталина диначу тIазаро хадийра и ирс – нохчийн халкъ бертаза Юокъерачу Азе хьажийра. Церан яртех харцораш хилира, ткьа хIара акъари ламанан мох шена тIехула паргIат хьийзаш болу акха мохк а хилла дIахIоьттира.

Ткъа хIинца нохчий ца бирзинчул тIаьхьа жим-жимма меттахIоттор дIадоладелира, паргIато а, къинхьегам а безаш,церан доьнналлах а, нийсоезарх а долу хабар дукха хенахь дуьйна ерриге а Кавказехула даьржина а долуш, бIешерашкахь шайн дай баьхначу меттигашкахь нохчийн ламаройн дахар карладелира.

НIаьвла, тIеттIа лакхаюьйлуш, хаддаза шен эшар локхуш яра, Чеберлойн хIара исбаьхьа лаьмнаш набарна дийшо гIерташ санна. Цеххьана мичара дели ца хууш тIекхетгачу куьйрано дIадаьхьира и декъаза олхазар, шен мIараш юккъе а лаьцна.

Нуьцкъалчара гуттар а гIийланаш хIаллак ма бо!..

Шен хьаша Асхьаб волчохь хьевелла да тIулгашна юххехь гулбеллачу нахана тIевеара.ТевеогIушехь салам а делла,цхьаьнгге а ца хьожуш, лекхачу тIулгашна тIе а вахана, ши куьг хьала а лаьцна, доIа дан хIоьттира иза.

– Хасбула, хIокху дозанан тIулгашна хьалха доIа деш ма ву хьо-м? – элира цуьнга оцу тIулгех дерг ца хуучу цхьана къоначу нохчийчо.

Уллехь лаьтта нах белабелира.

– Кхузахь беламе а, вела бахьана долуш а хIумма а дац, – элира цаьрга Хасбулас. – ХIара доIа дина валийта со, тIаккха ас дуьйцур ду шуна, беллачарна тIера доIа айса хIунда дина...

Иза дара 1944-чу шеран март бутт болалучу хенахь. Малх бузучу хенахь Собыжа-Галарчу церпоштнекъан вокзалехь церпошт сецира. Льюмо санна, фашисташна дуьхьал тIом а бина, льюрийн комиссино бинчу сацамца, аьрру куьйгана йина хала чов бахъана долуш, эскаран гуллакхах паргIатваккхина, цIа вогуш вара Хасбула. Кондукторо церпошт цхьана сохьтехь лаьттар ю элира.

Вокзалехь охьа а воьссина, шеца тIом бинчу а, чевнаш хилла, цхьана госпиталехь Иллинчу а шен нохчийн доттагIчуьнгара Хьабибера цуьнан тIехьийзачу йобIан деганене маршалла дIадала сихвеллера Хасбула. Шеца цо дахьаш, доттагIчо шен тIехьийзачу йоIе дIало аьлла, пухIанан йовлакх а дара. Хьабиб кхуьнца цхьаьна батальонехь бIаьхаллин гуллакх кхочушдеш майра нохчи вара. Иза, хийлазза мостагIашна юккье «мотт» бан вахана, бакъволу разведчик вара. Шен чов дайирзича, госпиталера ара а ваьлла, Даймохкехьа лета тIамтIе вахара иза. Хьабиба кхунна дийцинера, шен тIехьийзачу йобIан дай-наний вокзалехь йолчу цхьаьна туьканахь йохкархой ду аьлла.

Хьалхарчу шерашкахь Хасбула схьаваьллачу Шюдрода-юьртахь баккхийчарах цхьа а хир вацара нохчашна юкьахь доттагIа я хьаша воцуш, церан мотт ца хууш я цаьрца йохк-эцар ца лелаш...

Пом балале хьалха Хасбула шен деца кест-кеста хуьлура Нохчийчохь, йохк-эцаран гуллакхна воьдий. Церан дуккха а доттагIий а, накьостий а, хьеший а бара нохчашна юкьахь. Нохчийн мотт а цушинна вуно дика хьара. Кхунна вокзалехь йолчу туьканашкара юьхь-сибатца дуккха а йохкархой бевзара. Хьабиба йийцинчу туьканчу ваьлча, Iаьржачу аматахь а йолуш, хаза тIеюьйхинчу бедарца юккьерачу хенара зуда гира кхунна.

– Ладогохь, дукхаяхарг, кхузахь хьалха болх бина нохчийн стаг-зудий стенга дахана? – хаьттира Хасбулас нохчийн маттахь, и зуда нохчи ю моьттуш.

– Салти, со нохчи яц, «дика нах хилла» хьан нохчий Сибрех бахийтина, – жоп делира йохкархоцо оьрсийн маттахь.

– Муха, Сибрех бахийтина? ХIун диначунна бахийтина уьш Сибрех? – хаьттира оьрсийн маттахь Хасбулас, оцу нохчех дерг хаа лууш.

Цунна ца хьара нохчий цIера баьхнийла, бертаза Юккьерачу Азе дIабигнийла.

– Салти, ас хьобга оьрсийн маттахь ма эли, уьш «дика нах» хиларна цIера баьхна. Диц ма де, олуш хилар: «Пенашна а хеза дуьйцург». Ахь иштта хаттарш сих-сиха лахь, цIа кхочур вуй те хьо?

– Со-м кхочур вара цIа... Амма сан накьостий иттаннаш нохчий-бIаьхой цIа боьрзий-м ца хаьа. Уьш шайн синош ца кхоош, шайгара доьналла а, майралла а гойтуш, вайн маршонехьа фашистех леташ бу. Даймехкан дуьхьа фронтехь леташ бу нохчийн халкъан кIентий, ткьа церан дай-наной шайн махкара арабаьхна, – гIийла элира Хасбулас, тIаккха уллехь лаьтгачу куьг доцуш волчу тIемалочуьнга а хьаьжна, туьканара арavelира иза.

Нохчех цхьаь гаре сатесна, вокзалан майданехула вехха волавелла лийлира Хасбула. Амма шена гинчу нахана юкьахь юьхь-сибатца нохчех тера волу стаг ца карийра цунна я нохчийн мотт а ца хезира. Цхьаболчу дуьхьал кхетгачаьргара нохчех дерг билггал хаа лиьнера цунна, амма уьш уллера дIауьдура: «Тхуна хIумма а ца хаьа», – бохуш. Схьахетарехь, уьш кхоьрура цунах лаьцна кьамел дан. Вокзалан майданехь дукхахберш лелийна Iаьнан бедарш юккуш болу оьрсийн баккхий зударий а, цхьажимма бераш а, НКВД-н белхахой а бара.

Нохчий, шайн хIусамашкара ара а баьхна, нуьцкьаха Юккьерчу Азе дIабахийтарх дерг ма-дарра хийча, дог Iаьвжира Хасбулин. Шен дайшкара кхачьначу нохчашка йолчу уьйр-марзонца а, цу халкье-лулахочуьнга болчу гергарлонан синхаамца а, ткьа иштта цIехьхьана хиллачу бохамо и нах дакъазбовларна кьахетарца а доьзна дара иза. Иза онда, кIорггера дага тIехь лар юьту синхаам бара.

Щерпошт схьяре йолчу ханна перронехъ лаьтгачу гIанта тIе охъахира Хасбула. Кисета чуьра газетах кийсак а яьккхина, цунах, хьарчийна, цигаьрка а йина, кисета чуьра тонка доьхкира цо цу чу. Меллаша шен цигаьрка хьала а латийна, ойланашка велира иза. Нохчийн кхолламах яра цуьнан ойланаш. ЦIеххьана кхунна хьалха хIиттира НКВД-н патрулан эскархой.

– Салти, хьайн документаш гайтал! – кIоршаме вистхилира кхуьнга капитан, царна юкъяра коьртаниг.

Меллаша хьала а гIаьттина, шен некха тIера чоин нуьйдарчий схьа а яьстина, чухула йолчу кучан киснара тIеман билет а, лазийна хиларна тIеман декхарх ша мукъавоккхуш долу кехат а дIагайтира Хасбулас.

– Идало бинчу сацамна реза воцуш, цхьацца кьамелаш деш ма-хилла хьо-м? – элира капитана, кхуьнан документашка а хьобжуш. – Тхобца отделе дIаван везар ву хьо.

Хасбулина цу сохьта хира туьканарчу йохкархочо ша дина кьамел капитане дIахайитина хилар. ХIинца барт ца хоттуш дIавахуьйтур вацара хIара. Цо цIерпоштан вагона чуьра шен тIоьрмиг схьаэцийтар дийхира. Амма цара бакъо ца елира, шашь схьаоьцур бу тIоьрмиг элира, муьлхачу вагона чохь бу кхуо хайитичхьана. Вокзала чохь йолчу дежурни отделени схьа а валийна, гIазанче хIара дIавелира цара. Кхуьнан документаш талла дезаш волу майор схьаваллалц цхьана а метте дIаса ма валийта аьлла, гIазанче омра а дина, уьш арабевлира.

Вехха Ийра Хасбула, майор схьаваре хьобжуш. ЦIерпошт дIайолялале цунна тIекхиа везаш вара хIара, цундела, синтем байна, хала садеттара кхуо. Амма майор гучуволуш вацара. ГIазанча вист а ца хуьлуш Iара, цхьа дош а ца элира цо. Ур-атгал фронтехь долчу хьолах лаьцна цхьа а хаттар ца делира.

Кестта цIерпошто кхузза гудок елира, дукха хан ялале дIаболабала безаш бара иза.

– Накъост лейтенант, со шена тIехь схьавеана цIерпошт дIайолалуш ю, вагона чохь сан хIуманаш йисина. Сан хIун бехк бу? Со хIунда сецаво кхузахь сел вежа? Ас нохчий бежа сайна аларна, сох зуламхо вина те? – гIазанче тIех кIеда вистхилира Хасбула.

– Суна иза ца хаьа. Майор схьвеачхьана цо дерриг а дуьйцур ду. Сан бакъо яц хьо дIавахийта, – элира лейтенанта. НеIаран цIовзар а хезна, цо тIетуьйхира:

– Иза-м схьавогуш ву, моьтту суна.

Майор а, старшина-заьIапхо а велира чохьха. Хала чевнаш хилла волу старшина а вара бIаьхаллин декхарх мукъа витина. Ша схьаваллалц шен тIоьрмиган дола де аьллера цуьнга Хасбулас. ТIоьрмиг Хасбула волчу агIор дIа а кхоьссина, майора элира:

– ХIара хьан накъост чIорIа хьуна тIера ву. Тхох ца тешаш, ша кхуза схьавеа хIара, хьан тIоьрмиг шена а гуш дIало аьлла. Старшина, хIинца хьо дIаваха мегар ду, ткъа салтичуьнца дерг оха тхашь кьастор ду.

– Накъост майор, и салти вуно майра а, Даймохк безаш а ву, – элира старшинас, ша чуьра араволуш. Цунна ца хаьара патрульхойн шен накъостаца Iоттаделларг.

ЦIерпошто тIаьххьара гудок елира, ша дIайоьдий хоуьйтуш.

– Схьабелла тIоьрмиг! – буьрса омра дIара майоро. Хасбулас тIоьрмига чуьра хIуманаш схьайохучу хенахь, хьостам санна, цунна хьалха лаьттира иза.

Майор тешна вара, тIамтIера вогуьчуьнгахь я тапча, я кхийолу хIума хир ю аьлла. Амма хIун хир яра мискачу салтичуьнгахь, шена эскарехь елла я ша эцна йоцург? Цо зудчунна дахьаш долу йовлакх а, ши-кхо банка тушенка а, масех горга бепиг а, масех кеп саба а, эткаш а схьаехира.

ДIаболабеллачу цIерпоштан гIовгIа а хезира, вагонийн чкьургийн тата а делира, аьчган новкъахула уьш дIакерчича.

– И хIуманаш цхьаннан лачкьийна хир ю ахь? – аз айдеш, элира майора.

– Накъост майор, хьо мегаш долчул а совваьллий тежа? Со хIуманаш лечкьош вацара – Даймехкан дуьхьа тIом беш вара. И хIуманаш ас лечкьийна

ю аьлла, хІун тешалла далор дара ахь? Сан боцу бехк тІебилла гІерташ, со цІерпоштана тІаьхъавити аш, – оьгІазвахара Хасбула.

Майора хІумма а ца элира, иза, астагІ а лелхаш, чухула дІасалелара. ТамтІехъ чевнаш йиначул тІаьхъа Соьлжа-ГІаларчу комендатуре болх бан хъажийначух тера дара иза.

Хасбуле барт хаттар дІадолийра цо. ЦІхъана хаттарна тІаьххъе керланиг а луш, салти леван ваьккхира майора. Цуьнан кЪамелехъ хаалора, иза шен даржах воккхавеш а, шех тоам бина а, хала амал йолуш а, адамех ца вешаш а хилар.

– Накъост майор, ахь муьлхха хаттар делча а, хълх ас деллачул къаьстина хъуна дала жоп дац сан. Туьканахъ хилларг ас ма-дарра хъуна дІадийцина. Со ца кхета, нохчий безарна аш со бехке хІунда во. Уьш вайн советски адамаш ма ду! Шайн са ца кхоош, фашисташна дуьхъл тІом беш ма бу нохчийн кІентий, – элира Хасбулас майрра а, шовкъе а.

– Суна ца оьшу хъан и хабарш! Пачхълкхана дуьхъл болу дела цІерабаьхна нохчий, ткъа хьо цаьргахъа гІо доккхуш ву. Схъагарехъ, уьш махкахбахарх болу вайн партин ЦК-н сацам нийса ца лору-кх ахь? Хьо санна болчу нахах олу «халкъан мостагІий», – оьгІазвахана, мохъ хьоькхура майора кхунна тІе.

Шегахъ йолу оьгІазалла аракхосса лууш, хала садеттара Хасбулас, амма собаре а хилла, сатоьхна ІадІийра иза. Тахана ша эшна лара везара кхуо, шен мел чІогІа а, доьналла долуш а амал елахъ а, ша харцо а, маттаза аьлла дош а ловш вацаьхъ а. Ларамаза аьллачу дашо а набахтин неІарш кхунна хълхъа схъайоьллуьтур яра, иштта буьрса дара Сталинан Іедал. Цундела, вист а ца хуьлуш, чуьраваьллачу майора шега деш долу хаттарш тергал а ца деш Іара хІара, собаре хилар шегахъа дуйла хууш. Вист а ца хуьлуш ца Іийча ца волура! ХІара теш вара дуккха а Іеламнах, къаьсттина Нохчийчоьх молланаш хилларш, Сталинан Іедало таІзарш деш, хІаллакбаран. Иштта, хІуманна а бехке воцу, 75 шо кхъьчна кхуьнан къена да Шахман а тІепаза вайира цу Іедало. Нохчашна тІе а хІоьгтина, Советан пачхълкх кестта юхур ю, исламан дин денлур ду бохуш, Шахмана халкъана юкъахъ къамелаш дина аьлла, бехке а вина, дІалецира. 1941-чу шеран сентябрехъ Даймаккана тІе фашистийн уьнан кхерам тІебеанчу хенахъ таІзаран гуро лецира иза. Пачхълкхана дуьхъл ву аьлла, бехке вира Шахман. КІант тІом беш вара Даймеккан дуьхъа, ткъа да советан Іедална дуьхъл ву аьлла, тІепаза вайира.

Хасбулин вистцахиларо кхин а чІогІа марсавохура майор. Салтичуьнга массо а тайпа, ур-аттал маттаза а, хаттарш деш, шена оьшург даккха гІертара иза. Шен да санна, ша а сийсазвийр вуй хууш, майоран хаттаршна нийса а, майра а жоьпаш дала сацам бира Хасбулас, ша хълхъа дийцинчух цхъа а хІума ца хуьйцуш.

– Тпаккха, советан халкъан баьччано Сталина нохчий цІерабахарх бинчу сацамна реза вац-кх хьо? – хІиллане бІаьрг а хабийна, хаьттира майора.

– Сталинан сацам нийса бац ала ца гІерта со, амма цхъаьннан а бакьо яц сан даг чуьра нохчашка болу безам шелбан. Царна хъаша-да а веза, шайна тІебеанарг боккхачу ларамца тІеоьцу цара. Уьш майра а, доьналла долуш а, собаре а нах бу, шайн къам а, мохк а безаш. Шайн дайшкара дуьйна паргІато езаш схъабогІуш бу нохчий. Царна паргІато езарна, цаьрга жажьгалла хила ца еза вайн. Суна гина нохчийн халкъан кІенташа Даймеккан дуьхъа тамтІехъ гайтина майралла. Нагахъ бІе нохчи бехке велахъ, бехк боцуш долчу иттаннаш эзарнашкахъ цу къоман адаманна таІзар дан деза ткъа?..

Хасбула ша дуьйцург чекхдаьккхина валале, неІ а ца тухуш, иза шуьйра дІа а йиллина, чохъавелира кхунна туьканахъ гина волу пхъарс боцу оьрси.

– Игорь Васильевич, – аьлла, майоре вистхилира иза, чу ма-велли. – НеІалт хиларо, оцу йохкархоцо аьллачу а тешна, тамтІехъ чов хиллачу хІокху мискачу салтичунна таІзар дан воллу хьо? ХІара бехкеван цхъа а хІума ца хилла цигахъ.

– Ша бехкеван хІума ца дитина кхуо, амма вайн ларамечу правительствос нохчий цІерабахарх бина сацам нийса ца лору кхуо! Иза бахъанехъ таІзар ца деш муха вуьтур ву хІара, – элира майора.

– Хъайна карон боцу бехк леа ма гIертахъа, майор. Хъуна ца хезна, хъуна ган а ца гина. ХIокху салтичух кхета веза хьо. Суна го, советан политико адам деза Iамийна кхунна. Нохчий безаш хилча, вайн даймохк а беза кхунна.

– Накъост полковник, сан декхар ду Советан пачхьалкхан политикина дуьхьал болу нах а, лечкъина нохчий а, цаьргахъа узуш берш а лахар, – кIоршаме элира майора.

Цо и дешаш аьллачул тIаьхъа цъхана ханна тийналла хIобттира чохь. Цул тIаьхъа полковник а, майор а, вовшашка бIаьца а йина, дехъара чу велира, татанца шайна тIаьхъара неI дIа а къовлуш.

Арахъ Iаржлуш лаьтгара. ГIазанчас, стогар а латийна, корера чехк са гуш йоцу ал басахъ шаршуш тIеттIауьйзира.

– Салти, айхъа-хъайна кхел ма е, – элира цо Хасбуле, шашшиь висча.– Нохчийн бандиташна тIе а хIоттий, хъайна набахте боьду некъ ма лаха. Вайшинна юкъахъ боху ас иза, хъайн мотт ларбе... И майор адамах къинхетам болуш а, цунах кхетар волуш а вац, хъуна. Иза адаманна тIехъ шегга олалла далуш самукъадолуш а, шен куралла гойтуш а ву.Хьо бехке вина йолу йохкархо цуьнан езар ю, беха мотт болу лаьхъа. Майоран гуро лаьцнарг, берзан бага ваханарг санна, кIелхъарвалалур вац. Цунна бен а дац, хъуна – стаг бехке ву я вац. Ша схъалаьцнарг набахти чуволла сихло иза. Цундела хьо ларлуш хила. Амма, суна хетарехъ, пхъарсбоццо хъуна гIо дийр ду. ХIара майор санна болчу наха меттанаш а диттина, Iедало таIзарш дечу муьрехъ хIаллаквина цу полковникан да а, ши денваша а. Майора бIаьхаллин гIуллакх дечу полкехъ командир хилла иза. Шен дахар кIелхъардаьккхинчу командире ладугIур дац те цу харцончас.

– Даймохк сайна безарна летта со мостагIех. Иштта безам бу сан цунна чохь дехачу къамнашка а, – элира Хасбулас.

Дехъарчу цIа чохъ вехха Iийначул тIаьхъа гIазонча волчу чохъхавелира полковниккий, майоррий. ТIевогIушехъ гIазанче омира дира майора: «ДIало салтичун документаш!» ТIаккха Хасбулина тIе мохъ хъекха велира иза, тIейогIучу хенахъ таIзар дийр ду ша бохуш. Эххар бага егта кIорда а дина: «Яхийта сан бIаьргашна хьалхара!» – еккхийтира цо.

Шен тIоьрмиг ги а тесна, пхъарс боцчу полковникна баркалла а аьлла, аравелира Хасбула. Арахъ Iаьржа бода бара. Вокзал йолчу агIор дIа а вахана, Дагестане йоьдуш цIерпошт юй хьожура иза. Аьгган новкъахъ лаьтгаш кира лело состав яра, Бакура Россехъа йоьдуш, шена тIаьхъатийсина ягоргаца а, тIеман гIирсаца а йолу вагонаш а йолуш.

Дагестане йоьду цIерпошт тIейогIучу буйсанна бен хир йоцийла а хийна, паргIатваьлла Хасбула вокзалана чохъхавелира, адаманш долчухъа. ПаргIат йолу меттиг а лехна, шен куьг дIадеха волавелира иза. Кестта цунна тIевеара куьг доцу полковник. Вовшийн цIерш а йовзийтина, цхъацца дийца хIобттира и шиь дахарх а, тIамтIехъ лелийначух а лаьцна...

Полковника ша волчу хIусаме кхойкхура Хасбуле, амма важа, стенна делахъ а, дуьхьал вара хьошалгIа ваха. Оццу минотехъ цхъаммо: «Ассалам Iалайкум!» аьлла, салам луш а хезна, хъалагIаьттира иза. Цецваьлла, Iадийча санна, лаьтгара Хасбула – кхуьнан йиша яхана нуц Iабдулхъамид а, юьртара лулахой Хъусенил Мухъамад а, Давуд а, Мухъамедзайид а лаьтгара кхунна хьалха. Сихха могош-паргIат а хьаттина, мара а кхетта, даггара къамел дан буйлабелира хIорш. Баккхий нах Соьлжа-ГIала заготконторе тIамтIехъ болчарна дигийта шайн юьртахъ а, Ботлихан районерчу кхечу ярташкара а гулдина, нисделла бежнаш далаш баькхинера. Шайн хъеший кхузахъ кхарна ца карийра – уьш хIетале цIерабаьхнера. Цундела вокзалехъ буйса яккха дийзира церан, ткъа кхузахъ ирсана шайн юьртахо а карийра царна.

2

Вокзалехъ буйса а яккхина, Iуьйранна хьалххе хъалагIевттина, шашш бежнаш дIаделлачу базехъ йитина, шайн говраш схъаэца бахара уьш. Говрашка

а хевшина, оццу дийнахь цѐхьа буьйлабелира юьртахой. Паш вогу Хасбула кладвелча, роГехь кхуьнга говр лора цара. Кхераме бара церан некъ. Шуьйтахула дла а бахана, Нохч-Келойн чЮжана чухула дехьа а бевлла, Чеберлойн дукъа тѐ хьалабовла безара уьш. Ткъа цигара шайн юьрта чудисса дезара. Церан новкъахь йолу нохчийн ярташ яьсса яра – церан бахархой цѐрабаьхнера. Амма массо а юьртахь советан эскархой бара. Уьш леррина кхеран деГлах хьовсура. Къаьсттина кегош верг Хасбула хуьлура, цунах дезертир тарлора царна.

Некъахой Шуьйта кхаьчча, кхарна дуьхьал бевллачу тѐмалоша, леррина документаш а теллина, кхаьргара ларчанаш кегийра. Кхаьргахь йолу говраш колхозан хиларан хьокъехь карахь кехаташ доллушехь, цхьана капитана, говраш схьало аьлла, омра дира.

– И говраш кху нахах тешийна ю, юхабирзича дАяла а езаш. Аш хГунда йоху уьш дла? Колхозана царах мах хьан лур бу? – элира Хасбулас.

– Салти, оха иза пачхьалкхан дуьхьа деш ду, тхуна и говраш оьшу лаьмнашкахь лечкъаш болу бандиташ схьалецлбцуш лелархьама. Шайна лаахь, оха я бандиташа дАяьхна ала шайгара говраш. Шуна цхьана а тайпана кехат дала тхан аьтто бац, – кЮршаме вистхилира капитан, ша цла чу воьдуш. Некъахоша дуьйцучуьнга ла а ца дуглуш, говраш схьаяха элира цо.

Тпаккха Хасбулина тѐвеара шен юьхь-сибатца билггал кавказхо волу лахара сержант:

– Салти, кьийса ма ло, эрна ду хьуна. Кестта батальонан командир, подполковник, ву схьаван везаш. Цуьнга дладийца ахь дерриге а, иза оьрси ву, нахе ладуглур долуш а, кхетар волуш ву иза. Цо гЮдан там бу. Ткъа хГара капитан, ша теркахойн глалагзкхи ву бохуш, дозаллаш деш ву, дага тѐхь йолчу куралло нахе ладогла ца вуьту. Шен дайшкара нохчашка а, дагестанхошка а Кавказан тЮм болчу хенахь дуьйна схьабоглуш болу цабезам кхаьчна цуьнга. Цуьнца ларлуш хилалаш!

Салтий говраш дАяаха гЮьртича, некъахоша дуьхьало йира, шаьш дийна мел ду дАлур яц аьлла. Оццу хенахь тѐмалойх йоьттина кира кхоьхьу машен схьаеара. Цунна тѐра охьалилхинчу цара юккьерчу деГѐх волу, йоцца лергина кьоьжа маж а йолуш, кхузткъа шо хир долу стаггий, иштта хан хир йолу, хьарса месаш йолу зудий, хьалхадаьккхина, схьадалийра. Цу шиннан яхьаш тѐхь долчу дѐтачу цийн асанаша гойтура царна дина дабагла. Кестта капитане схьакхайкхира.

Цунна дуьхьал веддачу лакхарчу сержанта арз дира:

– Накъост капитан, оцу некъахоша шаьш говраш схьалур яц боху, шаьш дайиний бен.

– Тпаккха байийша уьш! Шу стенга хьоьжуш ла? Говраш схьаяха!

Цу сохьта стаг, зудий схьадалийначу лейтенанте вистхилира капитан:

– ХЮрш мичахь карийна шуна? Мичахь левчкъина бара хГара бандиташ?

– ХГара шиь лаьмнашкарчу цхьана кЮтарахь схьалаьчна. Шайгахь документаш дац боху кхара, амма уьш шайн хГусамехь Шуьйтахь ду бохуш, чГлагонаш-м йо кху шиммо. Цхьа а тайпа герз кхаьргахь ца карийна, схьалоцучу хенахь дуьхьало а ца йина кхара. Кхуза бажка цалаарна жимма хГума тоха-м йийзира кху шинна. ХГара зуда вайниг ю, оьрси, – дийцира лейтенанта.

– ХИнццалц лечкъаш хГунда йина шу? – буьрса хаьттира капитана схьалаьчначу стаге.

– Тхо бандиташ дац. Тхан халкъана тѐ хГара бохам беанчу дийнахь тхойшиь луларчу юьртахь хьошалггахь дара. Тхуна гира тѐмалоша машаре нах хьийзош, шайн юьртахула, тѐ герзаш а лаьчна, уьш длабуьгуш. Дуьхьало йинарг воьра цара. Цѐнэскархойн духар дуьйхина фашисташ бу моьтура тхуна уьш. Тхойшиь хуьнах дАдедира, тхайна тѐхь таГзар ца дайта. Ас юха а боху шуьгу: тхо бандиташ дац, тхо Нохч-ГПалгГайн республикехь дехаш долу советан гражданахь ду.

Юха къамелана юккье зуда элира:

– Со оьрси ю, хГара сан майра нохчи ву. Революци йоккхуш а, советан йедал дАхЮттош а тхайн цийн йанийна оха шиммо. ХИнца социализм ярехь тхаьш

ца кхоош кяхьобгуш а ду тхойшиь. Тахана тхан кІант, Даймохк ларбеш, фашисташна духьал тІом беш ву.

– Хьанна юййцу ахь и туьйранаш, зуд?! Хьо мила леван гІерта, сволочь?! Хьо мила елахь а, хьо бандитан зуда а, ямартхо а ю. Сталина а, советан правительствос таІзар дина нохчийн халкъана, уьш Іедална духьалхиларна Юокьерчу Азе а хьовсийна. Церадахарна духьалверг зуламхо ву. Шайна таІзар дайтарх уьдуш берш а зуламхой а, халкъан мостагІий а бу. Ткъа мостагІий байа беза! Байа! Сержант, ден а дей, хи чу кхосса и шиь...

– Аш дайна кегий бераш а дара мостагІий? – хаьттира оьрсийн зудчо, эпсаран «политически кьамел» хадош.

– ДІасацае хьайн баг, кяхьпа! Кегий бераш хилла ца Іаш, нохчийн зудчун кийрахь дерш а хинболу зуламхой бу. Кхийтин хьо, хьан...

Шен зудчуьнга хьовсийна и боьха дешнаш советан эпсарера хезча, оьгІазаллех кийра буьзна, буйнаш а дина, капитанна чухьаьдира нохчи:

– Хьо ду-кх бакьдолу кяхьпа! Хьайн ненах сте йойла ахь! Даймакхана ямарт волу чалтач а, боьха хІума а ю-кх хьо!

Капитана тапча схьаяьккхира.

– Сацал, капитан!– мохь туьйхира кхаа эпсарца машенахь тІекхачьначу подполковника. Цу сохьта хаьттира цо:

– ХІокху говрашца берш муьлш бу? Стенга боьлхуш бу?

– ХІорш жІайхой бу, Дагестане боьлхуш.

– Документашка хьаьвсиний шу?

– Хьаьвсина, уьш нийса ду, накьост подполковник, – хаййтира капитана, аз кІаддина. Цо жІайхой болчу агІор эсала бІаьрг кхарстийра, лаккхарчу эпсаре ша кхузахь лелийна харцонаш цара дІайийцарна кхоьруш.

– Церан документаш нийса делахь, уьш кхузахь хІунда латтабо?

– ХІокху сохьта. Сержант, дІахьовсабе некъахой! – ома дира капитана.

Капитанан хийцавалар а гина, цунах кхаьрдира салтий, ткъа кавказхо-бІаьхо, Хасбуле ишар а йина, велакьежира. Капитанна шен накьостий кьинтІера бевлলেখь а, Хасбула реза ца хилира, цо лелийна харцонаш дІа ца йийщича. Меллаша подполковникна тІе а вахана, дерриг а кхузахь хилларг дІадейцира цо.

– ХІокхо дуййцург бакь дуй, капитан? – оьгІазе хаьттира подполковника.

– ХІан-хІа! – жоп делира капитана.

– Накьост подполковник, бакьдерг дуййцург а, эхь доцуш харцлудьш верг а мила ву, шайн салташка хаьттича, хуур ду хьуна, – элира Хасбулас. – ХІара капитан санна болчара доккха зен до вайн пачхьалкхана. Эцца шу тІе ца кхачьнехь, тхо дайийта воллура иза, говраш схьаяхархьама. Иза билггал бакь ду, тхо хІаллакдайт а ома дІаделлера кхуо. Вайн пачхьалкхан духьа, кхиберш санна, лелаш нах ма ду тхо а. ХІара схьалаьцна долу стаг-зудий маьтгазчу, уггаре а боьхачу дешнашца емалдира капитана, хенарчу оьрсийн зудчух кяхьпа элира, боьха мел дерг дийца эхь ца хийтира. Ткъа царна иза дан гІертарг хьуна хьайна а гира.

– Салти, собаре хила, – элира подполковника Хасбуле. – Ас дерриге а къастор ду, дан дезаш хилахь таІзар а дийр ду. Ткъа шун некъ дика хуьлда...

Нохчийчун а, цуьнан хІусамненан а Іудика а йина, дІабуьйлабелира некъахой. Лаьмнашкахь шийла яра, маьІ-маьПехь Іуьллуш ло а дара. МаьрКІаж-ламазан хенахь ломарчу жимачу юьрта кхечира уьш. Кхузахь буьйса яккха сацам бира цара. ХІокху юьртахь а хьеший бара кхран хьалха, амма хІинца, дай ара а баьхна, церан шийлачу хІусамашкахь шок етгаш мох бара. Шайн хьешан Іабдулхьамидан хІусамехь буьйса яккха лиира царна. ХІорш, говрашкара чу а биссина, уьш дІаІалашгьан хІиттича, гІовгІанца, кхарна тІе герзаш а лобцуш, керта лилхира цІенэскархой:

– Куьйгаш хьалаайа! Меттахдовлахь – герз тІетухур ду шуна! Шена тІе пІелг хьажийнарг тІе а воьгуш, документаш схьагойтур ду аша... Салти, духьхьара хьо схьаволь!

Массеран кехаташка а хъавсина, галдаьлла хIума доций а хиъна, лейтенанта элира кхаьрга:

– Лаьмнашкахь левчкъина лелаш нохчийн бандиташ бу. Пемалойн духар тIехь долчуьнца къаьсттина луьра мостагIалла ду церан. Новкъахь ларлуш хилалаш.

Луларчу цIеношкахула чекх а бовлуш, дечиг лехира некъахоша. Юучух хIума карор ярий те бохуш, лийлира уьш. Амма кIеззиг бен хIума ца карийра. Схьагарехь, бIаьхоша яа мегарг ерриг а дIалахьийначух тера дара.

Баккхий нах цхъана йоккxачу керта бевлча, кхарна гинарг белла дIабовллалц дицлур доцуш сурт дара: рагIуна хьалхьа йийна Iуьллуш доьзалхочух йолу жима зуда яра, дерриге а цIийх дуьзна, кхо шо хир долу шен бер марахь а долуш. Зудчун когашна тIерачу цIийна тIе мотт хьобкxуш кIеза дара. Уллохь, коьртах герз тоьхна, дийна Iуьллуш жIаьла а дара. Давудий, Iабдулхьамидий, кертахь карийна шадий, беллий тоьхна, дийра хьерадаьлла чукхиссалуш долу кIеза. Зудчун а, беран а дилха сенделла дара, талхаран хьожа яра царах схьаьтталуш. Цу шиннан декъий цIа чу даьхьна, хилларг шайн накъосташна дIадийца вахара воккxа ши стаг.

– Доьзалхочух йолу зуда а, бер а муха дуьйр ду? Акхаройл къиза адамашдайархой бу-кx уьш. АллахIа кхел йойла царна! – элира цу хаамо дог дохийна волчу Хьусенила Мухьамада.

– Везан Дела, мостагIчунна ма гайталахь кху деношкахь суна гинарг, – элира Давуда, сингагтаме доккxа са а даьккxина. – ХIаь, цу дийнахь со а, сан ши ваша а Коло-юьртахь вара. Тхо, тхайн хьешан кIант тIамтIехь вийна аьлла хезна, тезета даьхкинера. Амма цу Iуьйранна хьалххе чулилхинчу эскархоша, бежнаш санна, дIалехка болийра нохчий шайн хIусамашкара. Тхобгахь паспорташ хиларна, дагестанхой ду аьлла, тхо хье ца деш дитира. Тхан хьаша а, и санна воккxа волу кхин масех стаг а, цомгаш болу зударий а, салазах дIа а бихкина, тIехь ша болчу гух кIоргачу Iинна чухийцира. Цига чу а диссина, шеро меттиг а лехна, эскархошна тхо гарна а кхоьруш, шина дийнахь доккxа каш а даьккxина, цу чу шийтта дакъа дIадоьллира оха.

Шуна хезна хир ду, цу ирчачу дийнахь Чеберлойн дукъа тIехь йолчу ярташкахь нисбеллачу вайн жIайхошна гинарг. Шайна ницкъбарна дуьхьало йинарш а, гIийланаш а, баккхийнаш а, зударий а, бераш а муха хIаллакдира гина царна. Цу ярташкара адамаш, кара хIума схьа а ца оьцуьйтуш, Iаьнан уггаре а шийлачу хенахь, гоьллелц долчу лайлахула, тIе герз а лаяцна, Мамон-эвлана улле дIалаьхкира эскархоша. Шаьш бойьур буйла хуьшехь, гергарчеран гIоьнца цомгашнаш а, гIийланаш а баьхкира цига. Амма эскархоша гIийланаш а, баккхийнаш а, доьзлхочух болу зударий а, кегий бераш а, вукхарах дIа а къастийна, Мамон-эвларчу маьждига чу бигира. Цаьрга, шу гIаш Соьлжа-ГIала дахалур дац, шуна машенаш йохкуьйтур ю элира. Гергарнаш вовшахбаьхначу хенахь аре мел ю зударийн цIогIанаш девлира, мел доьналла долчу къонахошка лалур доцуш ирча сурт дара цигахь хIоьттинарг. Лаьмнашкара охьабаьхна нохчийн ламарой Соьлжа-ГIала кхаччалц гIаш дIабигира. Новкъахь шелонна, гIелонна мел дукха белира уьш. Ткъа Мамон-эвларчу маьждига чу лаьхкинарш, АллахIан и цIа а эккхийтина, дийна бисинарш а, белларш а харцорашна кIелахь дIахьулбира эскархоша. Иштта «гIо» дира-кx цара мискачу нахана. Тхаьш юхадирзинчу хенахь цара динчу цо къизачу гIуллакхан лар тхуна а гира.

Хьалкелара цхъа бIаьрзе воккxа стаг, бердана юххе дIа а вигина, иштта дIагIахь цIа кxочур ву хьо аьлла, бердах чувожийтина хилла салташа. И пекъар, гIулч а яккxина, генна бухахь догIучу Ансалтинка-хи чу воьжна хилла. Ансалтанхой а, рахатанхой а, тхан ярташкара дуккxа а нохчех белла нах дIабокка баха гIертара, амма салташа цига ца вохуьйтура цхъа а, – иштта дерзийра Давуда шен къамел.

– ИншаАллахI, кхана Iуьйранна гIевттина, наний, кIанттий дIадуллур ду вай, эскархой тIебахале, – элира Мухьамадзайида.

Мухьамадзайид а, Хьусенил Мухьамад а бакъволу муьмин вара, Iаьрбийн Илма кIорггера Iамийна, дуккxа а шерашкахь Нохчийчохь молланаш хилла а.

Цигахь Йедало нахана таIзар дечу хенахь гIело лайна а вара и ший. Йеламнах хиларна НКВД-н белхахоша масийтгаза барт хаьттира кху шинга. Ярташкара хьехархой тIамтIе бахча, лахарчу классашкахь хьобхуш вара Хьусенил Мухьамад.

Некьахошна чIогIа новкьадеанера нохчий шайн махках бахар. Боккхачу сингаттамца вовшашна дуьйцура цара шайна уьш цIерабохуш гинарг а, хезнарг а. Мел кьизаллаш лайна цхьа а бехк боцчу мискачу наха, мел сийсазбеш арабаьхна уьш шайн хIусамашкара. Шайна новкьахь гина декьаза стаггий, зудий а хьахийра цара. Церан ойла еш Ийра уьш бехха, хIун хилла теша цу доккхачу шина стагах бохуш. Дуккха а хан яьлча, царна хиира и ший докьаза дайнийла. Мел дукха нохчий байна цу хенахь, багарбина ца валлал.

Хасбулин вешин Шахбанов Мухьамадан доьзалх а хьакхаделира и вон. Мухьамад Хасавюьртахь милицин декьан хьаьким вара, капитанан даржехь а волуш. 1937-чу шарахь бандиташца хиллачу тасадаларехь чов а хилла, кьона а волуш кхелхира иза. Аухерачу нохчийн зудчо ши кIант а, цхьа йоI а динера цунна. Шен кхелхинчу ден цIе лелаш волу жимах волу кIант бераллин хенахь кест-кеста цомгаш хуьлуш вара. Иза товаларе сатесна, ша волчу лаьмнашка дIа а вигна, кхаьбнера Хасбулас. ТIаьхьа цунах тIеман летчик хилира. Важа кIант а, йоI а, церан нана а 1944-чу шарахь нохчашца Юккьерачу Азе дигира бертаза. И бераш, жIайхочунна дина хиллехь а, церан нана нохчи хиларна, цIера а даьхна, тIепаза дайра...

ЦIеххьана кор туьйхира, хан яьллачу хенахь хIара мила ву теша аьлла, дагадеара некьахошана, юха цхьаь неI дIаелла вахара.

– Шуьга хьошалгIа ян мегий? – бодашкара сьхьахезира нохчийн маттахь зудчун аз.

– Дера, мега, хIунда ца мега? Чоьхьяяла, – аьлла, неI дIа а йиллина, зуда чуьййтира неIаре ваханчо.

Мехкадаьттан серлонехь царна хьалха лаьтгара, ткьех шо хир долуш, хаза куц долу исбаьхьа йоI. Цунна хьалха бинокль кхозура, белшах тесна ППШ олу автомат а яра. Цуьнга хьаьжча гора, шен хазаллица кхокханца юста мегар йолчу цунна цхьа вон болх хиллий. Цуьнан Iаьржа баккхий бIаьргаш, лампанан серлонехь кьегахь а, беран санна долчу балдаш тIера елакьажар даьа гIертара. Иза елха йоллуш санна яра.

ЙоIа, Мухьамадзайидана тIе а яхана, хаьттира:

– Со евзий хьуна?

– Дера, евза, хIинца евзи, – элира Мухьамадзайида, леррина буйсанан хьешан юьхье а хьаьжна. – Хьо Салихьат ю-кх, Шуьйтарчу сан хьомечу хьешан Ахьмад-Хьаьжин йоI.

Салихьатна казахийтира шайн кьеначу хьешана ша евзина, цунна мара а кхетта, йилхира иза:

– Кхин бац хьан хьеший! Сталина арадаьккхина сан халкь шайн дай баьхначу махкара, – бохура цо, елхачуьра а ца туьгуш.

Юха, дIа а тийна, Салихьата дийцира:

– Суна гира шу, бежнаш лаьхкина, Соьлжа-ГIала доьлхуш. Шу кестта юхадюьрзур дуй хууш, кхузахь Ийра со.

ЙоIа шен когаш а, куьйгаш а, хаза юьхь шелйинера: меженеш йистинера, кIайчу чкьура тIехь мокха хьобкхнаш яра гуш. Цунна яахIума а елла, пешахь цIе марса а яьккхина, йоI йохьйлийтира цара. Уьш бехха Ийра дIа ца буйьшуш, йоIан дийцар дехха дара.

Салихьат пхеа вешина юкьахь кхиина яра, кIентан санна амал а йолуш. Доьзалехь массарел жима а, цхьаь бен йоцу а дела хьоме яра хIара. Дас-нанас олура, божаберашна юкьахь кхиьна хиларна церан амалехь дерг сьхьаэцна цо. Вежарша деш дерг кхуо а дора: дечиге а, талла а йоьдура, цIахь дан деза дерриге а гIуллакхаш а дора. Амма йоккха хилча, кIенташна ша казахетийта дан дезарг а хаьара цунна.

ЦIеххьана хIобьтинчу кьизачу тIамо Салихьатан дахарехь хийцамаш бира. Шен воккхачу волу ши ваша а, тIехьийза кIант а тIае вахча, кхуьннан

дага тЕра самукьадалар дІаделира. Цунна хазаетара, шен уллорнаш тЕман командованис хестош, кехаташ дахкийтича. Амма цуьнан чІогІа де эшнера, шен ваша Даймохк паргІатбаккхархьама леташ кхелхина аьлла, хаам кхаьчча. Вукхарна а изза хиларна кхоьруш, чохь са дацара цунна. ТІом ТІом бу, цо вониг бен ца дохьу. Нохчашна хьара, тІамо мел боккха бала латтабахь а, кхидолу советан адамаш санна, Даймохк шаьш маостагІчух ларбан безийла. Амма хьанна дагахь дара, дерриге а советан адамашна даг тЕхь лаьттаху сингаттамна тЕ нохчашна кьизаллица махкахдахаран бала тЕбогІур буйла?

1944-чу шеран 23-чу февралехь сахуьлучу хенахь ков детта а хезна, араьллачу Салихьата хаьттира:

– Мила ву цигахь? ХІун оьшу хьуна?

– Сихха ков схьаделла, оха иза кагдале! – хезира цунна кевнал дехьара. Кхин хІумма а ца олуш, ков схьадиллира Салихьата. Цунна хьалха тЕман духарца, карахь герзаш а долуш, ши стаг лаьттара. ТІаьхьарчу хенахь ерриге а Нохчийчухула лелара эскархой, шайн цхьа Іамораш ду бохуш. И божарий цец а бевлла хьобжура шайна хьалха лаьттаху хазачу йоІе.

– Чохьядовла, ас хІинцца яахІума лур ю шуна, – элира Салихьата, уьш меца а, шеллуш а бу аьлла хеташ. – Сан ши ваша вара тІамтЕхь фашистех леташ, цхьаь кхелхина аьлла хаам кхаьчна тхьоьга.

– ЙоІ, харцдерг ма дийцал! Іедална вуно дика хаь шу, нохчий, хьанна дуьхьал тІом беш ду. Мила ву шун чохь? – кІоршаме хаьттира эпсаро.

– ЦІа чохь дендай, деннаний ду, халла бен лелалуш а дац и шиь, цаьрга хьожуш ю со, – элира йоІа.

Мийра тоьхна, неІ схьа а йиллина, герз хьалха а лаьцна, чохьхабевлира эскархой. Уьш чубевлча, доккха ши стаг хьалаайаделира шайн меттанашкара, тІамтЕхь волчу кІантах лаьцна дика хаам бахьаш уьш баьхкина моьттуш.

– Шу а, кху юьртара дерриге адам а сельсоветан цІенна хьалха гулдала деза. Сиха хьалагІовттал! – ома дира баккхийчаьрга лейтенанта.

– Тхо цомгаш ду, аш бохучу метте дан де долуш дац, сан бераш, – гІиллакхе элира воккхачу стага цІеначу оьрсийн маттахь. – Тхойшиь доккха а, гІорасиз а ду, олуш ма-хиллара, цхьа ког коша а бахана. КІентан йоьІан гІо оьшуш ду тхо. Тхьогара цхьаь эшахь, кхузахь тхо гІо дан кийча ду.

– Тхан бала бац шун гІорасиз хиларца а, шун цамгаршца а, тхуна делла ома ду, шу сельсоветан майданна хьалха дІадига аьлла. Лелал сиха, хьалагІовттал, тхьоьца дІадогІур ду шу! Дуьхьало йинчунна цу меттехь герз тІетухур ду оха! – бохуш, мохь хьобкхура лейтенанта.

– Мича бехкенна туху аш тхуна герз? – хаьттира воккхачу стага.

– Шайга аьллачу метте дІа ца вогІург Іедална дуьхьалваьлларг ву. Тхуна бакьо елла Іедална дуьхьал волчунна герз тоха. Правительство сацам бина шу, нохчий, кху Нохчийчуьра арадаха аьлла, шу Советан пачхьалкхана дуьхьалдовларна.

– Тхо, кьанделла нах, хІунда доху тхо махках, тхан кІентий, Советан пачхьалкх ларьеш, фашисташна дуьхьал летачу хенахь? – хаьттира воккхачу стага, эпсаран кьамелана юккьехула.

Лейтенант оьгІазвахара:

– Сиха хьалагІовттал! Тоьар ду туьйранаш дийца!

Воккхачу стеган белш лаьцна, иза хьала а гІаттийна, цІенкьа юккье дІа а хІоттийна, дехьавелира эпсар. Ирахь а ца латтавелла, охьавуьйжира воккха стаг. Цу хенахь пеша хьалха лаьтта йоккха стаг, шен карадеана жоммагІа а эцна, лейтенантана тЕлетира: «Делан неІалт хуьлда хьуна!» – аьлла. Цо тЕтоха дагахь жоммагІа лейтенантан коьрта тЕхула хьалаойьушехь, салтичо, автоматан бух коьрта а тоьхна, голаш тЕ охьайожийра йоккха стаг. Шен зудчун багара а, мера чуьра а оьху цІий а гина, бІаьргашка бода беара воккхачу стагана. ОьгІазвахана, халла хьалагІаьттина, шен гІайби кІелхьара шаьлта схьайицира цо. Цо баттара шаьлта йоккхучу минотехь лейтенанта нийсса дега юккье тапча туьйхира цунна. Хадийна дитт санна, цІенкьа юккье охьавуьйжира хІусамда.

Шен майра вер а гина, хьераялча санна, мохь а хьокхуш, жоммагIех катуьйхира йоккхачу стага, иза хьалагIаьттина ялале кIесаран кIагчу доггах автоматан бух а тоьхна, йожийра иза салтичо.

Салихьатан бIаьргашна хьалха дийра цуьнан хьоме дендай, деннаний. Цуьнан хьекьал а, собар а кхечира шен сацо ницкъ кхочур боцчу латарна юкьа ца гIорта. Эскархой метта бахкале ша дIалачкьийна, кьайлах ларьеш йолу, ненавешин наган олу тапча схьайцира цо. «Бекхам! Бекхам!» – хьийзара йобIан коьртехь, шен дендай, деннаний дийначарна бекхам бан лууш, кхехкара цуьнан ций. Эскархой уьйтIа ма-бевлли, тапча тоьхна лейтенант а вожийна, шолгIа тоьхна салти а охьавиллира йоIа.

БIаьргара охьаобьху хи ца соцуш, дийцира Салихьата некъахошна ша лайначу халонех а, шен кьомах кьахетарх а лаьцна...

– Дадин а, бабин а декьий, тIе шаршуш а, одеялаш а тесна, дитира ас, – кхидIа а дуьйцура йоIа. – Йовха хIума тIе а юьйхина, тапча а, лейтенантан бинокль а, салтичун автомат а схьа а эцна, хьуьнчохь кьайлаелира со. Цигара бинокль чухула суна дика гора эскархоша, бежнаш санна, юьртахой эвлαιисте дIаловьхкуш. Дуксахберш герз детташ байира салташа. Суна хьаьара: баккхийнаш а, цомгушнаш а, гIийланаш а, доьзалхойх болу зударий а царна новкьа бара сихонца нах арабохучу хенахь, цундела цара байира уьш. Генна дIасадобьдура зударийн белхар, кхераделлачу бераша хьобькху маьхьарий. Нах дIабигинчул тIаьхьа эскархоша юьртара дерриге а цIенош теллира, шайна оьшург схьа а оьцуш. Даьхни а, цьханхьа дIадигна, кьайладаьккхира цара. Паржьалале со Шуьйта сайн да-нана долчу дIаяхара. Амма юьртахь, кешнашкахь санна, тийна дара. Геннахь хезаш салтийн белар дара. Тхан цIеношна уллера ши цIа дагийна лаьтгара. Яьгна ялазчу цIеран серлонехь овкьарахь Iуьллучу кьеначу шина лулахочун декьий гира суна. Сан дог вон хилира, уьш гича. «Сан денненан декьий а хир ду-кх кхузахь цьханхьа Iохкуш», – аьлла, ойла хьаьвзира коьрте. Цигахь уьш леха хIобьттира со. ЦIеххьана суна гонах серлонца йолу даьндаргаш етта йолийра. Сан ирсана уьш цхьа а ца хьакхаелира сох. Цигара дIаяда кхира со, салтий тIекхачале. Схьахетарехь, кхузахь шаьш арабаха гIоьртинчу эскархошна дуьхьало йинера наха, хIунда аьлча дагийна цIенош а, дайина адамаш а дара гонах.

Денда а, деннана а долчу юьрта юхаерза дийзира сан. И шиь лаьтте дерзо дезаш ма дара. Лам тIера бинокалехула чухьаьжча, тхайн керт юьззина салтий гира суна. Царна хета тарлора, со хIете а вете а байинарш дIабохка юхайогIур ю аьлла. Уьш иттех дийнахь Iийра, кIело йина. Со караяхча, я герз тоьхна, я йиттина юьйр яра цара. Эххар а цигахь Iан кIорда а дина, уьш дIабахара. Шаьш дIабобьлхуш чьура ерриге а хIума дIаяьхьира цара: юург а, тIеюург а, когаюург а, шайна пайденна мел хетарг а. Дадин а, бабин а декьий тхан цIенна тIехьа охьакхиссинера цара, тIехь цхьа тилора тай а ца дуьтуш. Ирсана, акхарой тIе ца кхевдинера царна, кьийгаша бабин бIаьргаш даьхнера – цуьнан дакьа аркьал Iуьллура.

Эскархошна гучу ца ялархьама кхаа буйсанна даьккхира ас царна ши каш, гIорийна латта а охкуш. Цул тIаьхьа букьа тIехь цхьацца дIа а даьхьна, дIабобьлира ас и шиь. Сан са паргIатделира царах бекхам бан а, и шиь дIадерзо а сайн аьтто баларна. ХIинца-м яла а хала дацара!

Со ца кхета, пачхьалкхо тхуна, нохчашна, тIехь и гIело хIунда латтайо? Тхан кегий нах тIом беш ма бу Даймехкан дуьхьа. Бехк а, гуьнахь а доцу бераш, баккхий нах, тхо – зударий хIунда хьийзадо? – елха йолаелира Салихьат.

Иза, корта голаш тIе охьа а бахийтина, Iара, елхаран кьурдаш а деш. Ехха иштта Iийначул тIаьхьа, корта хьала а айина, бIаьрхиш дIа даьхна, цо элира:

– Сайн байинчарах а, хьомечу халкьах а бекхам бан со тIеялорна бехке пачхьалкхан куьйгалхой бу. Паччахьан Росси а хилла сан халкь хьаша гIерташ, ткьа хIинца Сталинан Советан Iедал а ду нуцкьаха тхо цIерадохуш, тхан халкь дуьнен чьура дIадаккхархьама, – доккха са а даьккхина, шен дийцар чекхдаьккхира Салихьата.

Некъахой цуьнан дог эца гертара, шашь иза ЖIайхойн махка дIаюьгур ю бохуш.

3

Некъахой, Гуьйранна хьалххе хьала а гIевттина, пеш а латийна, юург кечъеш бохкура. Говраш божална чуйоьхкинера цара, цигахь докъар дисинера.

ХIума а кхаьллина, эвлaйистехь долчу кешнашка бахара уьш, йийначу зудчунна а, цуьнан берана а каш даккха. ХIорш кешнашкара схьабовлале, лам тIера юьрта чубуьссуш, ткьех герга салти гира кхарна. Юьрта чубаьхкича, хIора цIийнах хьовсуш чекхбовлуш бара уьш. Шашь долчу цIенна уьш тIекхачале, божал чохь картолаш Iалашъян даьккхинчу ор чу хайира Хасбулас йоI, юха орана тIехула нишаш а кхиссина, араваьлла, хьарчийначу газеташ йина цигаьрка оза охьахира иза. ХIара и оьзна валале салтий тIебаьхкира.

– Салти, хьо муха кхаьчна кхуза? Схьагайтал хьайн документаш, – элира сержанта, шеконца Хасбуле а хьобжуш, цунна тIе автомат а лаьзна. Юха мохь бетта хIоьттира иза:

– Накъост капитан! Кхузахь адамаш ду!

Минот а ялале масех салтица капитан кхечира кху уьтIа. Хасбулин документашка хьаьжира иза:

– Хьо кхуза муха кхаьчна? Хьан маршрут Дагестане ма ю.

– Соьлжа-ГIалахь сайн юьртахой кхийтира сох, уьш хIинца кешнашкахь зудий, беррий дIадуллуш бу. Цаьрца ваха сацам бира ас, хIунда аьлча кхузарчу лаьмнашкахула сан юьрта кхача атта ду, некъ а боца бу, – жоп делира Хасбулас.

– Хьобца кхин нах а бу? – хьаьттира капитана.

Хасбулас царах лаьзна дийцира. Капитана салташка омра дира, цIийнах хьовса аьлла. Кестта цара капитане элира, шеко йолуш ХIума шайна ца карийна, божала чохь докъар дууш йиь говр ю аьлла.

– Кешнашка гIур ду вай, – элира капитана, Хасбулас дийцинчух ца тешаш.

Хасбула хьалхаваьлла вьодура, ткьа капитан салташца тIаьхьавогура. Кешнашкахь салтий муьлххачу а Iотта-баккхамна кийча хилийта маьI-маьIе дIа а хIиттийна, некъахойн документаш талла хIоьттира иза.

– ХIинца дагадеа суна, – элира цо, – масех де хьалха Бунин-юьртана юххехь йолчу тхан постехула чекхдевлера шу, заготконторе даьхни дIадала доьлхуш.

Зудчун а, беран а декъий дIадохказа дара. Царна тIе а хьаьжна, капитана элира:

– ХIара халкъан мостагIий дIа хIунда бухку аш? Салти, нагахь НКВД-н белхаошна АллахIан дуьхьа аш деш долу хIара гуллакх гахь, шун хьал чIогIа кхераме хир ду.

– Накъост капитан, кестта бIаьсте ер ю, нагахь декъий дIа ца духкуш дитахь, ун даржа кхераме ду. Тхан цхьа а бехк бац уьш дIадохкарх, талхале а, хьожа кхетале а, – жоп делира Хасбулас.

Ислам-динехь хила ма-деззара, зудий, беррий дIа а доьллина, шашь буьйса яьккхинчу цIийнан керта баьхкира некъахой. ДIабаха кечлуш, говрашна нуьйраш тохкуш бохкура уьш. Амма оцу хенахь капитан шен салташца уьтIа веара. ЙоI цкьачунна дIалечкьинчуьра аралийтина яцара. ХIоьттинчу хьоле хьаьжжина, дIабаха сих ца лора некъахой, леррина говрийн ленаш хуьйцуш, шира хьостамий дIа дохуш, керланаш тухуш бохкура уьш. Ша гена новкъа волучу хенахь ламарочо шеца яахIума а, верта а, говрана бао хIоь а, ленаш а, хьостамий а, жIов а, морзах а схьаоьцу. Советан Iедал тIедале топ-тапча а, тур-шальта а оьцура цо шеца.

Кхин цкьа а цIийнах хьаьжира капитан салташца цхьаьна, юха а некъахойн дегIах а хьаьвсира, церан хIуманаш а, таьлсаш а кегийра. Шайна шеко йолу хIума ца карийча, Хасбула юьстах а ваьккхина, капитана элира: «КъинтIеравала тхо жимма шога деларна. Кху юьртахь 23-чу февралехь сан ротера цхьа эпсар а, салти а вийна бандиташа, церан герз а, бинокль а схьаьзна».

Хасбулин Иодика а йина, капитан шен салташца д'авахара. Амма кестта юха а веана, цо Хасбуле элира:

– Салти, лаьмнашкахь лечкъаш дукха бандиташ бу хьуна. Шайн аьтто ма-белли, цара салташна т'е герз туху, шуна, дагестанахошна, талор а до. Ларлуш хилалаш! Коло-юьртана уллехь постана т'екхочур ду шу. Цигахь шуна эпсар гур ву – лакхара лейтенант Громов Игорь. Соьгара, Малышев Иванера, цуьнга маршалла а лой, цигахь дечиган маьнги т'ехь со д'атаьтинчохь эгна дисина кехаташ а, суьрташ а Шуьйта сьхадахкийта г'айг'абе алахь цуьнга.

Эскархой д'абахча, некъахоша йоI парг'атъяьккхира, цигахь цуьнгара герз а, бинокль а д'а а лачкъийна, Нохч-Келахь шайн некъ юьхьарлецира цара. Цу юьртан йисте кхаьчча, постана т'еIиттабелира уьш. Салтий церан документаш талла буйлабелира.

– Накъост сержант, лакхарчу лейтенанте Громов Игоре сьхакхайкха мегар дарий? – хаьттира Хасбулас документаш талларан парг' йоIана т'екхачале.

– Хьуна мичара вевза иза? – хаьттира цецваьллучу сержанта.

– Малышев Иванера цуьнга маршала а, хаам а д'абала дезаш ву со.

Кехаташка хьажар а сацийна, цьха салти вахийтира сержанта лакхарчу лейтенанте сьхакхайкха. Некъахошца йолчу хазачу йоIе леррина хьобжура иза:

– Хьан нускал-м дац иза? – хаьттира цо Хасбуле, Iан а ца велла.

– Ду, – доцца жоп делира вукхо, эхь хетарца Салихьате д'а а хьожуш. Юха нохчийн маттахь цуьнга элира:

– ХIумма а дац, иштта хетийта царна.

Кестта т'евеанчу лакхарчу лейтенантана Хасбулас шега капитана аьлларг д'адийцира. Важа къамеле вала лууш стаг хиллера.

– Нагахь капитан шуьга хьаьжнехь, шу кхин сецо ца оьшу, – элира Громовс, некъахой д'а а хьовсош. Юха т'етуйьхира:

– ЭхI, ма хаза ду-кх хьан нускал! Ларлуш хилалаш, гонахарчу хьаннашкахь лечкъаш бандиташ бу, шуна. Иштта хаза йоI цара шайна юххехула йолуьйтур яц, д'алоцур ю, – элира эпсара Хасбуле.

Чеберлойн дукъа т'е хьалабовлалц готгачу некъашкахула, т'ехь хьаннаш йолчу лаьмнийн басешкахула, г'орийначу Келойн-ахк хинан цьхана берда т'ера вукхунна т'е дехьабуйлуш, д'аихира некъахой. Некъ ч'ог'а хала бара, цьхацанхьа чувуссучу а, хьалаволучу а меттигашкахь ша хьаьхна бара иза. Нагахь ишттачохь говран ког тасалахь, иза беречуьнца Iинах чуг'ур яра бухахь долчу хинна т'екхаччалц. Чеберла д'акхача ах некъ бисинчу хенахь тархашна т'ера чукхозучу баккхийчу шаша некъ д'акъевлинера. П'ашло халла дехьавалалур вара царна т'ехула, амма говрахь чекхвалар дуьйцучохь а дацара. Некъахой некъ баккха х'иттира, шайн говраш дехьаяхархьама. Оццу хенахь, хьуьна чуьра ара а ваьлла, герзашца кхо стаг веара царна т'е. Шайна юкьахь нохчийн мотт буйцура цара.

– Шу мичара дог'у? Аш х'ун леладо? ХIара салти муха кхаьчна шуна юккье? – сихдина хаттарш лора йоца лергина маж йолчу хенарочу стага.

Некъахоша дерриге а д'адийцира.

– ХIара нохчийн йоI мича юьгуш ю аша?

– ЖIайхойн махка... со волчу. Шуьйгарчу сан хьешан Ахьмад-Хьаьжин йоI ю хIара, – сихонца жоп делира Мухьамадзайида.

– Хьан гергарнаш ц'енэскархоша байина хилла, йоI. Тхобца йог'ий хьо царна д'адекха?

– Иза еха д'алелалур йолуш яц. Когаш г'орийна, картолаш санна бу цуьнан... вуьшта цомгаш а ю иза, – йоIах жоп делира Мухьамадзайида.

Нохчийн Iедалехь ма-хиллара, воккхачунна хьалха эхь-бехк лаьрра, б'аьра дуьхьал а ца хьожуш, йоIа г'иллакхе элира воккхачу стаге, нохчичуьнга:

– Ваши, ас сайн дендех а, денненах а бекхам эцна. ХIара Iазап вайн халкъехь латточунна Дала Ша т'азар дийр ду. Сайна г'оле хиллалц цьхана ханна ж'айхой болчохь Iийр ю со, цул т'аьхьа, сайн гергарнаш а, халкъ а мичахь ду хьаьжна, царна т'ег'ур ю.

– Хьайн даго кьобалдеш дерг де ахь, сан йоI. Амма нохчийн йоIан яхь а, эхь-бехк а, доьналла а ларде. Некъ дика хуьлда хьан!

Некъахоша а, тебаьккинчара а, охьаэгначу диттийн дечигашца шаш боха а бина, некъ паргIатбаьккхира. Шаш некъахошца дасакъаьстачу хенахь нохчашна юкьара воккхачо элира, ламанхойн Iедалехь ма-хиллара, нохчийн йоIан сий а ларде, салтийн кара а ма кхачийта иза аьлла...

Малх дIабузучу хенахь Нохч-Келойн чIожох халла дехь а бевлла, Басойн чIожан лахене кхечира уьш. Дукъа тIехула Буни-юьрта хIорш дIабоблхуш, Бошхани олучу меттигехь говрашкахь ялх Iенэскархо дуйхьалкхийтира кхарна. Нуьйрашка а, кхечу гIирсашка а хьаьжча, гуш дара и говраш нохчашкара цара сьхаяхна хилар. Вийь бIаьхо еа агIор дIа а хIоттийна, ши гуьржи – лакхара лейтенант а, салти а – некъахошна тевеара.

– Дошлой, шайна теIера вертанаш охьа а дохуш, цхьацца говрара чу а вуссуш, нагахь герз делахь, иза лавтта охьа а дуьллуш, шайн документаш кечдел, – буьрса элира гуьржийн акцент йолчу эпсаро, шена кIелхьара дикачу хIух болу дин халла сеца а беш.

Некъахой говрашкара чубиссира. Хасбулас йоIана гIо дира говрара чуйосса.

– Салти, тIамтеIера ведда дезертир-м вац хьо? Схьагайтал хьайн кехаташ, – говрара чу а воьссина, гуржийн маттахь шена уллехь волчу салтичуьнга цхьаь элира цо. Юха цуьнга говран урх дIа а елла, Хасбулина тевеара иза.

Шен кучан хьалхарчу киснара документаш сьхьаобуш, чоа сьхьадаьстира Хасбулас. Цуьнан нехха тIехь медалаш а гина, эпсаро элира:

– Цу совгIаташа а, хьо чов йина хиларо а хьо тIамехь дакьалаьцна хилар гойту.

– ХIа, – реза воцуш, шегара кехаташ эпсаре дIаделира Хасбулас, – тхобгахь герз дац. Советски Союзехьа ондда когаш тIехь лавтгаш нах ду тхо! – аьлла, тIетуйхира цо.

– ХIара йоI хьан нускал ду? ЧIогIа хаза ю! Довлал чехка, сьхьадахал шайн документаш, – элира гуьржичо вукхаьрга. Божарийн документашка хьаьжна ваьлча, йоIан кехаташ сьхьадийхира эпсаро.

– Накьост лакхара лейтенант, йоIана оьрсийн мотт ца хаьа. ХIара сан нускал ду. Цуьнан документашка шун эпсарш хьаьвсина – Хьал-Келахь капитан Малышев Иван, Нохч-Келахь лакхара лейтенант Громов Игорь. Цул тIаьхьа уьш, сьхьахетарехь, новкьахь охьаэгна, цунна хIинцца хьалха бен ца хиьна шен уьш дайний, – элира Хасбулас эпсаре, юха нохчийн маттахь Салихьате а ша аьллачунна тIехь саца элира.

– Гуш ду, цу оьрсаша кьинхетам бина кхунах. Шаш диначунна цара полкан командирана хьалха жоп лур ду, – элира эпсаро. Улле теIе а веана, йоIе хьежа хIобьтира иза:

– Арахь шелонехь буьйсанахь яхарна сеньеллачу юьхьо а, гIорийначу куьйгаша а гойту хьо нохчийн йоI хилар. ЦIераяккхарх кIелхьарьяла гIо дина хьуна. Цкъа-делахь, Iедалан сацамна дуйхьалволчунна, цхьа а кхел а, таллам а боцуш, тоьпаш тохар догIу. ШолгIа-делахь, хьуна дан догIу таIзар лахдан йиш хир ю, нагахь, низаме а еана, ахь даре дахь. КхозлагIа-делахь, хьо нохчи ца хилча, хьан тIехьийзачу кIанта хьобга нохчийн мотт хIунда буьйцу?

ЙоIа жоп ца делира.

– Салти, хьайн леки маттахь (гуьржаша жIайхойх леки олу) кхетаел йоI ас аьллачух.

– Лавнашкахула беа некъ барна шелъелла а, цу теIе могуш йоцуш а ю хIара, – элира Хасбулас, эпсаро, кьинхетам а бина, иза паргIат юьтург хиларе сатесна.

– Нагахь оьрсийн маттахь дуйцучух иза ца кхетахь, хьайн маттахь кхетаел иза дуйцучух, – кIоршаме элира гуьржичо.

Хасбулас жIайхойн маттахь эпсаро бохург карладаьккхира. Ша цо дуйцучух ца кхетахь а, корта а теIош, лавтгара йоI. Гуьржичо оьрсийн маттахь аьлларг цунна хезнера, цундела йист а ца хуьлуш Iара иза.

– Салти, аш со левийр вац, – элира эпсаро нохчийн маттахь. – Сан бераллин хан деций-ненаций Сьблжа-ГIалахь дIаяхна. Шуна гуш ду ас нохчийн мотт

цѐна буйцуш хилар. Шу жайхой-лекаш а, нохчий а шайх тешам боцуш нах ду. Советан ѐдал дохорхьама кьайлаха болх беш ду шу. Сталинна цунах лаьцна хаьа. Цуьнан тазарх шу довлалур дац. Хьалхарчу заманашкахь шун кьамнех болчу бандиташа, гуьржийн латтанашна тѐлатарш а деш, тхан бахамаш чанабохуш, нах идош, хлаллакбеш, зенаш дора тхуна. Шух кьинхетам бан мегар дац!

Цул тѐаьхьа кьамел нохчийн маттахь хилира.

– Хьо советан эпсар ма ву. Хьалха хилларш а дуйцуш, тхо бехкедар товш ма дац хьобгахь. Хьуна ца хаьахь, дуйцу ас: тхо Соьлжа-ГПала даьхни дѐадала даханера, тѐамтѐехь болчарна жижиг хилийта. Даймехкан дуьхьа ондда дѐахиттина нах ду тхо! Тхо а, и йоI а ахь Iаддита, – бохура некъахоша.

Эпсар оьгIазвахара, цо лубра дѐахьедира, шена хьехарш а ма де, ша кхеро а ма гѐрта аьлла. Юха йоIана тѐе а вахана, ца вешаш элира цо:

– Хьо нохчи елахь, ю ала. Нагахь нохчи а йоцуш, цуьнан нускал а, жайхо а елахь, иза мара а воллий, барт баккха цунна, хьайх со тешийта!

Бага хи эцча санна, цхьа дош а ца олуш, куралла а, доьналла а шеца долуш лаьтгара Салихьат эпсарна хьалха.

– Накьост лакхара лейтенант, сацахьа! Ма хьийзаехьа йоI! – юкъавуйлира Хасбула.

– Со ца сацахь, хIун дан воллу хьо? Нохчийн йоIаца а, цуьнгахьа гIо доккхучаьрца а сан тапчанан даьндаргаша кьамел дийр ду, – элира лейтенанта, шен хаьнтѐахь кхозучу хумпIар чуьра тапча схьа а йоккхуш.

– Березюк! – мохь туйхира цо лакхахь ломан басахь лаьтгачу цхьана салтичуьнга, – меттахваьллагунна тѐе герз тоха, шиь цигахь а витий, шиь кхуза чувосса, хьокху нехан дегIах хьовсал!

Чу а биссина, йоI йоцчун, массеран а дегIах хьавьсира салтий, церан тѐоьрмигаш а кегийра цара. Шаьлтанаш а, арсаш а дѐайцира. Нуьйраш схьа а яхийтина, царех а хьийжира. Гуьржи тѐех кура а, дегала а вара, цхьаннах тешаш вацара иза. Нах хьийзош там хуьлура цунна, цунна хазахетара, уьш кхерош омра ша дича. Цуьнан дагчохь боккха цабезам бара нохчашка а, жайхошшка а.

– Эпсар, хIара йоI тхан нус ю, – элира цуьнга нохчийн маттахь Iабдулхьамида, – иза Iадйитахь! Соьлжа-ГПалара дуйна ерриге а посташкахь хьавьсина-кх цуьнга.

Iабдулхьамидан дешнаш ца тайра эпсарна. ЙоIе дIа а вирзина, цунна хьалха тапча а лестош, лен велира иза. Иза йист ца хуьлуш Iарна а, жайхойн мотт ца бицарна а, шен тѐехьийза кIант ву бохучунна барт ца баккхарна а, цунна хиира йоI нохчи юйла. Цунна дика девзара нохчийн гIиллакхаш а, амалш а, хаьара, царна Iожалла тѐеэца атта дуйла, шаьш бохучунна тѐера а девлла, шайна тѐе эхь доуйтучул. Кьаьсттина дика хаьара, нохчийн зуда яла кийча юйла, шен эхь ца духкуш. ХIокху йоIа а, нехан стагана барт ца боккхуш, ша йобьтург хиларан а шеко яцара цуьнан, ша «тѐехьийзачу кIантана» барт баккха аьлча. Амма иза йоI сийсазаяккха гѐртара, массарна а хьалха цуьнга жимачу стагана барт а баккхийтина.

Эццахь кьена Хьусенил Мухьамад юкъавуйлира:

– Тхан нус хIунда хьийзайо ахь? Цо барт ца баккхахь а, тхуна дика хаьа иза тхайн нус юйла. Шен тѐехьийза кIант тѐамехь чов а йина, Ростовхь лазартнехь вуйла хиьча, цунна тѐаьхьяяхара иза. И шиь цхьаьна шайн эвла цIа догIуш ду. Бакьду, документаш дара, амма уьш хIинца ца карадо, схьахетарехь, Нохч-Келойн чIожахь хи чу эгна уьш. Юха а дахана, лийхира оха уьш, амма ца карийра. Со советан хьехархо ву, ас бакьдерг дуйцу, – элира Хьусенила Мухьамада.

– Хабар ма иййцахьа суна, лараме хьехархо, со хьан дешархо а вац. Со йоIаца кьамел деш ву, хьо кхийтин? – элира эпсаро. Юха Хасбулехьа а вирзина, цавашарца тѐетуьйхира:

– Салти, хьан нускал хьуна барт баккха реза дац, – иза а аьлла, велавелира.

– Цунна эхь ма хета гергарчарна хьалха.

– Цунна эхь хетахь, ахь, тIе а гIой, мара а йоллий, бета тIе масех барт баккха цунна, – саца воллуш вацара гуьржи.

Хасбула, тIулг а хилла, лаьтгара, ша хIун дийр ца хууш. Эпсарна вуно дика хаьара нохчийн а, оьрсийн а меттанаш, ткьа Салихьатна жIайхойн мотт ца хаьара. Цундела и дерриге а цунна дийца аьтто бацара.

Салихьат кхийтира мел халачу хьоле хIоттийна цу оьзда йоцчу хIумано, фашисташца бечу тIамехь дакъалаьцна, цигахь чов а хилла волу и дика стаг, шена мара а йоллий, барт баккха а аьлла. Иза дерригенах а кхийтира, хIунда аьлча эпсаро буьйцург нохчийн мотт бара. Доьналлица а, курра а цунна хьалха а хIоьттина, чIагIдинчу озаца цо элира:

– Со нохчи ю, со йоккхае майрачу нохчийн къоман со йоI хиларх! Сайн дайшкара схьаэцна ас куралла. Сайн къоман доьналлах, цуьнан гIиллакхех, адам дезарх йоккхае со, нохчаша адамаш лору, церан сий лардо, ткьа сий тхуна дахарал а деза ду. Хьуна дIахаалахь, цхьана боьршачу стеган бат сан бетехь хьакхаелла яц, хьуна. Тахана шуна хьалха а хьакхалур яц. Ас иза ловр дац. Сан тIехьийза кIант нохчи ву, иза Даймохк ларбеш, вайн пачхьалкхан луьра мостагIий– фашисташ– бойуш ву. Ткъа шу нохчийн машаре адамаш: бакхий нах, зударий, бераш даьа даьхкина кхуза.

– ДIасацае хьайн бат, халкъан мостагI! – мохь хьаккхира гуьржийчо оьрсийн маттахь.

Цул тIаьхьа къамел оьрсийн маттахь хилира.

– Ахь сан бат сацор яц! – аз айдеш, элира Салихьата. – Хьо ву и халкъийн мостагI, нохчийн а тIехь. Хьо жима волуш дуьйна кIилло хилла ву, хIунда аьлча фашистех кхоьруш, тIаме а ца вахавелла, нах хьийзо, тхан къам хIаллакдан еана хьо кхуза, кIилло!

– Сержант, цу йоьлан бат дIакьовла, ши куьг букьа тIехьа дIадехка цуьнан, уьш массо а, йоI а цхьаьна, штабе дIабига! – оьра дира эпсаро.

Сержант тIеволавелира, чудуьллуш долу урс киснара схьа а даьккхина, иза а лестош, юхайолуш яра Салихьат.

– Иза ю-кх нохчийн бандитка! Иза ю-кх халкъан мостагI! – мохь а хьаккхна, йоIана тапча туьйхира эпсаро.

Некха тIе а куьг лаьцна, лестина, голаш тIе юьйжира Салихьат.

– Сел хаза йоI хIунда йоь ахь, накьост лакхара лейтенант? Эрна туьйхи ахь цунна тапча, – элира йоIах къахетгачу сержанта.

– Бандит хаза хуьлуш вац! И йоI халкъан мостагI ю – ялан бен хьакь яц иза. Нохчий кура къам ду, ций бIаьрхил дораха ду церан, ткьа йожалла эхьал йораха ю. Ялийта иза, кура, шена луьчу кепара, амма сонта а, са ца тохалучу баланехь а ялийта. Цунна тIеваханчунна совгIатна даьндаргь хир ю шуна, – элира гуьржийчо, массарна а кхерам тосуш.

Некъахой Iадийча санна лаьтгара йоIе а хьобжуш, шаш хIун дийр ду ца хууш. Салихьат халла хьалагIаьтира, дIаса а техкаш, кога доьду бер санна, охьа ца йожа гIерташ, эпсарна тIейолаелира иза. Шена тIехь йолчу кетаран чухуларчу кисанара схьаьккхина наган шозза йожийра цо, эпсарна тIе а хьажийна. ЙоI а, эпсар а охьадуьйжира кхин хьала ца гIатта. Иштга сонта валар хилира цу эпсаран, ткьа нохчийн йоI, шен сий а, яхь а, нохчийн дозалла а, гIиллакх а лардеш, доккхачу доьналлица кхелхира.

4

Беллачарга, бахьийча санна, хьобжуш лаьтгара некъахой а, салтий а. Сержанта йоIана тIера бIаьрг ца боккхура. Цуьнан балдаш метгахьхьера, меллаша цхьаь бохура цо. Вехха йоIе хьобжуш а Iийна, цо хезаш элира: «Ма къа ду оццул хаза йолу йоI ер!»

Салташа некъахошкара говраш схьаехира. ТIе герзаш а лаьцна, уьш Буниевляхь йолчу шайн штабе бигира цара. Новкъа дIабоьлхучу хенахь, дерригенна а лакхара лейтенант бехке хилар дIадуьйцур ду аьлла, вовшашца барт бан

кхиира уьш. Кхеран ирсана гуьржийн салтичунна, нохчийн мотт хьовха, ур-аттал оьрсийн маттахь а ши дош вовшахтаса ца хаьара. Сержантана а ца хаьара нохчийн мотт. Цундела шайна ца хуучунна тӀехь тешалла дойла дацара церан. Штабехь лаккхарчу даржашкара эпсарша, хӀора некъахо, ша-ша воккхуш, луьра тӀеӀаткъам беш, левира. Хиллачунна хӀорш бехке бан гӀертара уьш. Ткъа некъахоша, шаьш барт бина хиларе терра, цхьаь дуьйцура. «ГӀора доцуш, тхьогара гӀо оьшуш йолу и йоӀ Басхойн чӀожахь карийра тхуна... Гуьржичо сийсазйора иза а, тхо а. Цо тхан сий а, яхь а йойьуш долу дешнаш бохура. Къаьсттина оцу къоначу йоӀан сий даӀа гӀертара иза. Ткъа йоӀе цо лелош дерг ла ца делира. Гуьржичо дуьххьара туьйхира цунна герз, ткъа йоӀа цул тӀаьхьа цунна туьйхира...»

ШолгӀачу дийнан делкъенга кхаччалц барт хиттира некъахошка. Къоначу йоӀана а, эпсарна-гуьржийчунна а юкъахь хиллачу девнна бехке боцийла а хиьна, хӀорш дӀахийцира. Шаьш штабера ара ма-девлли, яссаеллачу юьртахь белаш а, льямаш а лехна, Салихьат дӀайолла бахара уьш. Якъаеллачу беца тӀехь Гуьллучу йоӀан къоначу дегӀе хьаьвсича, иза наб кхетта йолуш санна хийтира царна. Ирсана, акхарой тӀе ца кхачнера цунна. Еллачун хазачу юьхьа тӀехь елакъажар хаалора, цундела цуьнан Ӏаьржа баккхий бӀаьргаш дӀакъевлина долу негӀарш хӀинцца схьа а делладелла, иза дийна йолуш санна шайга хьожур ю аьлла, хеталора царна.

Салихьатан дакъа лаьтта тесначу вертанна тӀе а диллина, хих буьзначу бӀаьргашца, цунах хетачу къинца цуьнга а хьаьвсина, доӀа дан буьйлабелира некъахой. Исламо ма-хьеххара дакъа лийчо церан аьтто бацара, цундела лаьттаца тема а дина, вертанна юкъа а хьарчийна иза лаьтте кховдийра цара. Иштта дӀайоьллира нохчийн халкъан майра, доьналла долу йоӀ, вай хьалха бийцинчу лекхачу шина тӀулгана уллехь.

Чеберлойн дукъа тӀехь йолчу ярташкахь маьӀ-маьӀПехь охьакхисина Ӏохкура эскархоша байинчу нохчийн берийн, зударийн, баккхийчеран декъий. Мецачу жӀаьлеша а, акхароша а цоьстура уьш, къизачу олхазарша церан бӀаьргаш схьадохура. ЖӀайхойн ярташкара Ансалтера, Рахьатара, Шодродара баккхий нах а, кхиазхой а баьркинера цхьана дийнахь нохчийн декъий дӀадохка. Салташа, цхьана меттеш хӀорш гул а бина, элира, цхьана а нохчийчун дакъа дӀадуллуьйтур дац шаьш, нах цӀерабаьхначу ярташкара дӀакхехьна ялта а, сурсаташ а шайн кара схьадаллалц. «Ерриге а Чеберло тхан куьйга кӀелахь ю. Нагахь кхузарчу ярташкара хӀума цхьаммо схьаэцахь, цунна таӀзар дийр ду, ма-дарра аьлча, тӀеман хенаца долчу законаца – ша волччохь тоьпаш тухур ю», – элира цара.

Цара аьлларг дан дийзира. Дерриге а дӀадирзинчул тӀаьхьа байинарш дӀабохка буьйлабелира луларчу махкара баьркина жӀайхой. Некъахойн а деа дийнахь-бусий совца дийзира цигахь, жӀайхойн ярташкара баьркинчарна декъаза нохчий дӀабухкуш гӀо деш...

Чаккхе

Иза дара 2004-чу шеран май бутт бови. Тхо, масех юьртахо, Нохчийчу вобдуш вара – Чеберлойн лаьмнашка, тхайн стерчий нохчаьшка шайчаьрца кхаба дӀадала. Ткъе итт шо даьлча, ши тӀулг лаьттачу меттиге кхечира тхо.

Къегина дара майн сирла де, чубуза лахбелла боьдуш малх а бара. Лаьмнашкахь хаза аренаш яра, сийначу бецо а, бес-бесарчу зезагаша а кхелина. Ӏаламо шен хазалла ца кхоош дӀаелла нохчийн лаьтта тӀерачу кху меттигна. Хьалха санна, шайн исбаьхьа эшарш лобкхура олхазарша.

Кхузара халла къаьсташ, дахкарахь йолуш санна, гора лаьмнашкарчу ярташкахь дохийначу цӀенойн харцораш. Ельцинан политика бахьанехь итт шарахь Нохчийчохь дӀабаьхьначу тӀамехь йохийнера ткъе итт шо хьалха, иза даьккхина, хазьелла лаьтташ йолу ламаройн ярташ. Цхьанхьа а гуш керла цӀенош дацара. Нохчий цӀерабохучу хенахь дохоза дисина тӀулгийн

шира цѐноши, даъхни чохъ латтош долу тІулгех дина божали лаъттаца дІашардинера бомбанаи еттаи.

Бешерайкакъ кхоълина а, кечийна а нохчийн яртаи цкъа хьалха РомановГеран доъзалан охІланаиша – Россин императорша – йохаяитинера. Цул тІаьхьа СССР-н куьйгалхочо – КПСС-н Генсека Сталина – нохчий, цѐра а баъхна, Юккъерачу Азе а хьовсийна, цѐран яссаелла яртаи юьйхира. Советски Союзан «дика политика» баъханехъ нахана лаъмнаишка юхаберза бакъо елира, амма шайн дай баъхначу лаътта тІехъ баха ца буътуш, шѐрачу аренаишка охъабехира уьш. Даъхни лело а, аха а, ерзо а яккхий аренаиш ю цигахъ бохуш, нах лебира... Ткъа дІадаханчу бІешеран 90-чу шѐраишкахъ президент- маларча волчу Ельцинан «хаза» политика баъханехъ бомбанаиш кІелахъ дерриге беркат хІаллакдира Нохчийчохъ.

Шайн халкъ тІемаиш а, кхиболу бохаиш а баъханехъ хІаллакъхиларна гергадахча, нохчий боха ца бухура, цѐран дегнаиш чІагІлора, уьш майра летара мостагІех, шайн халкъ а, латта а лардеиш. Доъналлица тІеман аренаишкахъ Іожалла тІеоьцура цара, шайл дуккха а сов болчу мостагІех летаиш, царна тІехъ толам боккхуш.

Яртаи дІаевлехъ а, Іаламан хазалла эина яц лаъмнаишкахъ, жим ца елла иза, адаиш ца хиларна кхузахъ дахар а, самукъадалар а дацахъ а.

Тхуна гена йоцуш, стигала лакха хьала а юьйлуш, шен зевне эшар локхура нІаьвлас. Шен тІемийн ницкъ кхочучу лакхалле хьала а йолий, бІаьстенан тайна эшар локхура цу олхазаро, эшарехъ хезаи санна хетара: «Адаиш, Іалам ларделаиш! Адаиш Лаътта тІехъ маишар ларбелаиш!»

Нохчийчохъ тІаьхьарчу хенахъ хиллачу тІемаишкахъ и лекха ши тІулг российски танканаиша бохийра, цѐран аьккаиш маьІ-маьІпехъ дІасакхисина Іохкура, шайна тІехъ гуш дІаьндаргийн лариш а йолуш. Амма, ирсана, цу тІулгийн баххаиш дисина. Бешѐраишкахъ лаъттина долчу оцу тІулгийн баххаиша тІекхуьучу тІаьхьенаишна тешалла дийр ду паргІато езачу нохчийн халкъан турпалаллин исторех лаьцна.

Шодрода-Юрт, 2004 шо.

Нохчийн матте гочдинарг АРСАНУКАЕВ Муса.

Майрбек Лулуев**Любовь – одно**

Любовь – одно. Страдания – другое.
Их совместить с реальностью – беда!..
И вера, что Бог милует! – пустое.
Любовь, как вещь –
ни взять, ни передать!

Любви дурман нас мучает и манит,
Когда в ее мы чувственном плену.
То сердце приголубит она, ранит...
Любовь возносят вечно и кланут!..

Любви родной хотим благословенья.
Она нам – путеводная звезда!..
Ведь только с ней есть счастье,
без сомненья,
И к ней стремимся страстно мы всегда.

Не обессудь, в тебя мы верим свято.
Ты – суть судьбы
и красочность мечты!..
Любовь к любви
свою не стану прятать.
Коль с нею я, то я в раю почти!..

Умны, как прежде

Наш ум всегда бежал вперед,
Затапывая чувства.
И знали мы, что он не врет:
Где нет ума, там – пусто!..

Умны, как прежде, мы почти:
В узде поныне чувства.
Поблекла красочность мечты,
Погасло страсти буйство...

Люблю себя теперь сполна

Люблю себя теперь сполна –
Что страстно я люблю тебя...
Спешит сердечных чувств волна
Изнежить сладостно меня...

Доволен я судьбой теперь,
На радость мне небесный свет.
Где в рай, я знаю, точно дверь...
Шагаю в радужный рассвет!..

Без мук, страданий – счастья нет!
И сердце наше – не гранит.

Готов я мучиться сто лет –
Пусть наше счастье Бог хранит!

Уходит свет

Уходит свет. Жизнь тонет в полумраке.
Еще мгновение, и наступает мгла...
С судьбой своей
не ввязывался в драку,
Надежда в завтра мне не помогла.

Закон небес превыше ожиданий –
Не стоит нам обманываться тут.
«Спаси, Аллах, от адových страданий!» –
Лелею я заветную мечту...

А жизнь не смотрит...

Летим куда-то во Вселенной,
Мечтаем вечность приручить –
И эта сказка неизменна.
Надежда музыкой звучит.

А жизнь не смотрит, как мы дышим:
Она течет, как Бог велел.
И лишь Его приказы слышит
И знает, где ее предел...

Комар

Летит, пищит себе комар –
Ни грамма он не весит.
А нанесет такой удар –
И нету в сердце снесьи!..

Считай, богат...

Пока ты жив – считай, богат.
Весь мир, нам кажется, для нас.
Но завтра – смерть. Пройдут века...
Не повторится жизни сказ...

А мы в пылу – душа горит,
Летим кометой в небесах.
И пусть Всевышний нас хранит –
Мы забываем жизни страх...

Ум разделен напополам...
Живут в нем вместе правда, ложь.
И если сердце там и там –
Уж лучше чувства не тревожь!..

Пусть успокоятся мечты,
И ляжет ложь на дно сомнений –
Увидишь правду жизни ты
Без всяких мысли разночтений!

Исповедь Чингисхана

Полмира пало ниц передо мною...
Мне тот каприз –
 как будто лишь вздохнуть...
Весь мир подмять готовился я к бою,
Но мир ушел, пока успел вздохнуть ...

В молодые года народи ты детей –
Чтобы нянчиться с ними ты мог...
В годы старчества, знай,
 будет все без затей:
Будут няньки тебе и восторг...

Я на качелях чувственных сомнений

Я на качелях чувственных сомнений –
Прекрасна жизнь,
 жестока в тот же час...
То ты в лучистом
 солнечном паренье,
То свет желаний и надежд погас...
А сердце бьется – что к чему, не зная,
Хоть давит жизни непомерный гнет.
Души святое развернулось знамя –
Кто был влюблен,
 лишь тот меня поймет!..

За горизонт уходит счастье

За горизонт уходит счастье:
Луч солнца гаснет золотой.
В мечтах своих, в сердечной страсти,
Наверно, был я, как святой...

Что день умрет, в том нет сомнений.
А завтра стану я другим –
Без сердца светлых откровений,
К судьбе своей – глухим, чужим...

Грядка

Ты каждый день в плену у грядки –
Чтоб огурец был, помидор...
Зачем играть с тобою в прятки,
Скажу открыто: «Это – вздор!»

Вода, полив, прополка, сотка...
Чтоб урожай отменным был.
Заботы в голосе есть нотка,
В душе твоей – рабочий пыл!..

Ах, мое милое сердечко,
Ужель так важно, что растет
На этом грядковом местечке...
Подумай, а душа цветет?!

Не нужно нам для счастья грядки –
Чтоб огурец да помидор...
У счастья ведь свои порядки.
А быт ему – лишь как укор...

Восславим пламенные страсти –
Без них не может жить душа.
Дай Бог нам счастья хоть отчасти –
Чтоб пить ту сладость, не спеша...

Роза Орстхо

Знаковые встречи на дороге моей жизни

Очерк

Примерно с класса второго я уже точно знала, что непременно стану учителем. Это с того момента, когда наша школьная библиотекарь Ида Гавриловна, а не моя первая учительница Ольга Ивановна, которая в силу своей профессии и должностных обязанностей должна была это сделать, научила меня читать.

Обычно ученики, влюбленные в свою первую учительницу, пытаются подражать ей, быть похожими на нее в своих поступках, манерах и даже внешне, я не говорю уж о выборе профессии. В первого учителя, как правило, влюбляются все ученики. А желание стать учителем от большой нелюбви к своему педагогу, как у меня, наверное, встречается не часто.

Ольга Ивановна относилась к нам, голодным, плохо одетым, плохо обутом детям спецпереселенцев, с нескрываемым презрением и брезгливостью, воспринимая нас почему-то как личных врагов. Деревянная указка или линейка то и дело «гуляли» по нашим худеньким пальчикам и стриженным головам за малейшую провинность: забыл дома дневник или учебник, слишком громко хлопнул крышкой парты, садясь или вставая, опрокинул на тетрадь чернильницу (а чернильницы того времени имели «привычку» часто опрокидываться и разливаться, пока не появились чернильницы «непроливайки»)...

Экзекуция сопровождалась эпитетами: тупица безмозглый, дебил, негодяй, неряха. Разумеется, себя я видела учителем очень справедливым, внимательным, безгранично любящим всех детей без исключения, как мать, которая самого безалаберного, самого никчемного, самого непослушного, жалеючи, любит больше других и прощает ему буквально все.

Мое огромное желание стать учителем усилилось, когда в четвертом классе к нам пришла Альбина Яковлевна, которую мы полюбили безгранично. В те годы четырехклассное образование считалось начальным образованием. Она – немка из Поволжья, то есть спецпереселенка, как и мы. Небесно-голубые глаза – добрые-добрые, светло-русые кудрявые волосы – мягкие-мягкие. Говорила она очень тихим красивым голосом, как у актрис в кино. Поначалу, когда Альбина Яковлевна брала в руки линейку или указку, мы невольно по привычке втягивали головы в плечи, как перепуганные черепашки.

Так вот, уже начиная со второго класса, для меня вообще не стоял вопрос – куда пойти учиться. В педагогический – без вариантов. А вот с выбором факультета я так и не определилась. Мне по душе и литература, и история, и биология, и география.

Посоветоваться не с кем. Мама никогда не училась в школе, у отца образование четырехклассное, тоже в этом вопросе не советчик. И никаких родственников с маломальским образованием тоже нет.

Постояв какое-то время в раздумье у кабинета с надписью: «Прием документов», решительно тяну на себя ручку довольно тяжелой двери. Решение принято – пойду на филологический факультет. Тогда, правда, факультет назывался «историко-филологический».

Выкладываю на краешек стола документы: аттестат зрелости, справку с места жительства, медицинскую справку...

На мои документы ложится чья-то рука. От неожиданности я вздрогнула. Тогда запомнила только пронзительные глаза, седые усы, черный костюм, белоснежную рубашку.

– Бехк ма биллахь, хьо вайнеха ма ю?! – то ли вопросительно, то ли утвердительно произнес пожилой человек на чеченском языке, но с каким-то

небольшим акцентом. Позже я сообразила: человек, обратившийся ко мне, ингуш по на-циональности, отсюда небольшой акцент.

Перейдя на русский язык, он спросил: «Очень любишь читать и мечтаешь стать учителем? Пойдем, присядем и поговорим. Меня зовут Дошлуко Мальсагов».

Так я познакомилась в 1959 году, в свой первый же день в ЧИГПИ (Чечено-Ингушский педагогический институт), с ученым, писателем, поэтом, фольклористом, переводчиком, членом Союза писателей СССР, кандидатом филологических наук, прекрасным педагогом Дошлуко Доховичем Мальсаговым.

Говорил он негромким мягким голосом. За несколько минут общения он сумел убедить меня в том, что благодаря именно нам, моему поколению, наша республика, отставшая в культурном, образовательном, духовном развитии от других республик СССР на долгие 13 лет депортации, сможет занять достойное место среди других национальных республик огромной страны во всех сферах человеческой деятельности. Для этого нужно не только хорошо знать русский язык и русскую литературу, но грамотно говорить, читать, писать прежде всего на своем родном языке. На данном этапе становления республики необходимо во всех национальных школах ввести обучение детей родному языку. А для этого нужны грамотные, эрудированные, любящие свою профессию учителя.

Я, девочка из небольшого казахстанского рабочего поселка, до недавнего прошлого росшая в условиях чудовищной несвободы, дискриминации, с ярлыком «спецпереселенец» аж с трехлетнего возраста, была просто ошарашена тем, что этот пожилой, уважаемый человек говорил со мной с большим уважением и на равных.

В итоге – Дошлуко Дохович убедил меня в том, что я должна подать документы на национальное отделение факультета и стать учителем родного языка и литературы, русского языка и литературы, несмотря на то, что тогда я никогда в жизни не видела ни чеченского, ни ингушского алфавита, уж тем более не смогла бы на тот момент прочитать ни единого слова на этих языках.

За всю свою жизнь я ни разу не пожалела о выборе, сделанном мной благодаря Дошлуко Доховичу.

Лекции Дошлуко Доховича, посвященные исследованию памятников народного творчества, особенно нарт-орстхойского эпоса, мы, студенты, слушали с большим вниманием, удивлением и восторгом. Не могли не восхищаться благородством и мудростью народа, заложенные в нем на генном уровне, т.е. самим Богом. Благодаря ему и его исследованию «О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» мы другими глазами посмотрели на этот памятник древнерусской литературы.

Он ненавязчиво учил нас не бездумно запоминать сюжет читаемого, а анализировать, постигать глубину характеров героев, язык произведения.

Так я долго (а долго – это еще со школьной скамьи) не могла понять, почему фактически падшие женщины, на мой взгляд, изменяющие мужьям, предающие собственных детей, Катерина Островского и Анна Каренина Толстого, характеризуются как положительные героини. А все оказывается предельно просто. Воспитанное в семье в соответствии с нормами вайнахской этики, критериями которой являлись честь, достоинство, чистота и нравственный долг перед семьей и обществом, наше молодое поколение никак не воспринимало другие, чуждые ему моральные принципы, отторгало их.

Честно говоря, я не представляла себе, как я, в соответствии с общепринятой трактовкой образов этих героинь как жертвенных, протестных личностей, на уроках литературы в школе буду преподносить это ученикам.

С каждой лекцией по устному народному творчеству Дошлуко Доховича росла наша самооценка, вселяя в нас гордость за наших предков, наш народ. Мое поколение, с 1944 года униженное с самого начала своего жизненного пути ярлыком «враг народа», начисто должно было лишиться присущих нашему народу качеств: честь, достоинство, благородство, гордость, мужество, свободолюбие, и ощущать мы себя должны были, как минимум, людьми второго сорта.

Если человека долго обзывать дебилом или наделять его другими уничижительными кличками, в конечном итоге в его психике происходят изменения и он со временем начинает воспринимать себя человеком неполноценным.

Что касается нас, то расчет был на то, что изменения произойдут в психологии всего народа. Не случилось!

Вы когда-нибудь наблюдали за тем, как птицы, не уставая, заботливо «ставят на крыло» своих птенцов? Так наши педагоги-вайнахи на своих лекциях, в беседах на практических занятиях, в перерывах между лекциями помогали нам стать достойными наследниками своих предков, ведущих многовековую борьбу за свою свободу.

Профессор кафедры родного языка и литературы ЧИГУ (Чечено-Ингушского государственного университета) Мальсагов Дошлуко Дохович прожил очень недолгую жизнь, но успел сделать много как ученый, как педагог, как человек.

Когда Дошлуко Доховича не стало, ингушский писатель Идрис Базоркин сказал очень точные, очень справедливые, идущие от сердца слова в его адрес: «Сегодня мы хороним не Дошлуко, мы хороним мудрость ингушского народа».

В расписании лекций и практических занятий по русскому языку в нашей группе «Б» стояла еще одна фамилия – Мальсагова Л.Д.

Когда в аудиторию вошла стройная, темноглазая, темноволосая молодая девушка, одетая почти так же, как и мы, в белоснежную кофточку и темную юбку, поначалу даже не верилось, что это наш педагог. Она выглядела почти нашей ровесницей. Лидия Дошлуковна была нашим куратором. А между тем, закончив филфак Фрунзенского педагогического института, до самого возвращения на родину она проработала ассистентом кафедры русского языка в том же институте.

Говорила она мягким спокойным голосом. Никогда, ни при каких обстоятельствах не повышая его, как и ее отец Дошлуко Дохович. По-моему, уважительное отношение к окружающим, интеллигентность – их фамильная черта.

«Куратор» в переводе с латинского означает «опекун», «попечитель». Лидия Дошлуковна, несмотря на возраст (некоторые ребята группы действительно были ее ровесниками), помогала не только в решении бытовых проблем, например, получения места в общежитии или в вопросах стипендии, но и в адаптации студентов (т.е. нас) в вузовском социуме. Это была одна из главных задач ее воспитательной работы. Она знала о каждом из нас все, вплоть до сердечных привязанностей. Очень теплая, братско-сестринская атмосфера в коллективе – это тоже ее заслуга.

В нас, ее бывших студентах ЧИГПИ набора 1959 года, оставшихся в живых после двух страшных войн и послевоенных лишений и которым уже далеко за 70, по-прежнему жива юношеская влюбленность в своего педагога-куратора Лидию Дошлуковну. А она по-прежнему готова прийти на помощь любому из нас даже сейчас.

В ноябре 1964 года в моей семье произошла трагедия – погиб отец. Семья – нас пятеро детей и мать – остались практически без средств к существованию. Единственным кормильцем семьи был отец. В семье двое студентов (я и старший из братьев), двое школьников, сестра-инвалид и плюс еще не достроенный дом.

В декабре – зимняя сессия. Первый экзамен – русский язык. Лидия Дошлуковна мягко вытянула из моих рук билет и, не глядя, перевернув его, потянулась за зачетной книжкой. Что-то написав в ней, закрыла. Она видела мое психологическое состояние, поняла, что в данный момент для меня не важно, какую оценку я получу, сдам или не сдам сессию. Главное – для меня рухнул весь мир. Она говорила со мной минут десять. Узнала: средств к существованию в семье практически нет. Мать из-за сестры-инвалида, прикованной к постели, не может пойти на работу. Старшая в семье я. Именно мне нужна работа.

Мои поиски работы (педагог с незаконченным высшим образованием) ни к чему не приводили. Буквально несколько лет назад прошел античеченский бунт русского населения Грозного с плакатами, листовками, яростными выступлениями зачинщиков с горячими призывами: незамедлительно ликвидировать ЧИАССР,

восстановить Грозненскую область и депортировать всех чеченцев и ингушей назад в Казахстан.

Бунт, возникший на почве бытовой ссоры чеченской и русской молодежи, в котором погиб молодой русский парень, вылился в серьезные политические требования населения, заселившего город Грозный с 1944 года после депортации вайнахов в Казахстан и Среднюю Азию. Это к тому, что даже в семидесятые годы еще чувствовались античеченские настроения в республике.

Это были времена махрового шовинизма. Ни в одном из четырех отделов народного образования (РайОНО) и тем более ГорОНО меня никто с распростертыми объятиями, разумеется, не ждал. Мало того, ни в одной из почти шести десятков школ города Грозного для меня работы не было тоже. Вообще никакой.

Заведующая ГорОНО жестко, даже не глядя на меня, порекомендовала не тратить времени зря и не отрывать людей от серьезной работы, ехать в село, где катастрофически не хватает учителей.

Аргументы, что родилась в Грозном, что живу в Грозном, в семье, которая осталась без кормильца, в которой двое несовершеннолетних братьев и сестра-инвалид, а мать пенсионерка, никакого воздействия не имели. Не было для меня работы также ни в одном из четырех Домов пионеров и тем более в Республиканском дворце пионеров, что располагался в самом центре города Грозного.

Роза Орстхо и Лидия Дошлуковна Мальсагова с внучкой.

Не было ее для меня и на «Станции юных техников», «Станции юных туристов» и «Станции юных натуралистов» – все это учреждения Министерства просвещения. Был ли мне смысл идти с прошением в Министерство просвещения республики, где в штате министерства было всего два человека из числа вайнахов – сам министр и один из его замов?

Это было похоже на жесточайший прессинг по выдавливанию из Грозного, по крайней мере из центральной ее части, вайнахов, которым, несмотря на все запреты, гласные и негласные, всеми правдами и неправдами удалось вернуться в город, в котором они до депортации проживали.

Вплоть до 80-х годов только в 4-х школах города директорами были вайнахи. В центральные школы под разными предлогами вайнахских детей даже учиться не брали, не говоря уж о том, что о работе в них можно было и не мечтать.

Лидия Дошлуковна написала мне на листочке адрес, куда мне следовало обратиться и где мне непременно помогут.

Школа №57 находилась позади железнодорожной больницы, что на улице Окружной. Конец нашей улицы Буровой упирался в лесополосу, которая вплотную примыкала к кирпичному забору воинской части. Вот недалеко от нее и находилась школа 57. Школу построили в 1961 году. Это была фактически

западная окраина города. Вокруг школы много частных домов. И в 70-х годах чеченцы, до депортации проживавшие в поселке Черноречье, Алды, не имея возможности вернуться в собственные дома, занятые русскоязычным населением, селились недалеко от поселка, по ту и эту сторону улицы Окружной. Школа здесь нужна была крайне. Ближайшие школы №23 и №39 находились за несколько километров от Окружной.

Очень робко, если не сказать со страхом, я переступила порог школы. Прямо у порога черно-белыми плитками выложена дата постройки школы «1961 г.». Совсем новое здание.

Зимние каникулы. Школа пуста. Иду на стук пишущей машинки. Это, должно быть, секретарь, значит, там же и директор школы. У меня нет никакой уверенности в успехе своего дела. Поясню. Пройдя все ОНО (отделы народного образования), много школ и внешкольных организаций, я уяснила одно, что молодая девушка в платочке – это не тот контингент, который нужен в советской школе.

В советские времена нас, чеченских и ингушских девушек и женщин, называли «горянками». А посему: «Добро пожаловать в горы, в аулы!»

«Якуб Дошлукович где-то наверху с завхозом. Жди», – взгляд секретарши куда-то мимо меня и обращение на «ты» никак не добавили мне оптимизма. Но, тем не менее, терпеливо жду. Просто у меня нет выбора.

Где-то минут через 20-30 дверь распахнулась и стремительно вошел высокий плотный человек, не останавливаясь, положив руку мне на плечо, подвел к двери своего кабинета. При этом он заканчивал какую-то фразу своего разговора с кем-то находящимся в коридоре. Повернул голову к секретарше, уже открывая дверь своего кабинета, успел дать и ей какие-то указания. Впечатление – этот человек привык делать несколько дел одновременно.

Только потом он поздоровался со мной, пригласил сесть. Я до сих пор теряюсь в догадках, как он узнал тогда, кто я такая. А я никогда так и не спросила его об этом. Жаль. Никаких договоренностей ни о дне, ни о времени встречи у нас не было.

Разговор был кратким: «До конца учебного года будешь воспитателем в группе продленного дня. Пиши заявление. С нового учебного года возьмешь первый класс и доведешь его до десятого. Согласна? Документы секретарю. Все!»

Надо ли говорить, что это был сын Дошлуко Деховича. Якуб отличался от отца и сестры своим темпераментом и громкоголосостью. При этом он был человеком очень тактичным, отзывчивым. Работоспособность этого человека была фантастической. Мы приходили на работу – он уже там вместе с завхозом, мы уходили из школы – он еще там. Он там жил, он этим жил.

Завхоз школы Геберт Халидович Ошаев – худощаво-подтянутый, темноволосый, чернобровый, с орлиным носом – типичный сын гор. Геберт – полная противоположность Якубу – спокойный, довольно медлительный, тихий. Стремительность в деле – это не про него. Оказалось, Геберт – сын знаменитого отца – известного чеченского писателя Халида Ошаева.

Зычный голос Якуба Дошлуковича можно было услышать на всех этажах школы. Только что он беседовал с группой старшеклассников на втором этаже. Через несколько минут он уже на первом этаже ведет за руку заблудившегося первоклашку, разыскивая с ним его класс. А бедолага даже буквы класса не помнит, не говоря уж об имени учителя. И родители непременно хотели решать все возникающие проблемы, особенно в начале учебного года, только с директором.

Школа огромная. Только первых классов пять. Соответственно, педагогический коллектив немаленький. К моему удивлению, в школе уже работало трое чеченцев: преподаватель иностранного языка Элла Хамидовна Чимаева, преподаватель физики Джалалди Юнусович Мачигов и учитель начальных классов Зоя Махмудовна Наурбиева.

Мой первый «Б» класс размещался в самом конце коридора. Просторная классная комната, огромные окна, новенькие парты, матово-черная доска, на широких подоконниках цветы в глиняных горшочках, принесенные родителями, и букеты цветов на учительском столе в стеклянных банках вместо ваз. Сказать, что

я волновалась – значит ничего не сказать о моем эмоционально-психологическом состоянии. Сердце буквально выскакивало из груди.

После торжественной линейки, кратких поздравительных речей завуча, делегата от старшекласников, представителя родительского комитета и первого звонка, под марш школьного баяниста колонны первоклассников во главе с учителями направились в свои классы. Все было хорошо, все было просто прекрасно.

Мир для меня начал рушиться на второй день – второго сентября. По списку в моем классе 38 учеников. Да-да, вот такая была тогда наполняемость классов. Некоторые школы занимались тогда в три смены. Не хватало посадочных мест. Строить новые школы правительство не торопилось, несмотря на внушительный приток населения после восстановления республики.

На второй день я недосчиталась пяти учеников. Со второго урока родители увели еще четырех. Причем, бесцеремонно войдя в класс, взяв свое чадо за руку, молча выводили из класса. Только одна из родительниц, опустив глаза, поставила меня в известность о том, что завуч Нина Григорьевна разрешила ей перевести Юру в другой класс к Марии Георгиевне. В итоге, в моем классе осталось меньше половины учеников. И это были, в основном, дети из чеченских и ингушских семей.

Я растерялась. Нет, это было для меня шоком. Это была унижительная демонстрация недоверия ко мне как к педагогу, как к человеку. Я не помню, как я закончила занятия и потом, стоя у окна, в опустевшем классе вытирала слезы, которые наворачивались на глаза помимо моей воли. Не знаю, сколько это длилось. Было желание кинуться вон из школы и больше никогда не возвращаться.

Очнулась я от прикосновения к плечу чьей-то руки. Увидев Якуба Дошлуковича, я разрыдалась в голос. ...

На другой день в начале первого урока раздался стук в дверь, вошел директор с темноглазым худеньким мальчиком.

– Извините, Роза Баудиновна, за опоздание. Вот вам ученик. – Якуб Дошлукович всегда говорил кратко, четко, ясно.

Мальчика звали Магомед. Это был племянник Якуба, сын нашего педагога и куратора Лидии Дошлуковны и внук Дошлуко Доховича Мальсагова.

Надо ли говорить, что уже на третий день все ученики из классного списка вернулись в мой класс.

Так Якуб Дошлукович без лишних слов, без всякого давления и диктата своим поступком, доверив мне, молодому, начинающему, неопытному педагогу, к тому же представителю коренной национальности, своего племянника, поддержал мой авторитет.

Прошли годы. Жизнь сложилась таким образом, что я переехала в другой город и довести свой I «б» до десятого класса (тогда среднее образование было десятиклассным) так и не смогла. Но родители того моего первого класса, встречая меня на улицах родного города, еще и еще раз просили у меня прощение за свой неблагоприятный поступок, совершенный ими много лет назад, мягко говоря, по «рекомендации» одного из завучей школы.

Благодаря Якубу Дошлуковичу вся моя последующая трудовая деятельность была связана с начальной национальной школой. Именно с его легкой руки с первых лет работы в школе, где почти половину класса составляли чеченские дети, плохо владеющие или совсем не владеющие русским языком (сказывалось компактное проживание вайнахских семей и отсутствие русского речевого окружения), я разрабатывала свою методику обучения таких детей русской разговорной речи с опорой на родной язык. Это и стало в дальнейшем темой моих научных исследований.

В силу своей молодости, отсутствия жизненного опыта я не знала тогда, что на нашем жизненном пути встречаются именно те, кто может помочь тебе справиться с жизненными проблемами, подтолкнуть к жизненной стезе, начертанной тебе Аллахом, по которой предстояло пройти в жизни.

Самое удивительное: именно такими людьми для меня стали члены одной семьи, причем в совершенно разных жизненных ситуациях.

Ахмет Джамилев**Ты меня не узнала**

Ты меня и не узнала...
А моею ведь была –
Тенью мимо пробежала,
Словно не было меня.

И глаза, что согревали
Неземною теплотой,
В знойный день,
как дождь слепой,
Взгляд на мне не задержали...

В сердце болью отозвался
Быстрый цокот каблукочков –
Да лишь в памяти остался
Аромат твоих духов...

Метеоритный дождь

Тьму небесную прожигая,
Поглотив даже лунный свет,
Небо стало выплескивать пламя –
Словно бы на земле его нет.

Словно бросили с неба факел,
Полыхающий звездный смерч –
Наподобие мусорной свалки
Чтобы грешный наш мир поджечь.

Только труд небесный напрасен,
Его звездные жертвы тоже –
Коли мир этот столь прекрасный
Человек может сам уничтожить.

Это томное ночи дыханье,
Блики в заводи – как отблески свеч.
Ну никак не в силах понять я –
Разве можно таким пренебречь?!

Осень

Вот и день короче ночи,
Улетели журавли,
Солнце греет, но не очень...
Сбились в стаи воробьи.

Не поют в саду синицы,
Частый дождик моросит –
Как в тоске затихли птицы.
Лишь сорока протрещит...

Под деревьями опавших
Листьев ворох шевелит
Ветер. На пути отставший,
В небе аист голосит...

Зачем

Десятки раз я был расстрелян,
В Хайбахе заживо сожжен,
В Сибири, в кандалах, замучен...
Десятки – пытками казнен.

В пустыни Азии был сослан,
От голода там умирал,
Но, как всегда, на зов Отчизны
Я вновь, как прежде, восставал.

Когда прекрасный мир не тесен,
Где место нам под солнцем – всем,
Ты, человек, как все, не вечен –
Но алчен и жесток – зачем?

Другу

Услышишь вдруг когда-нибудь –
Что умер, нет в живых меня...
Не верь – так мой не скажет друг!
Я это знаю – никогда.

Да, и мои года пройдут...
Не без следов уйду и я...
И если их прочтут, поймут –
Я буду с вами жить, друзья.

Ты не сочти за труд свой путь
К моей могиле иногда.
Согрей рукой прохладный чурт –
И душу – словом... как всегда.

Ахмадов Муса**Нохчийн гиллакх-оьздангалла***Чаккхе. Юьхь еша №№ 3-4 – 11-12 (2016), 1,3 (2017).***VIII-гIа дакъа****Зама а, оьздангаллех болу кхетам хийцабалар а**

(Советан Iедал тIедеъначул тIаьхьа)

Советан Iедал тIедеъча дIаболабелира нохчийн синкхетамна уггаре а хала мур. Оьздангаллин, дерриге дахаран а бух Дела цхьаь хиларх тешар дихкина, хIинццалц сийлахь хилларг сийсаздеш, харцонах бакьо еш, сица лай болчу нахах мехкан дай беш, «хIумма а йоцчух хIума еш», кхо стаг тIаьхьа хIоттал хьекъал дерг а хIаллаквеш, тIедеъначу Iедалан лоллехь долчу кьоман оьздангалла меттахь йиса йиш а яцара.

Нохчийн кьоман синьоьздангалла («культура») бохучу кхетаман шуьйрачу маьIнехь) оцу Iедало хIаллакъяран масех мур билгалбаккха тарло. Хьалхара мур советан Iедал тоьллачул тIаьхьа, иза дикка чIагIдаллалц йолу хан; шолгIа мур ткье итталгIа шераш а, цIерадахар а; цхоалгIа мур хийрачу махкахь яккхина а, цул тIаьхьара а хан.

Россехь Октябрьски карчам а хилла, граждански тIеман алу марсайолучу хенахь, Нохчийчохь бу аьлла хьекъал долу нах, цхьана ойланца, цхьана сацамца боцуш, бекъабелира. Иштта и ца хила йиш а яцара. Нохчийн гиллакх-оьздангаллин буха тIехь лаьттина пачхьалкхалла а, цуьнан урхаллин коьрта билгало Мехкан кхиэл а Шемалан заманахь дуьйна йоьхна яра. Ткьа дукхахдолчу халкьо кьобалдеш я Iедал, я хаьржина нах боцу халкь даьржина хуьлу. И даьржина хилар, дукха хьолахь, шен вуон тIаьхье йолуш а хуьлу халкъан кхолламна. Бакьду, нагахь и бахъанехь халчу киртигехь мелла а кIезиг зенаш хуьлуш кIелхьарадала аьтто беш а нисло.

Иштта нисделира Кавказан тIом чекхбаьллачул тIаьхьа ламанан кьаьмнаш Турце кхелхаш а. Шайн олалла дечу элаша олучуьнга ладобгIна долу чергазийн цхьадолу кьаьмнаш (шапсугаш, убыхаш, кхидерш), массо а аьлча санна, дIакхелхира, уьш дуккха а хIаллак а хилира, цхьадерш доьза а дайра. Шех, шен доьзалх жоп луш, кхин шел лакхахь ома дан стаг воцу нохчо бIаьрзе тIаьхьа ца хIоьттира хийрачу махка кхойкхучарна.

Цундела вайн кьомах жима дакъа бен цIера а ца делира. Иза исторически бакьдерг ду. Амма, дукха хьолахь, замано «ха хорцуш» (М. Дикаев) кьоман цхьа лаам, цхьа хетарг цахиларо, хала киртигаш дуккха а лан дезийтина вайнехан. Иштта, советан Iедал тIедогоуш а хилла Нохчийчохь хетарийн, лаамийн тайп-тайпаналла.

Цхьаалла ца хилла нохчийн Iеламнахана а, устазашна а юккъехь а. Нагахь Шеларчу СухIайп-Моллас а, ГойтIарчу ИбрахIим-Хьаьжас а советан Iедал тIеэца баьхнехь, Хошкалдарчу Юсуп-Хьаьжас, кхечу эвлаяша дуьхьало йина цунна. Цхьаболчарна теша лиьна большевикаша бечу кхайкхамех, шайгара дIаяьккхина маршо а, латта а духалур ду цара аьлча. Вукхарна гуш хилла церан шалхалла а, эхьдацар а.

Мухха делахь а, историн рогIерчу карчаран чкьургаш, вайн халкъана юккъехула, цийн лар а юьтуш, чекхъевлла. Муьлххачу а заманащкахь хуьлучу даккхийчу тасадаларшкахь, юьстах латта ца хууш я ца лууш, вай хIоразза а царна юккъехь нисло, ткьа цунах вай санна долчу жимчу кьомана даккхий зенаш бен, кхин пайда а ца хилла хIинццалц схьа. Иштта хилира нохчаша, Деникинна дуьхьал бевлла, тIемаш беш а, дийнна ярташ хIаллак а хуьлуш,

леташ. Оцу тлемашкахь нохчаша гайтира лаккхара оздангаллин билгалонаш: доьналла, майралла, вовшашна орцахдовла кийча а, хьешашна тешаме а хилар. И тлемаш длабирзинчул тлаьхьа советан тедало цхьана юкъяна кхочушдира шашь кхайкхийнарш: нохчашна духадерзийра цхьадолу латтанаш, керла юкъялийначу судашца цхьаьна болх бан йитира шарлан а, тадатан а кхиэлаш, ишколашца нийсса хьубжарш а... Амма хан хене яларца оцу тедало, ша чагделла даьлча, кьизаллица, тешнабехкаца а хлаллакбира устазаш, теламнах, озда нах. Хеттахь гуттаренна а сацийра Алдарчу Ушурмас длаболийна, цул тлаьхьа кхечу вайн устазаша нохчийн тиллакхаш бусалба динан чулацамца дузуш длаьхош хилла берката белхаш.

Керлачу тедалан коьрта тетовжам бара, лаятта тлехь кьахьегна а, шена, шен доьзална дан дола а доцу, хлуманна охла а боцу, халкьо лоруш а боцу нах. Цара, цлехьхана тедале а нисбелла, шайн мел хилла вас, дегабаам, цатам эххира, нахана тле харц цлараш кхуллуш, уьш лобцуйтуш, хлаллакбойтуш. Шен устазех, теламнахах даьккхина нохчийн халкь оздангаллин хехой боцуш дисира.

И халкь бохамах лардаран декхар шайна телата тарлора керла кхоллалучу интеллигенцис яздархоша, тилманчаша, тайп-тайпанчу даьшошкарчу говзанчаша, кхечара. Амма церан а и дан аьтто ца хилла. Хлунда аьлча, изза ун царах а кхетта хилла вовшашна тле харц цлараш кхоллар. И баьханехь дукхахболу синьоздангаллин декьан белхахой я тоьпаш тоьхна хлаллакбира, я чубоьхкина Сибреха хьовсийра.

Дукхахдолчу халкьяна гора, мел доккха зулам дохьу, тедалан даржашкахь бу бохуш, нахана тле харц цлараш кхуллуш, уьш хлаллакбечу наха. Амма царна бертахь дуьхьало ца еш, «сан коча ца богуш, кхечеран коча

тлаьхьара уьш» бохуш, ша-ша юьстах лаятташ, зулам даржийтира вайнаха. И тадоран хьал наг-нагахь нислуш ду вайн кьоман исторехь. Уггаре а халчу киртигехь, кхечу махкарчу мостагца болчу тламехь шайгара доьналла а, турпалалла а гайтина адамаш, машаречу дахарехь, меллаша, шершшина керта йогу текхарг санна, шайн хлораннан а чудогучу зуламна дуьхьал ца бовлуш, тадобой тла. Кхузахь билгальяккха еза вайн кьоман амалан цхьа ша-тайпа башхалла.

Юкьера хлума тле ца оьцуш, шиннах цхьана йисттехь бен тен ца хууш болчух тера бу вайнах. Я тедал эццане тле ца эцар, я массо хлуманна тлехь а муьтлаьхалла; я турпалалла, я бенцахетар; я клайн, я таяржа... И иштта ца хилча, муха кхетар ву, хьерадевлла жлаьлеш санна, шайна луьург вуьйш, шайна луьург чуволлуьйтуш, шайна луьург, тле харц цле а кхуллий, бехвеш, вайн махкахула хьийзина Делан а, нехан а наьлалт хилларш совцо стаг воцуш, шашь цамгаро лаццалц я оьцу тедало хлаллакбаллац лелла хиларх?

Айдамиров Абузара иштта дуьйцу шен «Вайн амалш...» цле йолчу публицистикин произведенехь. Нажин-Юьртан районехь хилла боху НКВД-н цхьа хьаькам. Муьлхха а стаг кхойкхий, схьа а валавой, теса тле батт а лоцуьйтий, бетак хлума егташ хилла, елахь а, яцахь а, топ схьая бохуш. Иштта «кхетош-кхиоран» болх бинчул тлаьхьа, топ а яхьаш вухаван длавохуйтуш хилла. Цунна тлаьхьаваьллачу НКВД-хь болх бечу хехочо, «кьинхетам» а бой, хьехар деш хилла, шен ю хьуна хьобга схьаян боху топ, ахь оьцул мах белча ша юккур ю хьуна олий. Вукхо шен цлера тлаьхьхьара егт длабухкий а, ахча а гулдой, и топ схьаоьцуш хилла, шен «батт дурйинчарна» дла а елла, клелхьаравала. Иштта шен мах беш, вехха тийра боху и хьаькам, шен сий дахарал а деза хетачу цхьана мискачу стага эххар а ша веллалц... Цунах терраниг хилла Органан члужехь йолчу цхьана юьртахь а.

Хазакхета миска нах бойуш лелачу НКВД-н цхьана хьаькамо новкьахь цхьа пекьар вийна, тапча а тоьхна. Тлаккха шена дуьхьал кхеттачу оцу вийначун кланте (НКВД-н могларерчу белхалочуьнга) аьлла: «Ас хьан да боху жлаьла дийна хьуна, иза оцу новкьара дладаккхалахь». Кхин цуьнца девне ца волуш, шен хьаькамо бохург кхочушдан вахна боху клант...

Гуш ма-хиллара, нохчийн гиллакх-обздангаллин гурара бевлла нах, доза доцуш эвхъаза бовлуш, доза доцуш осал бовлуш, доза доцуш зуламе бовлуш хилла.

Иштта гурара ваьлларг сацорехь мелла а гюрасиз хилла гиллакх-обздангаллин буха тлехь лаьтта юкьараллин длахоттам. Дуккхаьчу нахана зулам долург, дуккхаьчу нахана бале ваьлларг сацоран чарх Иаламат гийла болх беш хилла вайн къоман.

Хюрамма а и декхар кхечо кхочушдаре сатуьйсус, вовшашна тлетоьттуш, зулам кларгдалиитар бахьанехь хуттуш хилла къомана юкьахь и ладоран хьал.

Билгалдаккха деза, гиллакх-обздангаллин гурара а бевлла, харцонан, зуламан лай хила кийчча нах нохчашна юккьехь дика бовлуш хилла истори керчаш хюьттинчу халчу киртиган хьолехь. Цундела къоман обздангаллин хехой хлаллакбеш, советан ледал члаглуьчу заманахь къелла ца хилла динна, нохчийн ладаташна дуьхьал кыйсам латочу нахана. Нохчех болчара а кхоьллира «Делазхойн юкьараллаш» («Общества безбожников»). Делан цле йоккхучу метта парти хьехош нах а хилла. Масала, цхьана эвлахь нахана тле харц цлераш кхуллуш арабевллачу харцонан хьадалчаша, шаьш хьоршам тоьхча я шайн ког галбаьлча, «ВКП(б)», олуш хилла. Шаьш, обздангаллин бехкамийн массо а керташ йохийна, «маьрша ду» бохург хилла иза. Иштта хьал хилла цхьана агюр. Вукху агюр керла йохкуш ишколаш, ликбезаш, ликпункташ хилла, нахана йоза-дешар ламош. Нохчийн дахаре керла гиллакхаш а, матта юккье керла дешнаш а доглуш хилла. Цунна масална «Денисолта» цле йолчу дийцар тлера цхьа кийсиг ялор вай.

«Варш-юьртахь хуьлуш цхьа тамашийна хлумнаш дара. Юьртахойн маттана юкьадоггура дуккха а дешнаш. Масех шо хьалха кху юьртара дла а вахна, хуьнхяхь Ийнарг кхетар а вацара шайн юьртахоша дуьйцучух. Иза цхьана юкьана ладор вара, тлаккха цуьнан «Со ваьлла теша хьера я хюрш бевлла теша? Оццул нах хьер а муха бовлу? Сой?» боху ойла хир яра. Тлаккха «ла-а-а» аьлла, мохь а болуш, ма-кхуьбу сиха ша схьавеьначу хуьнхя юяхаьодур вара... Со эцца куржоке репетици яханчуьра йоггура... Со а ю-кха избачтални йоьдуш. Избач чохь варий теша? И хьан чуьрниг ТОЗ-е длаязвеллий? Хлаь. Селхана сельспилкомера депутат а веьна, цо аьлча, длаязвелир-кха. Тхо долчохь а вара сийсара буьйса йоккхуш пинагент. И галпеш йолу хеча ерг варий иза. Стомара налоговой агент веьнера тхоьга, апраци чекхьяккха еза бохура цо. Калош яра цуьнан кога юьйхина... Хьажахь, хьуна хезний Бадуллин клантах Бахлех селькор хилла бохуш? Сийсара цо Ирзерчу Шамшакьех лаьцна газет тлехь язйина «Юраваккха ямартхо!» боху пилитон йийшира кху чуьрчо. Цуьнан ваша а ву боху комсомол... Хилча хлун дара иза, нехан берш НКВД-хь а бу. Оцу тайпана къамелаш дара юьртан массо а маьлехь хезаш. Юьртара нах кхаа декье бекьябеллера: кулакаш, середнякаш, беднякаш...» (Десачу цла чохь буьйса. Грозный, 1983).

Хокху кийсигехь а го вайна оцу заманан адамийн хьежамийн коьрта билгалонаш, церан синкхетам хлетгахьехь хийцабалар. Цкъа делахь, ледало юкьадало керла гуллакхаш (ишколаш, ликбезаш, и. д. к. х. а) а, цуьнца доьзна керла дешнаш а тлеэцар; ледалан органашка балха баха тлера хилар а, цунах уьш баккхийбер а. Шолгла делахь, оцу ледалан балха бахнарш шайна юккьеьра «мостагий» билгалбохуш къахьобгуш хилар а, иза иштта хила дезаш санна гонахарчу наха тлеэцар а («Юраваккха ямартхо!») Кхоалгла делахь, нохчийн къам кхаа декье декьар а, цо и декьадалар тлеэцар а («кулакаш, середнякаш, беднякаш»). Оцу дерригено а гойту, мел доккха зен дина хилла нохчийн къоман синкхетамна советан ледало, ша члагиделла иттех шо а далале.

Вайн обздангаллин хехой устазаш, леламнах ледало хлаллакбина, чубоьхкина къайлабаьчча, халкъан доладар цхьана юкьана тледужу дуьненан Гилма дешначу нахана интеллигенцина. Амма и «доладар» а дукха дах ца делира: йоккхачу къизаллица ледало хлаллакбира илманчаш, яздархой, культуран белхахой.

Иштта, гонаха хуьлучух кхеташ, дуьненан бохамех ша лардан хьекъал долу нах хІаллакбина, тІехь Іу воцу бажа санна, дисира нохчийн халкъ. Оцу хьолехь долу иза, Іаьнан ткьоршечу дийнахь, вагонаш тІе хаййна, цІера а даьккхира.

Вайн халкъ махках даккхаран бахьанаш дуьйцуш, вевзаш воцчу хьекъалчас кхоьल्लीна цхьа башха назма ю. 174 байт йолу и назма вайнаха, куьйга схьа а язъеш, вовшашка кар-кара а луш, яржош а, йоьшуш а лелош яра хийрачу махкахь. Цунна бухахь яздина дара, иза кхечуьнга дІа а ца луш, шегахь къайлаяккхар къа ду аьлла. Хетарехь, и йоьшуш, дуккхаьчу хаттаршна жопаш карош хиллачух тера ду вайнахана. ХІинца вайн а таро ю цуьнан чулацам мелла а бовза:

Хьо паччахьийн паччахь ма ву,
 Езткъе ткъаессана хьан цІе ма ю,
 Хьалхара цІе АллахІ ма ю,
 Хьо Дела ву, тхо хьан леш ду.
 Тхан дедайша ДегІастанехь
 Мелчу цІийца гІазот доккхуш,
 Дийнал-ислам чІогІа лардеш,
 Хьо хеставеш мохк бекира.
 Царна беркат ахь делира,
 Хьайн ниІматан неІарш йоьллуш...
 Дуьзна бераш тІекхира,
 Кураллица хьо вицвира.
 И дашо малх нажжаз боккхуш,
 Зина, зулам алсамдоккхуш,
 Моттбетгарца вовшийн дууш,
 МостагІашца шайн цІий бехдеш.
 Харц тешо тоьшалла дира,
 Бакъдерг оха диц ма дира...
 ОьгІазалла ахь тІеелхийра,
 Тхешан махках тхо дехира...

Назманчас вайн къомана тІекхаьчначу бохаман бехк «арахь» ца лoьху, цунна иза «чохь», вайн къомехь го, вайнахана юккъехь. Делан тІедахкарш, бехкамаш бицбина, гІиллакх-oьздангаллин гурара девлла адамаш алсамдовларехь го.

Кхузахь билгалдаккха деза: назманчас дуьйцург политически бахьана дац. Иза-м кІорггера ойланаш ца йича а гуш ду: нохчашна а, ткъа иштта Кавказан кхечу халкъашна а Сталинан Іедало гайтина къызалла хІара латта царах дІацІандаран Іалашонца яра.

Амма халкъан назманча оцу бахьанех тоам бой ца Іа, иза кхин а гена кхевда – oьздангаллин, динан философин кІоргенашка. Цигахь карадо цунна оцу боккхачу бохаман бакъдолу бахьанаш. Иза нийса догІуш а ду Къуръанца: «Нагахь хьуна тІе диканиг кхаьчнехь, иза АллахІера ду; нагахь вуониг тІекхаьчнехь – иза хьoьгара хьайггара ду» («Зударий», 79); «Бакъ а долуш, АллахІа цхьана а хІуманна тІехь харцо ца йо адамашна, амма адамаша шайш йо шайна харцо» («Юнус», 44).

Кхе ехккинчохь сискалш юьсуш, Іалашдаза даьхний а, цицигаш а, жІаьлеш а тІаьхьа угІуш, йиллинчохь неІарш юьтуш, нохчийн oьзда доьзалш баьхна хІусамаш мохо а, дарцо а лекха юьсуш, цІерадаьккхина нохчийн халкъ, оцу къематдийнахь а доьхна, даьржина дІа ца дахара. Оцу дийнахь а, ишттачу халчу киртигехь хуьлуш ма-хиллара, къам гулделира шен oьздачу Іеламнахана гонаха. Цара назманашца, иллешца, забаршца, эшаршца, хелхаршца байбора шайна тІебоьжна дуьненнал боккха бала.

ЦІера баьхна нах дІабуьгучу хенахь цхьана зудчо: «Ма доккха хІума ду-кх хІара, ма доккха де ду-кх хІара!» – аьлча, цунна юххе яьлла йогІучу кхечу зудчо аьлла хиллера: «ХІара-м доккха де хьаха дацара, доккха де хьаха дара суна тІе зуда ялийна де»...

«Массарна дерг ловзар ду», олуш ду нохчийн кица. Мел боккха бохам а нахаца цхъаьна лан атта бу бохург ду иза. Мухха делахь а, оцу дийнахь массо а нохчо: хъаькам моґарерниг, Делах тешарг цатешарг, хъекьал дерг доцург, айкх цо мотт бинарг, цхъана тегане хлоттийра, оцу доьхначу дийно «барт» бира нохчийн.

Хийрачу махкахь хIаллак ца хила, белш белшах а тоьхна, мацаллех, шелонах чекхдовла гIерташ, назманца, пондарца, иллица вовшийн дог-ойла оьцуш, бехира нах. Юкьарчу бохамо дуккхаьчу нехан дог-ойла цIанйира, вайнахах хилчхъана, вовшашна йижарий, вежарий хилла дIахиттира уьш. ХIетахьлера нохчийн хьал дуьйцу назманчас:

Нохчийн, гIалгIайн и гIийла кьам,
 ХIаллакьхилла долуш лаьтта,
 Дохкодевлла, тхо хьоб кхойкху,
 Ахь гечдехьа, везан Дела.
 И ДегIаста ахь юха лахь,
 Тхан даймохк ахь бIаьрга гайтахь,
 Оха дош ло, везан Дела,
 Хьо виц ца веш, хьуна даха.
 ХьогIах, гамох дегнаш цIандеш,
 Тхаш санна, тхайн накьост везаш,
 Даим маттахь хьо хьехавеш,
 Оха дош ло хьуна даха.
 Тхан кьинош сов алсамдевлла,
 Хьогьга деха йиш йоцуш ду,
 Тхоб ца хьобжуш, Хьайга хьажий,
 Кьинхетам бе, везан Дела.
 Тхаш лелийна хьарам дериш,
 Дохкодовлуш, кхин ца лело
 Оха Хьобца тоба ма до,
 Кьобал делахь, везан Дела.
 Тхан ДегIаста Ахь схьяллалц,
 Iаьржа лелош, таьIна лелаш,
 Синкьерамах, цу ловзарах
 Тхо ларлур ду, везан Дела.

Бакь а долуш, Дела воцург, орцахвала стаг воцуш дисча, кьоман хьекьале нах, шайн бохаман бахьанаш карийна ца Iаш, цунах кIелхьарадовла некьаш леха хIуьтту. Ткьа некь цхъаь бен бац Далла Iамал яр, хастам бар, цо хьехначу новкьа довлар. Иза вайнаха дийриг хилар дуьйцу кхидIа а назманчас:

Деши цIандеш, цIе чIагIьеш ю,
 Хьайн леш зен, Ахь Iедал чIагIдо.
 Хьан лаам тхан дегнаш чохь бу,
 Дан ца дезарг тхуна дуьйцуш.
 Хьанал болх беш, рицкьа лохуш,
 ЦIена закат тIера доккхуш,
 Духарх, даарх совдолуш дерг
 Хьан дуьхьа даьа тхо гIертар ду.
 Лазорх, дайарх тхо кхоьрур дац,
 Хьан кхиэл йоцуш хIума хир дац,
 Идарх, велхарх, хIилла лелорх,
 Ахь яздинчух вала йиш яц,
 Цкьа валар ду тIехтир доцуш,
 Хьуна дуьхьал тхо хIуьттур ду.
 Малх даима лаьтта хьежча,
 Массо хIума йогур яра,

Дарц долуйтуш, доҕа доуйтуш,
Хийцамашца дахар ло ахь.
Шен сил дукха везашехья,
Етташ, шен кӀант дас Ӏамаво,
Шен воцчунна пӀелг ца тухуш...
Тхо Ӏамадеш, хьайн леш делахь.

ХӀокху назманехь, Деле дехарал сов, Дала и баланаш нохчий зиэн
Тебиссийтина хиларх а, Дала шен кӀинхетам бийриг хиларх а болу тешам а бу.
И тешам нохчашлахь Ӏаламат чӀоҕа хилла, кхин гонаха гуш бахьанаш а доцуш.

Бакхийчара дуйцу, вай ярташкара арадаьчча, ґалара духадуйгур ду
бохуш; вагонаш тӀе а ховшийна, дӀадуйгуш, цӀерпошта кхечу новкья йоккхуш
юхатеттича, хӀинца духадерзийна бохуш; дӀакхьячча, дӀаде аьлла схьаделла
ялта дӀа ца дуйш, вай цӀа дуйгур долуш ду, ялта кхиӀалц дуйгур дац бохуш (и
бахьанехь мацалла кхин а чӀоҕа хӀоьттина цигахь); вокзалехь цӀерпошто цӀоҕа
мосазза туху, вай цӀа дига еьна иза бохуш, цига уьдуш; дуйхьял кхеттачуьнга
хотту салам-маршалла: «Вай цӀа дохуйту ца боху?» – дешнашца долош, оццул
чӀоҕа хилла нохчийн шаьш Даймахка духадоьрзург хиларх тешам.

Иза ша тайпа тешам, ша тайпа амал ю вайн кьоман: бӀаьргашна гуш долу
хьелаш тидаме а ца оьбуш, шайна хила луучух тешар. Ткья иза кхочушхилийта,
дуйненан хьелаш хийца, бахьанаш лелор Ӏаламат кӀезиг а хилла вайнехан, я
уьш лелон, бакьдерг дийцича, аьтто а ца хилла. Партис тхан халкьяна тӀехь
лелийнарг нийса дац, тхо Ӏедална муьтӀахь а ду, иза доккхуш оха тӀемаш а бина
боху кехат яздан ваьхьнарг тӀепаза войучу заманахь, шен чохь Деле доӀанаш
дар, Далла Ӏибадат дар а хилла стаге далун дерг. Цундела шаьш Даймахка
духадоьрзур хиларх болу нохчийн тешам, дуйхьяра бӀаьрг тоьхча ма-гарра
боданехь царна гуш, уьш дог диллина лаьтта ца оьгуйтуш, уьш дахаран
новкьяхь латтош, царна некь хьоьхуш, гуттар а йогура цхья серло Делах тешар.

Махках даьккхинчу, шен орамаш хедийна, хийрачу лаьтгахь, мехаша,
дарцаша локкхучу паначу арахь охьякхобссинчу кьоман, чим хилла даржа
ца даржа, лелон диснарг дин а, дайн оьзда ґиллакхаш а хилла. Дин лелор
хӀораннан а шен-шен хӀусаме дирзина хилла, бакьду, мовладна я зияртана
вовшийн чохь сих-сиха гуллуш а хилла нах. Дин лелор нохчашлахь иштта
дисаран бахьанех цхьяь – уьш массо а тӀерекьатан новкьяхь, шайн лаьцна
цхьяцца устаз а волуш, дагабовлуш, хьехам оьцуш оцу устазийн тӀаьхьенех
нах, я царан векалш а, Ӏеламнах а, дика нах а болуш хилар дара.

Цуьнца цхьяьна нохчийн махке болу безам шел ца болуйтуш, царан дог-
ойла йоьхна дӀа ца йохуйтуш, халкьян синкхетамна ґюртор хилла лаьттира
нохчийн кьоман иллеш, эшарш, вайн яздархоша кхольлина тайп-тайпана
произведенеш а. Иштта, Ӏилманчас Джамалханов Зайндис дуйцура, суьйранна
чугулбеллачу нахана ша Бадуев СаӀида язйина «Бешто» повесть дагахь ешарх
а, цунах нехан ойла екьяларх а лаьцна. Оцу заманахь доккха маьӀна лелийра
вайнехан илланчаша, пондарчаша, яздархоша: Сулейманов Бауддис, Димаев
ґумара, Сулейманов Ахьмада... ХӀетахь вайнахе шен «Даймехкан косташ» цӀе
йолчу стихотвореница вистхилира поэт Мамакаев Мохьмад:

Хьяша-да, оьздангал лаьттинчу хӀусмашкахь
Яхь йолуш кхиьначу шен дикчу кӀенташка, –
Бехачохь, дуйцучохь, боккхучу когаца
Сийлахьчу Даймехкан сий айде боху цо.
Де доьхна, Ӏаьржачу халона хьовзийнчохь,
Мацалло бӀарздина, ґелонна кӀелдуйсчохь,
Бохамна, харцонна юьхьдуйхьял хӀиттинчохь
Собарах, стогаллех ма доха боху цо.

Оцу халчу заманахь керл-керла илланчаш, пондарчаш гучубевлира
нохчашлахь. Амма илли алар а, цуьнга ладоґар а маьрша дацара.

Тхов тѣра котаман бен бохий ахь,
 Цу тѣе боьду берийн некъ бохий ахь,
 Сталин, тхан дахар дохий ахь,
 Ва Дала вилла хьо яьшки чу.

И байт лекхна аьлла, цхьа нохчийн йоI, пхийтта шо хан тоьхна, Сибреха хьажийнера. Иштта хан тоьхнера Сулейманов Бауддис илли олучу хенахь вилхинчу стагана а.

Гуш ма-хиллара, нохчийн гИллакх-оьздангаллина доккха зер хилла цѣрадахар. Дукхахдолу къам цѣран бехкамаш ларбеш, шайн сий я дахар къасто дезча а, хьалхарниг дезахуо хеташ, шена ца юуш а, уллорчунна дIалуш, цхьамма дIатесна къена стаг а чувалавой, цуьнан доладеш даьхна. Ткъа и тайпа хIумнаш а кIезиг ца хилла дас шен зудий-бераш дIатуьйсусш, я даккхий хиллачу бераша шайн да-нана арадоккхуш.

Цѣрадахар а, мацалла а хIораннан бакъдолу «со-ас» гучудоккхуш, хIораннан оьздангаллин сурт-сибат къагош киртиг яра. Оцу киртигах, охьа а ца таьIаш, корта айббина чекхбовла гIерташ, дуккха а оьзда нах хIаллак а хилира. Цаьрца цхьаьна гуттаренна а дIадайра нохчийн цхьадолу гИллакхаш а. Баккхийчеран таро ца хилира шайн берашка, берийн берашка уьш дIадала, хIунда аьлча, цѣран коьрта ницкъ уьш мацаллина хIаллак ца хилията гIерташ дIабахара. Ткъа вукчеран а аьтто бацара дайшкара оьздангалла схьаэца, шаьш а оццу мацаллах ца дала гIерташ, арахь ялтийн буьртигаш лехьош, я кхечу кѣпара рицкъа лобхуш лелла дела. Иштта гIельѣлира нохчийн къоман чкъурашна юккъера оьздангаллин зIе.

Мецачу заманахь, шайн дахар дегIакхачица кIелхьарадаккха бен, кхин синкхачин ойла ян йиш йоцуш кхиьна бераш, и мацалла дIаяьлча а, ойла меца лаьтгаш, дахаран коьрта Iалашо дуьненан рицкъа Iалашдар йолуш, гИллакх-оьздангалла бохург шолгIачу я кхоалгIачу моглIаре теттина дѣха адамаш а хилла хьалакхира.

Лаьмнаш юккъехь дIакъовладелла, меттан а, гИллакхийн а ширалла, дуьххьарлера сурт Iалашдеш баьхна нохчий, хийрачу махкахь хийрачу гИллакхийн, амалийн мехашна ян дуьхьало йоцуш бисира. Бакъдерг дийцича, мацалла а ца хIуттуш диснехь, оцу мехаша бен тIелаткъам иштта чIогIа а хир бацара. Ткъа стаг валарний-висарний зила тIе хIоьттича, цунна синкхетам коьрта ца хуьлу, коьрта дуьненан рицкъа хуьлу.

Иштта хIоьттинчу хьоло, Iедало, кхечу къаьмнийн Iер-дахаро, культууро бечу тIелаткъамо дуккхаьчу вайнехан дог-ойла а, дахарх болу хьѣжамаш а хийцира. Нохчийн цхьадолчу гИллакхашка, цѣран кIорггерчу маьIнех ца кхеташ, дукха атта хьийса а бевлира. Нагахь къоман философехь хIинцалц коьрта синкхетам хиллехь, хIинца и хетарг, гIарадаьккхина дуьйцуш доцуш, жим-жимма хийцадала доладелира. Иза дара къомана хилла уггаре а доккха зен. Цуьнца доьзна хийрачу махкахь нохчийн оьздангаллехь хиллачу хийцамех цхьаберш: Цхьаболчу наха Далла Iибадат дар гIелделира, иза иштта хила дезаш санна тIейцира къоман дукхахдолчу декъо; алсамбевлира ламаз ца деш берш, марха ца кхобурш («со дагчохь бусалба ву»); хIетахь юкьадаьллагхуш тера ду «кхо марха кхаьбча а тоьар ду» боху харц хетарг.

Нохчийн къоман дуккха а гИллакхаш лелор гIелделира, я уьш моттаргIане дирзира.

Эвхьаза евлира нохчийн кхечу къаьмнийн зударшца йолу юкьаметтигаш; алсамбевлира уьш балийнарш а, царна тIебахнарш а.

Эвхьаза елира вайнехан маларца йолу юкьаметтиг; нагахь цѣрадохучу хенахь юьртахь, мел дукха хилча а, шиь-кхоь стаг бен маларх кхеташ я томка узуш хуьлуш ца хиллехь (и сакхташ шеца дерг а дукха къайлах лелаа а хилла), ткъа хийрачу махкахь кхиьначу кегийчу нахана юккъехь дукха бацара малар ца молуш; пул сов, иза хIора диканехь хила дезаш санна ойла а чIагIѣлира дуккхаьчу нехан кхетамехь.

Хийцамаш хилира нохчийн духаршкахь а, Йер-дахаран кепехь а, Гишлош ярехь а.

Мелла а шелбелира къоман цхьадолчу декъан (къаьсттина хийрачу махкахь бералла а, жималла а дIаяхначу кегийчу нехан) дай баьхначу лаьтте болу безам; царах цхьаберш, бакъо елча а, ца ца боьрзуш, цигахь бисира; вуьйш йоккxачу Россехула деша, белхаш бан, «дуьне даа» дIасабаьржира.

Вайнахах цхьа дакъа, дуьненан доккxалла а, къаьмнийн дукxалла а, дахаран марзонийн бес-бесаралла а гича, шайн хьежамца цхьана йистера кxечу йисте лестира: нохчийн дахаран-Йеран кеп а, мотт а, Гиллакx-оьздангалла а кхин доккxа хIума а ца хилла, хIокху лаьтта тIехь долчаьрга хьаьжча. И ойла хIетахьлерчу Iедало кхидIа йолчу заманахь а нохчийн нахехь кхиош яра, берийн бошмашкахь дуьйна, валарчу верззалц стагана тайп-тайпана тIеIаткъамаш а беш. Гелъелира нохчийн чкъурашна юкъара оьздангаллин зIе.

Кхойтта шарахь Даймахке сатийсинчул тIаьхьа цIехьа бирзира вайнах.

Гуьйренаш, шу оха йити,
 Суьйренаш, шу оха йити,
 Оха йити сийна Сибрех,
 Кхин ца лела чIагIо йина.
 Терзанца оьзна бен рицкъа доцчу,
 Эзар волчух бIе ца вогIучу,
 Ва дийца каш доцчу
 Цу сенчу Сибрех,
 Дайх-нанойх къаьсттина,
 ДегIастане сатуьйсус,
 ЖамIате сатуьйсус
 Молланаш боьлхус,
 Вешеха яьлла йиша йоьлхус,
 Тхан рицкъа яздина хилла-кха
 Цу сенчу Сибрех.
 Йо-рабби, ша байлахь
 Бисина доьзалаш богIу,
 Йо-рабби, вешеха яьлла де доьхна
 Хийла йиша йогIу,
 Екxалохьа, нана-ДегIастана,
 Елалой, хьасталой дуьхьал ялахьа
 Хьайн уммат догIус.

Амма ДегIаста иштта екxаелла дуьхьал ца елира шен берашна. Уьш тишъеллачу, яраша хьулийнчу ярташа, кегдинчу чарташа, акxадевллачу шовданаша тIеийцира. Эвлайин, Iеламнехан марзо евзинчу баккхийчу наха лобхура хьалхалера дахар, иза юхаметтахIотто а гIертара уьш шайн оьздачу юкъаметтигашца. Амма цунах гIуллакx хила йиш яцара. Хилла дахар гуттаренна а даьгна дIадаьллера, цунах йиснарг цхьа овкъарш бен хIумма а яцара.

Дахар а, нехан кxетам а хийцалуш, шалхалле боьрзуш бара. Цхьана агIор, Iедало тIетоьттуш, цхьаболчу нохчаша тIе а эцна, ша тайпанчу «оьздангаллин», Йер-дахаран кеп яра. Вукху агIор, даима лелийна, дукxахдолчу къомана охьатаса ца лууш шарIан а, Iадатийн а Йер-дахаран кеп яра.

Масала, цхьана нахана юккъехь дов хиллехь, вер-вакxар а хуьлуш, куьг-бехкениг советан Iедало чувоьллича а, дов дIа ца доьрзура, чIирхочо шен чIир ца эцча, я царна юккъехь шарIо я Iадато ма-бохху маслаIат ца дича. Цу тIе нохчочо ша вала а волуш шех хьакxалуш долу дов Iедале ца кховдадора, ша къасто гIуртура. Iедале далар мелла а изхье лоруш хIума дара. Иштта шина оьздангаллин бакъйолчу къоман а, Iедало тIетелочу а системехь даха дезаш долчу къомана Iаламат хала дара (карахь алу латто санна), бусалба дин а, дайн оьзда Гиллакxаш а охьа ца тосуш, даха. ХIетте а и хало ловш, Нохчийчохь

бакъдинан, оздангаллин серло ца ходуйтуш, вайн эвлаяшца деша а, цаьргара марзо эца а аьтто хилла Йеламнах, клезиг белыхь а, бехара вайн махкахь. Цара вайн усташкара схьайогу бакъ Йилманан серлонан зле ца ходуйтуш, беркате къа а хыйгира.

Иштта, махках даьхначуьра Цадирзинчул тлаьхьа деьначу пхийтта шарахь Хошкалдарчу Юсуп-Хьаьжас дарс хьехна волчу Варандарчу Йеламстагаца Изновраца бусалба динан лакхара Йилма доьшуш чекхвелира шовзткъех стаг.

Шайн рогехь цара а беркате къахыйгира, шайна Йеминарг тлекхуьчу чкъурах болчу нахана хьохуш, къона Йеламнах кхиош...

Хийрачу махкара Цадирзинчул тлаьхьа, кхин бакхийчу бохамаша ца хьовзош, юучу сискалан ойла ян аьтто болуш, машаре еьначу заманыхь нохчийн гЙиллакх-оздангалла йицъяран, хЙаллакхиларан гЙуллакх кхидла а дахара. Иза кхин а сихдира боьрша нах, шайн доьзалш цаьхь а буьтий, кхечу мехкашка балха эхаро. Цигара цара дохьура хийра гЙиллакхаш, эвхьазабийларш, синах а, деглах а кхетта цамгарш. И бахьанехь дуккхачу доьзалшкахь барт ийгира, вуйш буьхира.

Кхузткъе итгалга шераш юкъадовлучу хенахь нохчийн къоман дукхадолчу декъо хийцира Йер-дахаран, гЙиллакх-оздангаллин кеп. Иза къеггина гуш дара духарехь (коьрта дацахь а, стеган дог-ойланийн дуьненан куьзга ду духар). Оцу заманыхь, хЙетталц кортали тЙера юткъачу асина тлекхачалц, жимлуш схьадеьна, нохчийн мехкарийн коьртару йовлакх кхоччуш дЙаделира. Иза, мел жима елахь а, вайн эвлаяшкара марзо, хьекьал эцначу бакхийчу нехан чкъор дЙадала герга дахаран а, ткъа тлаьхьа хьалакхийна, бералла мецачу ханна нисъеллачу бакхийчу наха шайн доьзалшца беш болу кхетош-кхиоран болх кхачам боллуш цахиларан а билгало яра.

Амма Йедалан харцонна тлехь хЙоттийна кхетош-кхиоран белхан жамлаш дойура нохчийн цхьаболчу яздархойн, Йилманчийн белхаша. Къаьсттина нохчийн къоман синкхетамна боккха тЙеаткъам бира Айдамиров Абузара язйинчу «Еха буьйсанах» цле йолчу романо. Цо къоначу тлаьхьенна гайтира нохчийн къоман турпалаллин истори хилар а, оьрсийн Йедал кхуза дале нохчий, оьзда адамаш санна, акхаралле ца оьгуш, баьхна хилар а. Амма и тайпа произведенеш нагахь бен ара ца йовлура. Араяьлча а, и язйинарг а, арахецнарг а, самалхадала ца вуьтуш, хыйза а вора.

Гуш ма-хиллара, иштта гЙельеллачу оздангаллица а, шалха бирзинчу синкхетамца а тЙедаьхкира вайн адамаш советан Йедал духучу заманна. Оцу Йедалан бехкамаш дла а бевлла, нах шайн леларшна, гЙуллакхашна, гЙиллакхашна маьршабевлча, гучуделира вайн къоман оздангаллех кхетта цамгар дикка генаьялла хилар.

Нохчийн хЙума дерриге а дихкинчу хенахь вайн къомехь ду аьлла хеттарг а, долуш дерг а тайп-тайпана хиллера. Хьалха нохчийн амалехь, оздангаллехь ца хилла, тлаьххьарчу заманыхь гучудевлла вуон гЙиллакхаш: Адамаш тобанашка гуллуш, хЙораннан а шен-шен хетарг доцуш, цхьамма аьллачунна шайн цхьана аьттонна (дуьненан хЙума бахьанехь) тлаьхьаЙитта кийча хилар.

Хууш ма-хиллара, нохчийн гЙиллакх-оздангаллехь дац тобанан стаг кхиор, ша кЙант, стаг, къонах кхиор ду. Адам йоккхачу юкъараллин чорхан цхьа винт ю баьхначу советски идеологис бина тЙеаткъам бу иза.

Политикин хьежамаш бахьанехь шина тобано вовшашна герзаш тохар (цкъа а нохчийн исторехь хилла доцург). Уьш цара вовшашна тоьхна ца лаш, нохчийн оздангаллина, гЙиллакхашна тоьхна а дара.

Дош эвхьазадалар, цуьнца цхьаьна зулам эвхьазадалар.

– Шайн политикин Йалашонашка кхачархьама, халкъ тЙеман цЙерга кхосса а, адамиин цЙий Йано а кийча тобанаш юкъайовлар;

Дуккха а нахана маршо шайна луьург лело аьтто хилар хетар. Ткъа оздангаллин бехкарийн гурахь йоцу маршо зулам ду.

Царахазмана, сайкаллина, моттаргЙина гЙуллакхаш а, гЙиллакхаш а лелор.

Хьаналчу кьинхьегамах херлуш, хьарамчу я атта кара кхочучу рицкъане марзбалар.

И дерриге кхеташ а ду. Имам Мансуран заманахь дуьйна ша-шен кхоллам билгалбаккха аьтто боцуш схьадеьна кьам, марша ма делли, нис а делла, шен бакъйолчу озьдангаллин хорша а хЮьттина, дIадаха йиш яц. Бехкакийн гураш дIадевлча, уггар хьалха гучуюьйлу кьайлах хилла цамгарш. Амма вайн кьам царна дарбанаш дан а ца кхиира, кьиза тIом коча а беьна.

Оцу халчу киртигийн хьолехь нохчийн кьомо юха а гайтира шен гИллакх-озьдангаллин уггаре а лекха билгалонаш: маьрша даха шен йолу бакъо ларъеш, хIуьу зенаш лан кийча хилар, турпалалла, кьонахалла, собар. Хийла дика кIентий, мехкарий Делан эхарте дIабахара шайл бЮьзза сов болчу ницкъашна дуьхьал хИттина, лазийнарш а, миска нах а кIелхьара бохуш, шаьш минаш тIехь лелха а лелхаш, накъосташна некъ боккхуш, кхин а, кхин а даккхий хьуьнарш гойтуш (Дала декьалбойла уьш!). Оцу тIамехь халкьо кхин цкъа а гайтира, муьлхха а буьрса зер тIехЮьттича, и лан а, сийлаллица цунах чекхдала а ша син ницкъ болуш хилар.

Хьалхара тIом чекхбаьллачул тIаьхьа, машаре дахар дIахЮьтторехь, мехкан маьданийн дола дарехь яккхий халонаш хIуьтту кьомана хьалха. Махкахь яьржира тайп-тайпана тIеранаш, шайн рицкъа нехан я халкъан юкьара долчух (мехкадаьтта) лачкьийнарг долуш, талораш, зуламаш деш. Уггаре а изьхе дерг нохчашна юккьехь даьржира адамаш идор а, уьш мехах докхар а. Iесачу кьаьмнашна юккьехь бен хила йиш йоцу и зулам, вайн махкахь шуьйра даржаран коьрта бахьана вайна юккьехь боккьал а бусалба боцу нах алсам хилар (маттаца бу цара бахахь а, шайн синкхетамца Iеса бу уьш) ду. Цул сов, вайнаха дицдина оцу новкьа хИттинчеран озьдангаллин мах хадор, вайн дайша ма кхайккхора царна наьIалт кхайкхор, кIарлагIаш хИттор, ворхIе да вуьйцуш, уьш нахала бахар.

ШолгIа тIом болабеллачул тIаьхьа кхин а йоккха, кхин а хала киртиг тIехЮьтттира вайн кьомана. Дуккха а вайнах, тIеман кхерамах кьаьккина, цIера бевлла, луларчу мехкашкахь четаршкахь а, даьхнийн керташкахь а, божлашкахь а, нехан хIусамашкахь а хан токхуш Iийра. Дуккха а нах Европан, Азин пачхьалкхашка дIа а бахара.

Нохчийчоь, хьан берийн аьзнаш
Хезаш ду массо а маьлехь.
Халкъ хилча, цу санна, даьржаш,
ХIун ду те дахарехь маьIне?
Мохк «марша» боккхуш нохчех,
ГИллакхех, озьдачу кертех.
Стиглара даш доьлхуш доцце
Балаза биснарш дIагIерта.
Уьш боьлху герга я гена:
ГIалгIайчу, Европе, Шема,
Ца гинарг ворхIе а дена,
Го царна, бевлча шаьш цIера.
Доккха ду хIара дуьне маьлхан:
ХIорда тIе, дехьа а хIордал.
Мохк буьтуш, хьо цIера ваьлলেখь,
Кьахьло и, са холча хIоттош.

Тахана вайн кьомана, кьаьсттина цIера арабевлла лелачарна, тIехЮьтттина ненан мотт, гИллакх-озьдангалла гутгаренна а йицьяларан кхерам. И ца хилийта орцахвала декхар ву ша нохчийн кьомах мел лору стаг.

Доккха зен до нохчийн гИллакх-озьдангаллина телевиденехула, я вуьшта видеокассетащца гойтучу изьх-бехкан цхьа а доза доцчу суьрташа, тайп-тайпанчу газеташа, журналаша. Оцу осалчу «культуро» бен тIелаткъам денна а алсамболуш хилар го, вайн кегийрхойн духаршка, юкьаметтигашка хьаьжча.

Кхузара хьал цхьана бехкамашца, ницкъаца хийцалур дац. Ницкъаца кхечу духаре (куьце) верзийтина стаг шен дагца хьалхалерраниг хир ву. Сурт цхьаь а

долуш, оила кхин а йолуш, синкхетаман шалхоне воьрзур ву иза юха а (шалхо йолчу стагах «мунафикъ» олу Іаьрбийн маттахъ).

Дала шен сийлахьчу Къурьан чохъ боху: «Ницкъ бар дац динехъ» («Аль-Бакъара», 256).

Цундела, ницкъ хьалха ца боккхуш, мунафикъаш алсамбахарх ларлуш, нахана юккъехъ бусалба дин а, нохчийн оьзда гИллакхаш а довзуьйтуш, хаддаза кхетаман болх бан беза, тайп-тайпанчу гИрсех книгех, газетех, телевиденех, радиох пайда а оьцуш. Бер жима долуш дуьйна хЮтто деза ийманан, гИллакх-оьздангаллин хорша. Цунна хьажа оьзда, нийса дуьне довзаран чулацам болуш муьлтфильмаш, видеофильмаш, передачаш, Іамон а, ладогла а стухаш, эшарш, еша книгаш а хила еза, шайн исбаьхьаллин агІо лакхара а йолуш.

Нагахъ нохчийн Іеламнаха, хьехархоша, яздархоша – синкхетаман декъехъ болх бечу массо а наха, Іедалехъара ахчанца лоцуш ондда гІо а долуш, къа ца хьегахъ, тахана боккха кхерам бу нохчийн къомо шен гИллакх-оьздангаллин коьрта хьежамаш хийцаран а, цуьнан керла оьздангаллин къилбанаш мухха а, хІуьа дина а, дегІакхачанан токхоне кхачар, синкхача дІа а тоттуш, стеган беш болу лерам цуьнан хьал-бахаме, герзе, ницкъе хьаьжжина а беш кхолладаларан а. Нагахъ и хилахъ, шен синкхетамца хІинццалц сьха хилларг доцуш, кхин къам хир ду нохчий. И ца хилийта юкъ йихкина къахьега деза массо а нохчочо.

Ишттачу кьинхьегаман беркате тІаьхье хирг хилар гойтуш масал а ду вайн дахарехъ. Иза тІом балале ахдеса лаьттина маьждигаш хьаладузар, бусалба дин дезаш а, Іамош а, лелаш а болу кегий нах алсамбовлар ду.

Гуш ма-хиллара, нохчийн къоман оьздангалла шен бехачу исторически новкъахъ тайп-тайпанчу хиламашка хьаьжжина хийцаелла, цьхьадолу гИллакхаш дІадевлла, кхидерш кхолладелла.

Халчу киртигийн хьолехъ (тІемаш болуш, махках даьхча) халкъан уггаре а лакхарчу оьздангаллин билгалонаш гучуйовлуш хилла, и бахъанехъ хІаллак ца хуьлуш а, даржа ца даьржаш а дисина къам.

Оцу халчу киртигех довлуш, цьхьадолу дика гИллакхаш гуттаренна а дІадевлла вайна юкъара, хийцамаш хилла нохчийн Іер-дахарехъ а, адамиин юкъаметтигашкахъ а, духарехъ а.

ХІетте а шен оьздангаллин коьрта чулацам, цуьнан коьрта къилбанаш лардан аьтто баьлла нохчийн къоман хІинццалц сьха.

Дерзор

Дуьнен чуьра муьлхха а къам, хІора стаг а санна, Дала шена даха меттиг билгал а йина, шена мотт а, ша-тайпа гИллакхаш а, духар а, Іер-дахаран кеп а елла ду. Къаьмнех лаьцна иштта аьлла Къурьан чохъ: «ХІай адамаш! Боккъал а Оха шу кхобллина стаг а, зуда а, оха шух къаьмнашший, тайпанашший дина, шу вовшашна довзийта. Шух Далла гергахъ сийлахьниг Делах кхьоруш верг ву» («Хьужурат», 13).

Къаьмнаш хиларна кхитайпа маьІнаш дала гІертар Дала аьлларг къобал ца дар санна ду. Оцу аято вайна хьобху: дац дуьненчохъ массарал а лакха хІоттийна къам; дерриш а къаьмнаш цьхьатера ду шайн Далла хьалха долчу декхаршца. Амма хІора а къоман (хІора а стеган а санна) аьтту-м бу Дела резаваран новкъа а хІобттина къахьега, оцу тІехъ кхечарал совдала хьажа.

Хила йиш а яц цьхана а къоман, Далла гІуллакх а деш, синцІеналлин лакхене гІертарал сов, кхитайпа Іалашо («идея»); кхин Іалашо ю боху «хьекъалан дай» а, царна тІаьхьаІитта кийча долу къаьмнаш а харц новкъа девлла. И тайпа масалш долуш а ду: цьха къам ду ша массарал а лакха ду, кхин къаьмнаш шена муьтІахъ хила деза бохуш, шайтІано хьекъалх тилийна, и бахъанехъ Дала оьгІазалла йина; тІаккха кхин къам гІеттира, ша ду лакхара, шен сьхьадалар цІена ду массарал а бохуш, и бахъанехъ даккхий зуламаш а, боккха тІом а хилира дуьненчохъ...

«Шу вовшийн довзийта, тайп-тайпана кхобллина Ша...» – бохучу аятан шолгІачу декъо чулоцу дуккха а хІума: иза къоман психологи, синкхетам,

мтт, гИллакхаш, доцца аьлча, и къам кхечарах схьакъастош дерг, цуьнан шатайпаналла ю. И шатайпаналла Дала къаьмнашна делла совгIат а ду, иза яйа гIертгар (масала, Дала шена белла мотт бицбар) Далла дезаш гIуллакх а дац. Массо къам Дала шена еллачу шатайпаналлехь дуса деса.

Къоман уггаре йоккха билгало а, Дала цунна делла уггаре даккхийчарах совгIат а цуьнан мотт бу. Тахана нохчийн мотт бахъанехь, иза биц ца беш вайн дайша кху дийне схьабар бахъанехь, вайн йиш ю иза талларца вешан къоман генара истори йовза. ХIунда аьлча, муьлхха а мотт и лелочу къоман дахаран маьIна дан а, иза тида а аьтту беш долу хьаьркаш ду. Тахана оцу «хьаьркийн» къайленаш йостуш, вайн Илманчийн ала йиш ю: нохчийн къам лаьтта тIера дуьххьарлера цивилизацеш кхолларехь дакъалоцуш хилла. Нохчийн меттан цхьа башхалла ю: хIора аз а маьIне ду вайн маттахь, аьлча а, хIора аз а, дош санна, шен маьIна долуш ду. Масала: а (доцца) – цамгар ю, гайтаран цIерметдош а ду (диалектхь); д – цхьа хIума дан (хандош) а, «ду» бохург а ду; г – диттан «меже», хIума ган бохург а ду; ж – уьстагIий; и – гайтаран цIерметдош; тI – хьайбанан хьалхара ког; у – дечигах яьккхина коьчал, йолуш йолу цамгар а ю (диалектхь); иштта дIа кхин а.

Доцца аьлча, массо а аз шен цхьа маьIна долуш ду, царна тIе кхин цхьацца аз кхетча, царах керла маьIнаш, керла дешнаш кхоллало. Гуш ма-хиллара, нохчийн мотт доцачу дешнех лаьтгаш бу. Цундела Илманчийн аьтту бу кхечу матерчу дешнийн нохчийн маттаца маьIна дан.

Масала, оьрсийн матерча «церковь» боху дош, вайн цхьаболчу Илманчаша дийцарехь, «цIеран ков» бохург ду (цхьана хенахь адамаша цIарна гIуллакх дечу хенахь – кхолладелла дош); «солнце» – кхаа дашах кхолладелла: «са + лу + цIе» («свет дарящий огонь»), иштта дIа кхин а. И тайпа маьIна дан тарло дешнаш дуккхачу меттанашкахь (царна юккьехь дуьнен чохь даьржинарш а ду – ингалсан, французийн, Iаьрбийн...) карадо. И бахъанехь цхьаболчу меттан Илма дезархоша вайн маттах дIадевлла кхидолу меттанаш бохуш, цуьнца цхьаьна вайн къам «Дала къастийна» ду, Адам-пайхамара бийцинарг а, Нухь-пайхамара (Делан салам хуьлда царна) бийцинарг а нохчийн мотт хилла бохуш, чIагIдарш даладо. И тайпа хетарш нийса дац, иза Илманца гучудаккха йиш йоцу дела, я вайна пайде а дац.

Вайн матто кхечу меттанашкарчу цхьадолчу дешнийн маьIна деш хиларан бахъана, хетарехь, иштта ду: цкъа цхьана хенахь цхьа мотт буьйцуш хиллачух тера ду адамаша, тIаккха оцу цхьана меттан буха тIехь кхолладелла дуккха а меттанаш; царах цхьадерш оцу дуьххьарлерчу маттана гена довлуш, кхиьна, хьал долу литература а, Илма а кхуллуш (масала, ингалсан мотт); ткъа вайн маттахь дуьххьарлерчу матерча дешнаш алсам дисина, хIунда аьлча, лаьмнашна юккьехь къовладелла, гуттар а тIемаш беш, йоза а, литература а кхуллуш мотт кхио аьтту боцуш даьхна дела. Цундела, и гIуллакх бахъанехь вайн маттах массо а мотт дIабаьлла бахар а, я вайн къам кхечарал тIаьхьа дисина бахар а – ший а нийса дац. Нохчийн къомо дуьххьарлерчу матерча дешнаш лардар – иза долуш дерг ду, вайн меттан шатайпаналла ю иза.

Ткъа «Дала къастийна» бохург нийса цахилар гуш ду, вай лакхяхь далийна аят дешча а. Кхуллушехь «Дала къастийна» къам дац, амма Далла Iамал ярца, нисдаларца, Делах кхерар совдаккхарца Дела резаван гIерташ, шен синкхетамца, синцIеналлица лакхадала йиш-м ю хIора а къоман а, хIора а стеган а.

Пайхамарша бийцинарг нохчийн мотт бу бохург а нийса дац. ХIунда аьлча, цу хьокьехь аьлла цхьа а хIума дац Сийлахьчу Къурьан чохь. И ца хилча, пайхамарех, цара лелийначу хетарехь а, шеконе а хIумнаш дийца мегар дац.

ХIокху дуьненахь Далла гIуллакх деш ша къахьегна даьккхинарг ду хIора стеган а, хIора къоман а. Цундела доцург дуьйцуш, эрна хан ца йойуш, Дела резаван гIорта хьажа веза хIора стаг а, хIора къам а. БIаьрнегIар тухучу юкьана чекхдолучу хIокху дуьненахь Iехавелла, гуттаренна а хиндолчу дахарна кечам ца беш, Дала бохург ца деш вехарг хьекьалх тилларг ву, нагахь и къам делахь – иза а иштта ду. Вайн дайшна хууш хиллачух тера ду хIокху дуьненан мах; хIокху

тIаьхьало йоцчу дуьненчохь, цкъа а шашь лийр боцуш санна, гIишлош еш (масала, Мисаран паччахьаша ПирIунаша йина пирамидаш...), нехан латтанаш схьалеца гIерташ, дуьненан хIума гулдеш къа ца хьегна цара. Цара къахьегна шайн юкъаметтигаш нисъеш, вовшашна юккъера марзонаш алсамйохуш, оздангаллица, комаьршаллица вовшел тола гIерташ, адаман сий-ларам беш, цхьаь цхьаннал лакха ца хIиттош, хIора стеган коьртамукъалла, маршо ларъеш, и дIаяккха шайна тIегIертачу мостагIех леташ шайн цIий Iенош, дахарал а деза сий хеташ, мел йоккха хала киртиг тIехIоттарх боьхна, баьржина дуьненчухула дIа ца боьлхуш, хIокху лаьтта тIехь хьанал къахьоьгуш, ийманан буха тIехь ярташ йохкуш, маьждигаш дIахIиттош, жамIаташ вовшахтухуш... Далла дукхадезна гIуллакхаш алсамдохуш.

Уьш ца гIиртина шайн карара дер долу дуьне карадерзо (и дан йиш йоцийла хууш); цкъа а сацар доцуш, хаддаза дIайоьдучу заманан мах а бевзина, диканиг дан, оздангаллин гурашкахь а буьсуш, дуьненан ниIматаш схьаэца кхиа гIиртина уьш, хIунда аьлча, заманан болар лагIдан йиш яц.

Зама – и кхо де ду боху:
Селхана, тахана, кхана.
Селхана даьлла дIадахна,
Дерзалур дац иза юха.
Тахана хьан карахь дерг ду.
Ткъа кхана хаац, хьо хир вуй.

Цундела оцу йоцачу хенахь («тахана») озданиг, диканиг, вовшийн сий дийриг, дог оьцург дан кхиа гIортар – и бу вайн дайн некъ; тахана цу некъа тIера дIадовлахь, вай бакъдолу нохчий доцуш, кхин адамаш хир ду.

Кхечу къомах волчу цхьана стага аьлла боху: нохчийн шайн диканиг тIевоккхуш гу а бац, вониг чукхуссуш ор а дац. ХIокху жайни тIехь вай кхоччуш гайтина аьлла хета и бакъ цахилар. Хилла нохчийн къомана юккъехь къастам: сийлаллин Гу а хилла, кхардаман Ор а хилла. Гу – иза халкъо оздачу стагана туьллу сийлахь цIе, цунна наха олу баркалла. Ор – иза наха зуламечу, харц стагана олу наьлалт, цуьнан дIайоьду вуон цIе, цунах болу кхардам.

Гуш ма-хиллара, и «гу» а, и «ор» а кхечу къаьмнийн санна (гу – орденаш, совIаташ, ахчанаш; ор – набахти, дегIана ден таIзар) доцуш, синьоздангаллин кхетамаш хилла нохчашна. И вайн къоман башхалла хилла, амма тахана вай гена девлла оцу синкхетаман тIегIанера. Аьлча а, вай юхадевлла оцу лакхенера. Цундела вайна тIехь ду нисдала гIортар, синцIеналлин новкъа хIиттар. И дархьама хIорамма къахьега деза, ша-шах и дIанислур ду моьттург галваьлла. ХIунда аьлча,

Дала шен сийлахьчу Къурьан чохь боху: «Бакъ а долуш, АллахIа ца хуьйцу нахера (халкъера) хьал, цара шайн догIмашкахь долу хьал хийцалц» («Ар-РоIд», 11).

Синкхетаман, гIиллакх-оздангаллин буха тIехь лаьтгаш ша-тайпа пачхьалкхалла а хилла вайн дайн. Оцу тайпанчу пачхьалкхалле кхача гIерташ ду дуьненан «кхиъна» къаьмнаш – таIзар даран структураш ца оьшуш, юкьаралло ша бакъонан терза нийса латочу дахар-Iеран кепе кхача гIерташ. Вайна хетарг иштта ду, ткъа бакъдерг хууш верг цхьа Дела ву (хастам бу-кха Цунна).

Тхо тешна ду вайн тIекхуьучу тIаьхьенна шайн дайн озда гIиллакхаш довза а, диц ца дан а, ийманехь, хьанала даха а хIокху жайно мелла а гIо дийриг хиларх.

Ас Деле доьху: хIара жайна ас Хьайн дуьхьа хьегна къа а ларалахь, бусалба нахана пайде а хилийталахь.

Нагахь соьгара, ца хууш, цхьа гIалат даьлпехь, сайна гечдар а доьху ас Сийлахьчу АллахIе.

Везчу Далла хастам барца дерза а до ас – АЛХЪАМДУЛИЛЛАХИ!

Гость редакции**«Слово – оно священо...»**

Когда даешь краткую биографическую справку о художнике слова, как правило, пишешь «поэт» или «писатель», в зависимости от жанра, в котором тот работает, или же «писатель, поэт», если работает в обоих жанрах. И зачастую бывает так, что этот самый «писатель, поэт» вполне себе пишет и публицистику в каком-то периодическом издании, и эссеистику, и что-то из области культурологии, и даже драматургию. И все «сопутствующие» жанры как бы опускаются, ибо главное сказано – «поэт» или «писатель», или «поэт, писатель». Но что-то подобное невозможно с нашим сегодняшним гостем, ибо метафора «художник слова» в его случае – это не просто фигура речи и

даже не фигура речи – он художник слова в прямом смысле этого выражения. Он рисует и прорисовывает каждое свое слово, ищет его цветовые гаммы, подбирает тона или полтона, выводит на свет или оставляет в тени так же, как художник у мольберта. И это в его творчестве наблюдается везде: в стихах, в малой и большой прозе, в эссеистике, в миниатюрных зарисовках, в культурологических статьях...

Гость редакции – поэт, писатель, эссеист, культуролог, драматург Тауз Исс, он же Тауз Исаев.

Муса Ахмадов. Тауз, мы с тобой знакомы давно. Работали в редакции газеты «Ленинхо» («Ленинец»). В те годы ты писал мало, в основном писал короткие стихи. В газете же, бывало, проходили целые недели, пока ты хотя бы один материал напишешь (смеется). Я это к чему вспомнил. Некоторые писатели в молодости много пишут, например, как я, а потом устают, а у тебя ровно наоборот. После пятидесяти ты начал активно работать в литературе. Написан роман (речь идет о романе «Имя Родины» – А.С.), вышло несколько поэтических сборников, книга публицистики, пишешь и публикуешь культурологические статьи, эссе, написана также пьеса. То, что ты до этого мало писал, – это был период накопления?

Тауз Исаев. Дело в том, что роман, это большое полотно, я написал с третьего раза – два раза брался, начинал, но оба раза пришлось отложить... сроки не подошли. Видимо, все-таки речь идет о возрастном. Как ты сейчас сказал, накопление жизненного опыта, творческого багажа, элементарных знаний, расширение художественного горизонта посредством еще более тесного знакомства с мировой литературой. И вот так все зрело, зрело и вконец созрело.

А если честно, я этот роман нес в себе с пятнадцати до пятидесяти или около того лет. То есть замысел романа родился в пятнадцать лет, и сорок два года я размышлял над ним. И в третий раз, когда я за него засел, он у меня пошел, я не мог остановиться, писал каждый день в течение трех лет.

По-разному складываются писательские судьбы... Несмотря на то, что я нес в себе этот роман с пятнадцати лет, я не думал, что в прозе я найду больше

свободы, чем в поэзии. До этого я думал, что свободы больше в поэзии. Но поэзия импульсивна, а проза синтетически может вобрать в себя все.

Я обратил внимание – и тогда, в Литературном институте, и в наши дни, что те, кто профессионально сложился в поэзии, настороженно относятся к прозе, то есть свой переход из поэзии в прозу они воспринимают так, как будто они снизили планку.

Прозу тоже можно писать по-разному. Я не берусь судить о своей прозе, но, как мне кажется, мне в какой-то мере удастся синтезировать – в прозе у меня мотивы поэзии присутствуют.

Муса Ахмадов. По этому поводу я хочу сказать: когда ты начал писать прозу, я не считаю, что ты порвал с поэзией. Все твои наиболее удавшиеся прозаические страницы в романе «Имя Родины» написаны поэтическим языком. И они самоценны очень.

Следующий мой вопрос. Ты начал писать эссеистику, короткие зарисовки, миниатюры и публикуешь это в Интернете, в частности в Фейсбуке. Последнее, что я недавно прочитал, это миниатюра «На обочине». И, собственно, вопрос: как современные технологии повлияли на тебя, на твое творчество? Или они мешают тебе? Вот я, к примеру, обратил внимание, что тот же Фейсбук поглощает очень много времени. Иной раз я просто выключаю телефон, чтобы не отвлекаться на эту социальную сеть. Как ты на это все смотришь? Это хорошо? Это плохо?

Тауз Исаев. Есть свои плюсы и минусы. Меня в Фейсбук втянули чуть ли не силком. Не сказать, что я сейчас жалею, что там присутствую, не сказать, что в каком-то восторге от всего этого. Да, поначалу бывало так, что, сам того не замечая, я засиживался там часами. Сейчас я контролирую этот процесс.

В социальных сетях ты можешь опубликовать написанное моментально и моментально прочесть отзывы своих читателей. И это заманчиво. Но! Мне кажется, что все это не нужно! Писатель должен писать в тишине. Он должен быть наедине с собой. Он не должен ежедневно отправлять импульсы в этот «виртуал», к людям, которых ты не знаешь. Да, кто-то благожелательно к тебе относится, кто-то равнодушно, кто-то отрицательно. Самое главное, находясь в этом виртуальном пространстве, – уметь дозировать. «Виртуал» – с одной стороны нечто чудовищное, с другой – полезное. Можешь общаться и с Америкой, и с Японией... Какие-то новые приятные знакомства появляются, находятся старые друзья... Короче, это двояко, неоднозначно, как и все в нашей жизни. Но для писателя, повторюсь, это большая роскошь – посвящать себя подобным технологиям.

Саламбек Алиев. По поводу романа «Имя Родины». Есть ли дистанция между главным героем Анси и Таузом Исаевым? Насколько роман автобиографичен?

Тауз Исаев. Если честно, я даже не задумывался над этим вопросом – насколько автобиографичен роман? Конечно, там есть дистанция... Но и автобиографического достаточно. Даже между всадником – мифическим персонажем и автором есть связь, ибо, не будь этой связи, я бы не смог написать. Если конкретно ответить на вопрос: роман наполовину автобиографичен, наполовину – художественный вымысел.

Муса Ахмадов. Тауз, по правде сказать, я считаю, что любое искренне написанное произведение от первого или от третьего лица – это не только плод просто художественного воображения и вымысла, но и нечто

автобиографическое. Не зря же Флобер на вопрос, «с кого вы списали мадам Бовари?», ответил: «Эмма – это я!»

У тебя в романе есть прямые аналогии из твоей жизни. Что касается меня, все, что я выдумываю, это так или иначе я сам, во мне, связано со мной, исходит от меня.

Тауз Исаев. Да, да, я тоже так считаю: о чем бы автор ни написал – о листке бумаги, или о себе, или о компьютере, о чем угодно – это его душа, его интеллект, его образ.

Роза Межиева. Тауз, несмотря на то, что Вы много работаете в различных жанрах прозы, вы не перестаете работать и в самой поэзии. Те ваши поэтические произведения, с которыми мне лично приходилось сталкиваться, Вы обозначаете жанрово прозой. Я раньше не встречалась с этим жанром. Можно ли считать это Вашим изобретением?

Тауз Исаев. Да, это мой жанр. Я его изобрел.

Роза Межиева. А с кем-нибудь делились из коллег?

Тауз Исаев. Я в Фейсбуке выставляю. Некоторые так, молчат. Некоторые же, скажем, с художественными амбициями, даже агрессию проявляют. Постепенно они как-то начали свыкаться... А почему проза не может быть?

Роза Межиева. Ну да, если есть верлибр, почему бы и прозы не быть...

Тауз Исаев. Мой стиль, мое художественное направление – это, как сейчас говорил Муса, тот самый синтез поэзии и прозы. Вот это и есть проза.

Роза Межиева. А если этот Ваш жанр станет классическим, как нынче верлибр, и возникнут правила. Согласно каким правилам тогда нужно писать в жанре прозы? Как бы Вы определили эти критерии?

Тауз Исаев. Вот это интересный вопрос. Я над этим думаю. И дело вот в чем. Я все время размышлял – и до литинститута, и во время учебы там, и после учебы, и сейчас, что должен появиться новый жанр... Мы живем в такое интересное время, такие скорости жизни, столько событий происходят в жизни одного человека даже в течение одного дня. Понимаете, это невозможно было буквально 20, 30, 50 лет назад. Мы можем себе позволить в одночасье общаться со всем миром, не выходя из дома... Появляется какое-то новое сознание, но человек все-таки остается человеком... И вот, я не знаю, возник этот жанр – сплав поэзии и прозы. Я его не выдумывал специально, он сам пришел. И над ним надо работать, его надо шлифовать...

Сулиман Мусаев. Мое знакомство с Вами как с писателем состоялось непосредственно через Ваши рассказы. В одно время мы их публиковали в журнале. Затем у Вас и сборник рассказов вышел – «Путешествие в полдень». Думаете ли продолжать работу в жанре рассказа или все-таки проза и другие экспериментаторские направления взяли верх над короткой прозой?

Тауз Исаев. Да, обязательно буду писать. Я их и пишу, иногда они у меня получаются. Рассказ можно и на двадцать страниц растянуть, но у меня они почти всегда получаются на одну или две страницы.

Муса Ахмадов. Я помню первый твой рассказ или один из первых – «Весть» назывался. Рассказ, который мне врезался в память. Как на рассвете приезжают, сообщают о смерти одной женщины... В этом рассказе тебе очень ярко удалось передать атмосферу именно чеченской жизни, и так пронзительно, что я до сих пор его помню. С одной стороны, рассказ написан просто, с другой стороны, в нем заложен подтекст. Кстати, та же фирменная черта твоей поэзии – порой пишешь об обыкновенном, но из-под твоего пера это получается необыкновенно.

Тауз Исаев. Баркалл, Муса.

Муса Ахмадов. Как ты оцениваешь состояние чеченской литературы?

Тауз Исаев. Я с великим сожалением размышляю о том, что до сих пор в чеченской литературе не вызрел, не созрел, не реализовался образ, образ столько же мощный, яркий и глубокий сообразно судьбе нашего народа. Почему это происходит, мне трудно сказать, но факт остается фактом. Если не считать наших классиков ушедших – Айдамирова, Мамакаева, Гадаева, Сулейманова Ахмеда, из современников – тебя, Бексултанова Мусу... но все равно нет такого образа, который наиболее полно художественно выразил бы судьбу нашего народа. К сожалению.

Я пишу в основном на русском языке и моя сверхзадача в том числе – в русском сознании создать кавказский образ. Как Пушкин, Лермонтов, Толстой... Конечно, после таких титанов работать в русском языке трудно, но все-таки, мне кажется, это возможно. Если попытаться, если быть неробким, если работать, работать над собой – бумагу тоже надо преодолеть, это гигантские усилия, огромный труд... Так что, образ, о котором я говорю, рано или поздно явится в нашей литературе и тем самым мы войдем в мировую литературу.

Муса Ахмадов. Назови писателей, которые оказали на тебя наибольшее впечатление или даже влияние.

Тауз Исаев. Много имен... В русской литературе – это Толстой, Достоевский... В американской – это Фолкнер, Томас Вулф, Дос Пассос, Хемингуэй... Очень много имен, трудно вспомнить и перечислить всех... Но после всего – после школ, институтов, после всего прочитанного, после всего того, чему ты учился и учили тебя – писатель должен забыть это все, погрузиться в себя, и сумма всего этого должна родить его стиль, его направление, из себя он должен вытащить образ. Иначе он будет подражать. Писатель должен поверить в себя.

Муса Ахмадов. Ну а кто особенно повлиял на тебя из перечисленных тобой авторов? Кого бы особо выделил в прозе и в поэзии?

Тауз Исаев. В прозе я бы назвал Фолкнера, в поэзии – Уолта Уитмена. После школы, когда я прочитал сборник Уитмена «Листья травы», он перевернул в моем понимании поэзию. Он вообще родоначальник всей современной поэзии, реформатор. Получается, и в прозе, и в поэзии два американца.

Муса Ахмадов. Я тоже считаю Фолкнера родоначальником современной психологической прозы. До Фолкнера, я считаю, господствовал Николай Васильевич Гоголь – величайший писатель, которому и психологически, и фантазмагорически не было равных. Но своим появлением в мировой

литературе XX века Фолкнер повернул ее в другое русло. У него же учились все известные латиноамериканские большие писатели, некоторые в этом признаются, некоторые нет, но почти у всех можно «нащупать Фолкнера».

Роза Межиева. В настоящее время над чем Вы работаете?

Тауз Исаев. Над Фейсбуком (смеется). Над поэзией...

Саламбек Алиев. Недавно умер Евгений Евтушенко. Вспоминаются его слова: «Можно писать плохие стихи и оставаться хорошим человеком, но писать хорошие стихи и быть плохим человеком – нельзя». Писатель или поэт пишет о высокой морали, нравственности, о сострадании к ближнему, учит тому, «что такое хорошо и что такое плохо?», одним словом, пишет «хорошие стихи», но при этом в жизни сам, мягко говоря, подлец и мерзавец. Как можно относиться к такому художнику слова?

Тауз Исаев. Если он не соответствует тому, что он пишет, значит, он врет. Значит, нет ему веры. Писатель дважды, трижды ответственен за свое слово. Если писатель и его слово расходятся – это душевная подлость. Тогда уж лучше не писать.

Саламбек Алиев. Скажем, я вначале знакомлюсь с творчеством автора. Там все идеально: прекрасные образы, красивые пейзажи, пронзительная лирика, бесподобные метафоры, обнаженная, как нерв, правда, душщипательный сюжет и прочее, прочее. И вот этот автор становится мне родным, так как я представляю его текст зеркальным отражением его самого. Но тут всплывают некие омерзительные факты из его биографии, и у меня, действительно, создается ощущение, что меня обманули. Есть же люди, которые утверждают, что личная жизнь писателя нас не должна касаться, что «мухи отдельно, котлеты отдельно»...

Тауз Исаев. Я не судья никому. Мы знаем, что в биографии многих великих писателей бывало всякое. Знаем, что не все складно было в жизни Достоевского, что Толстой в конце жизни убежал из семьи... С другой стороны, подходить к таким писателям общечеловеческими мерками было бы не совсем верно – нормальный человек не будет писать романов, стихов... И многое, мне кажется, простительно для них. Но, я вновь повторяюсь, Слово – оно священо, надо стараться, чтобы соответствовали слова и деяния.

Муса Ахмадов. Тауз, мы благодарны тебе за то, что не отказал и пришел к нам в редакцию. Беседовать с тобой – одно удовольствие, ты очень занимательный собеседник. Верим, что наши беседы о литературе и о жизни с тобой имеют продолжение. Желаем тебе новых и новых творческих успехов. Дела реза хуьлда хьуна!

Тауз Исаев. Массарна а хуьлда Дела реза!

Подготовил Саламбек АЛИЕВ.

Замид Аюбов

Рогун-Кажа и рогункажинцы

Небольшое село с таким названием расположено в трех километрах к юго-востоку от районного центра Ножай-Юрт Чеченской Республики, на правом берегу реки Яман-Су. Сейчас там находится всего около 53 домов, так как большая часть жителей села после сильных оползней конца 80-х годов прошлого века и из-за войн в 90-е годы в Чечне переселилась в новообразованное в 1989 году село Бильтой-Юрт Гудермесского района. Рогун-Кажа – один из старейших населенных пунктов Ножай-Юртовского района. В Википедии годом основания села назван 1708 год, но есть сомнения в истинности этой даты. Тем более, что не указан документальный источник, подтверждающий это. Судя по тому, что на Старом кладбище (Даккхийн Кешнаш) с. Рогун-Кажа, на котором не хоронят людей более полутора века, есть надмогильные камни с пиктограммами доисламского периода, Рогун-Кажа намного древнее указанной даты. Но, к сожалению, определить точный возраст села не представляется возможным. В той же Википедии практически ничего не сказано об истории села, происхождении его названия, о его жителях, сегодняшних реалиях. По мере своих возможностей постараюсь восполнить этот пробел.

Во-первых, уместно вкратце интерпретировать этимологию названия села. По этому поводу старожилы села приводят две основные версии. По одной из версий, первые жители села – Я и Ита построили рагу (навес, загон для домашних животных), и от его подножья (клажа) разрослось село. Мол, так и получилось Рагун-Клажа. Но это объяснение, на мой взгляд, недостаточно обосновано. В подножье навеса (кошары) вряд ли возможно построить целое село.

Более вероятной представляется вторая версия, согласно которой название села объясняется тем, что оно было заложено в подножье горно-холмистого кряжа (гребня), длиной в несколько километров, начинающегося в районе сел Зандак и Датгах и завершающегося у слияния реки Яман-Су и ее притока Булк. Именно так истолковывал топоним старейший житель Рогун-Кажа, проживший 95 лет, Элдархан Джаватханов. И если быть точным, то истинным названием села является Реглан-Клажа, т.е. Подкряжье. Со временем, как это часто случается с топонимами, первоначальное название исказилось, и в настоящее время село официально называется Рогун-Кажа.

Основатели села, братья Я и Ита, сначала поселились в с. Рогун-Кажа. Но со временем второй из них, Ита, переселился по соседству – в с. Бильты. От него происходит одна из ветвей тайпа билтой – итабухой, которые сейчас составляют большинство этого населенного пункта. А в с. Рогун-Кажа жили и живут исключительно потомки Я – янбухой. Другая тайпообразующая часть билтинцев – зоккабухой – живет в с. Хочи-Аре, рядом с Рогун-Кажей и Бильты.

Небольшое по территории и численности населения, село Рогун-Кажа оставило весомый след в истории чеченского народа. Так, отсюда родом Чермоевы, среди которых наиболее известны генерал-майор, участник двух русско-турецких войн Арцу (Орца) Чермоев, первый чеченский нефтепромышленник и политический деятель Абдул-Межид (Тапа) Чермоев. Дело в том, что в отселке села Рогун-Кажа, Нижнем Хуторе (по-чеченски – Таьхьа Отар), жил основатель фамилии – Чермо.

Недавно одна из моих коллег по профессии, известная в нашей республике журналистка, выразила сомнение в чеченском происхождении фамилии Чермоев, так как она не имеет в Чечне аналогов. Постараюсь объяснить ей и

другим непосвященным, в чем дело. Я сам до последнего времени полагал, что отца Арцу и деда Тапы Чермоевых звали Черма (цистерна, большая бочка). Однако после встречи с одним из его потомков по линии брата Арцу Хаса-Хаджи, жителем с. Кошкельды Алим-Пашей Дускуевым, я узнал, как звали основателя фамилии и почему сегодня в Чечне нет фамилии Чермоев. Оказывается, один из предков Чермоевых был кунаком представителя тайпа чермой и, как это водилось среди чеченцев, назвал своего сына в честь друга – Чермо. От него и происходит знаменитая фамилия. А то многие, в т.ч. люди образованные, думают, что Чермоевы из тайпа чермой, в то время как они коренные билтой и янбухой.

Что касается исчезновения фамилии, то Алим-Паша Дускуев рассказал мне, что после оппозиции к Советской власти и эмиграции Тапы Чермоева из страны органы ОГПУ-НКВД стали жестоко преследовать и репрессировать всех Чермоевых. Чтобы избежать полного уничтожения, по совету одного из своих родственников, работавшего в органах безопасности СССР, все Чермоевы сменили фамилию.

Кроме Арцу Чермоева, из с. Рогун-Кажа происходят и другие известные люди. Среди них участники национально-освободительного движения Чечни и Дагестана под руководством Шамиля, русско-турецких войн. К сожалению, мне пока не удалось добраться до архивных источников и исторической литературы, исходя из которых можно было бы назвать многие имена. С другой стороны, точно известно, что в армии Шамиля сотником (б1аьнча) служил рогункажинец Хьоза. Имена и фамилии его сыновей Этов и Хатов Хозуевы приводятся в посемейном списке (NN89,91) жителей с. Рогун-Кажа 2-го участка Веденского округа на 1906 год¹. Сотником Шамиля также был житель села Атай.

По информации, полученной мной от старейших жителей Рогун-Кажа – Ямагомеда Исрапиева, Бауди Дециева, Сайд-Альви Бойцуева, сотник Шамиля Хоза попал в плен к царским войскам и подвергся жестоким пыткам и мученической смерти. Его привязали к хвосту лошади и таскали по дорогам с. Рогун-Кажа, пока с него не сошла кожа. В памяти потомков, рогункажинцев, по сей день хранятся слова, сказанные Хозой перед смертью: «Я не боюсь смерти, т.к. все мы смертны и должны предстать перед Аллахом. Но в этот последний час мне стыдно (юьхь1аьржа х1оьтти со) перед своими дорогими односельчанами, особенно женщинами, за то, что, пока таскали на хвосте лошади, у меня на брюках развязалась гашник (г1унжур). Простите меня за это». Эти слова свидетельствуют о необычайном чувстве достоинства и благородства (обздангалла-кьонахалла) этого человека.

Х1оллам, посвященный Хозе, установлен на Старом кладбище с. Рогун-Кажа. В списках участников русско-турецкой войны 1877-1878 годов я обнаружил имя призывника из Рогун-Кажа Шамхана Берсанова, всадника 5-й сотни Чеченского конно-иррегулярного полка². Правда, в источнике «Именном списке нижним чинам Чеченского конно-иррегулярного полка» он фигурирует как «Шамахань Берсановъ», а место, откуда призван, названо «Рожикажи». Таких искажений имени села более чем достаточно, о чем скажем несколько позже. Кстати, брат Шамхана Берсанова, Ахах, был приглашен в с. Рогун-Кажа в качестве имама во второй половине XIX века. Его имя приведено в упомянутом поименном списке жителей с. Рогун-Кажа под номером 41.

Сегодня в селах Рогун-Кажа, Бильтой-Юрт, Нойбера и городе Грозном живут многочисленные потомки Берсановых – Каимовы, фамилия которых произошла от имени одного из сыновей Ахи Берсанова – Каима. Родом из Рогун-Кажа известный чеченский поэт Магомед-Салах Гадаев. По свидетельству его родного племянника Арсена Гадаева, их предки переселились в с. Чург-Ирзе из Рогун-Кажи.

На кладбище Нижнего хутора села Рогун-Кажа похоронен дед прославленного чеченского борца Салмана Хасимикова – Хасимик. Правда, его дети переселились в пос. Старая Сунжа более ста лет назад. В Рогун-Каже родилась и выросла очень популярная исполнительница чеченских народных песен Маълха-Аьзни (Солнцегласая) Озиева, в замужестве Чакараева. Ее ныне здравствующая сестра Ребиса Озиева была знатной дояркой и депутатом Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. Депутатом Верховного Совета Чеченской Республики последнего созыва и заместителем его Председателя Доку Завгаева избирался рогункажинец Шейх-Ахмад Альмурзаев, ныне покойный. Ордена Трудового Красного Знамени удостоены Хасан Масуев – геологоразведчик, Елена Оздамирова – начальник отдела труда и зарплаты Аргунского завода «Пищемаш», орденом «Знак Почета» был награжден многолетний председатель колхоза им. Калинина Нажмудин Аласханов. Звание «Заслуженный учитель ЧР» имеют рогункажинцы Вахарсолта Дециев, Абдурахман Каимов. Более полувека проработал в Рогун-Кажинской школе учитель математики Алади Магомадов. Кстати, он отец 14 детей, большинство из которых получили высшее и среднее специальное образование, стали педагогами.

Почетного звания «Мать – героиня» удостоены несколько женщин Рогун-Кажи. Среди них Замани Магомадова, Пайхамат Зентиева, Кемиса Каимова, Куржан Бойцуева.

Более ста жителей Рогун-Кажи имеют высшее образование, и десятки юных рогункажинцев сегодня учатся в вузах Чечни и других регионов России.

Село Рогун-Кажа на протяжении нескольких веков своего существования много раз оказывалось в центре исторических событий, происходивших в царской, советской и современной Чечне. Автор имеет возможность привести некоторые факты, почерпнутые из историко-краеведческой литературы, архивных источников.

Самое раннее упоминание о селе Рогун-Кажа я обнаружил будучи студентом третьего курса исторического факультета Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова (ныне Санкт-Петербургский госуниверситет) в 1977 году. Тогда, параллельно с учебой, мне довелось работать подсобным рабочим в Центральном государственном историческом архиве СССР. Там, пролистывая один из «Кавказских сборников», наткнулся на эпизод, описанный одним из участников военной экспедиции под командованием графа, генерал-лейтенанта П.Х. Граббе вверх по руслу реки Ямансу. К сожалению, я не могу точно процитировать текст и назвать номер тома «Кавказского сборника». Но определенно могу сказать, что событие относится к 1841 году и в книге сказано примерно следующее: «Продвигаясь мимо населенного пункта Рагон-Кож мы столкнулись со следующим инцидентом. С левого берега Ямансу выскочили несколько бородатых человек с кремневыми ружьями и, сделав несколько выстрелов по нашему авангарду, скрылись в густых зарослях кустарника. Убитых и раненых не было, поэтому, не вступая в бой с разбойниками, мы продолжили поход».

В дневниковых записях самого П.Х. Граббе также встречается название Рогун-Кажи. Речь идет о событиях июня 1839 года: «10-го Передовой отряд из двух батальонов Кабардинского Полка, при двух горных орудиях, под начальством полковника Лабинцова, взял приступом укрепление и башню Ташова-Хаджи, который бежал. Все сравнено с землей. Взяты знамя, лафет, разное оружие. В семь часов вечера общее наступление на высокие и лесистые горы, без остановки. Все опрокинуто. Примечательный переход через дремучие леса и стремнины. Вышли на Яман-Су и аул абреков Балан-су, преданный опустошению. Здесь еще никогда не бывали русские.

11-го. Лагерь в горах необыкновенно живописный. Изобилие во всем. В час пополудни выступил тремя колоннами, главная по долине и руслу Яман-Су

до Реванкаша, верст семь: восемь аулов сожжено. Лагерь открытый, крепкий и удобный.

13-го. Отряд из двух батальонов Куринского полка с двумя орудиями ходил в аул Беллетли, который предан огню...

14-го. Отряд выступил на рассвете в возвратный путь, тремя колоннами, сперва по той же дороге, потом по новой, средняя колонна по ущелью Ямансу»³.

Не осталась в стороне от событий Рогун-Кажа и во время восстания в Чечне в 1877 году под руководством Алибека-Хаджи Алдамова. В монографии доктора исторических наук, профессора, президента АНЧР Ш.А. Гапурова говорится: «Из Гендергена через аул Рогун-Кажа Алибек направился в Ножай-Юрт, центр местного участка. Начальник участка Парцян и Ножай-Юртовский старшина успели сбежать под защиту российских войск. Дом старшины и канцелярия начальника участка сожжены. Был также сожжен по приказу Алибека дом местного шейха, чьи сторонники отказались поддержать восстание»⁴.

В материалах, которые имеются в Архивном управлении Правительства ЧР, имеются документы, связанные с событиями в Рогун-Кажа. Среди них переписка с начальником Грозненского округа Терской области (1876 год) «Об освобождении от платы обществу налогов и о наделах земельными паями временных жителей с. Рогун-Кажа, выходцев из Дагестана, просьбы выдать разрешения на разведку нефти в районе села от десятков человек, не только из Терской области, но и других уголков царской России, о споре по межевому вопросу между Бильтинским и Зандакским сельскими обществами, об избрании старостой села Чожура (Говды) Баталова и другие».

Трагическими страницами в истории Рогун-Кажи стали события 20-30-х годов, названные советскими властями «мятежами, антисоветскими восстаниями». В 1925 году в селе Рогун-Кажа у родственников скрывался бывший советский работник, имевший почетную грамоту, подписанную председателем Совнаркома РСФСР В.И. Лениным, а затем вынужденно ставший противником власти и членом Правительства Горской Республики во главе с Тапой Чермоевым – Межид Гебартоев. Вынуждая сельчан выдать его, артиллерия Красной Армии вела по селу неизбирательный огонь. Чтобы не допустить жертв среди невинных людей, М. Гебартоев сдался властям и был репрессирован. Десятки рогункажинцев погибли в марте 1932 года, обманутые самозванцем-имамом Моцу Шамилевым, поверив в возможность свержения Советской власти.

Вот что, в частности, говорится о событиях 1932 года в районе сел Рогун-Кажа, Бильты, Ножай-Юрт, Аллерой, Саясан в книге Ш.А. Гапурова и Х.С. Умхаева «Беной в истории и культуре чеченского народа: «Органы НКВД в марте 1932 года стали получать донесения о том, что в Ножай-Юртовском районе вспыхнуло новое восстание (до этого восстание из-за притеснения крестьян со стороны органов Советской власти произошло в 1929 году – З.А.), в котором участвует 1500-2000 человек. Из них в районе Аллероя – 150 сабель, Ножай-Юрта, Шуани, Саясана и Бильты – 500-700 человек. Из всей Чечни восстал только Ножай-Юртовский район.

28 марта – в середине дня – начались первые столкновения частей РККА с повстанцами. Первым завязался бой Нацполка у Бильты (следует иметь в виду, что с. Рогун-Кажа входило в Бильтинское старшинство и многие рогункажинцы принимали активное участие в восстании – З.А.), где он с 11.30 до 16.30 вел упорный уличный бой, в котором принимали участие не только бандиты, но и местные жители, в общем до 500 человек. В результате столкновения повстанцы потеряли значительное число убитыми и ранеными (обнаружено 24 убитых и 9 раненых). Нацкавполком захвачено 5 пленных, 5 винтовок, 2 револьвера.

В числе убитых повстанцев обнаружены четверо милиционеров из числа перешедших на сторону восставших вместе со своим начальником.

Потери полка – 1 убитый и 2 раненых. Кроме Нацполка в боестолкновении участвовал также 84 стрелковый полк с приданным ему отрядом ОГПУ»⁵.

О масштабах жертв карательной операции войск Красной Армии и ОГПУ с применением артиллерии и авиации говорит тот факт, что только из семьи Ямохьмада Исрапиева, которому сейчас 92 года, было убито 6 человек, в т.ч. женщины и дети. Об этом написано в газете «Молодежная смена» в августе 2016 года внештатным корреспондентом газеты, рогункажинцем Лечи-Хаджи Исрапиевым – внучатым племянником Я. Исрапиева.

Свидетелем тех событий была и моя покойная мать Ашет Аюбова (в девичестве Оздамирова), которой тогда было 18 лет. По ее словам, она пыталась укрыться от снарядов вместе со своим трехлетним братом Ханбатыром Оздамировым.

Статью о восстании 1932 года я прочитал в Республиканской библиотеке им. А.П. Чехова в 1972 году. Она была написана корреспондентом «Грозненского рабочего» Виктором Астаховым, который позже работал в гудермесской газете «Красное знамя» («Гумс»). В материале давался, в целом, объективный анализ событий, назывались причины (в т.ч. перегибы местных властей по отношению к крестьянам). Кроме того, я впервые в жизни нашел в этой статье печатное упоминание о своем деде Аюбе Таймасханове, который, по информации автора, безвозмездно изготовил для Рогун-Кажинской школы 12 парт и 6 столов. Он был известным плотником и кузнецом, сам построил на хуторе Верхний (по-чеченски – Хьалха Отар) с. Рогун-Кажа деревянный двухэтажный дом. Бауди Дециев, которому за 80 лет, рассказал мне, что мой дед изготавливал металлические изделия не только для рогункажинцев, но и для жителей окрестных сел. Пользуясь случаем, считаю уместным подчеркнуть, что отличной портнихой была и наша мать. Во многом, благодаря ее мастерству, мы с братьями и сестрой выжили в то время, когда наш отец Ушу Аюбов, по надуманному делу, был осужден на 10 лет тюрьмы в 1947 году, досрочно освобожден из мест заключения в Красноярском крае только после смерти И.В. Сталина в марте 1953 года.

Активное участие приняли призывники из Рогун-Кажы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Согласно данным «Книги памяти», составленной работниками Архивного управления Правительства ЧР, из Рогун-Кажы в ряды Красной Армии было призвано 57 человек. Не менее 50 из них погибли на фронте или пропали без вести. Большинство из них были людьми еще не женатыми, единственными сыновьями в семье. И, следовательно, с их смертью прервались многие фамилии, которые имеются в названном мной «Поименном списке...» 1906 года. Кстати, там написано, что в селе проживает 117 семей. Получается, на фронты Отечественной были призваны молодые люди из половины семей с. Рогун-Кажы. Как заметил в своем труде, посвященном участию призывников из Ножай-Юртовского района в Великой Отечественной войне, известный педагог, первым в ЧР получивший звание «Учитель года», историк-краевед Руслан Жабраилов, в период ВОВ чуть ли не было прервано все потомство рогункажинцев.

Об одном из фронтовиков-рогункажинцев говорится в сборнике документально-публицистических очерков о чеченцах-участниках Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) «Вспомним всех поименно», подготовленном АН ЧР. Очерк Залпы Берсановой называется «Подвиг учителя». В нем повествуется о бывшем учителе Рогун-Кажинской школы Сайдул-Хаджи Байтукаеве. Он добровольно отправился на фронт и воевал в составе 255-го Чеченского кавалерийского полка. По словам автора, по количеству уничтоженных фашистов в полку С.-Х. Байтукаев уступал лишь Ханпаше Нурадилову. Здесь приводится описание последнего подвига Сайдул-Хаджи со слов его однополчанина из с. Зандак: «Было это во время тяжелых боев под Сталинградом. Нам был дан приказ отступить. Мы отступали, подбирая

убитых и раненых. Сайдул-Хаджи был ранен в ноги. Когда мы попытались поднять его, чтобы увести с собой, он сказал: «Я все равно никуда не пойду, как бы вы меня ни уговаривали. Одна просьба к вам: выройте яму, помогите мне спуститься туда, прикройте землей. И оставьте мне все оружие и патроны, которые у вас есть. Все ближе и ближе слышался гул фашистских танков. Над головой кружили вражеские самолеты. Мы пытались уговорить Сайдул-Хаджи уйти с нами, но он стоял на своем. И тогда пришлось наспех вырыть яму, Сайдул-Хаджи с нашей помощью спустился туда. Едва сдерживая слезы, солдаты подходили к Сайдул-Хаджи, клали возле него оружие, патроны».

Еще долго слышали отступающие кавалеристы, как стрелял Сайдул-Хаджи – то из пулемета, то из автомата. Сколько мог, он сдерживал наступление немцев своей непрерывной стрельбой, прикрывая отход наших кавалеристов.

До конца своих дней бывшие однопочане помнили о том, как ценой своей жизни спас их молодой учитель из маленького чеченского села Рогун-Кажа Сайдул-Хаджи Байтукаев»⁶.

Я не знаю точной цифры, сколько моих односельчан погибло во времена депортации (для этого нужно опросить все семьи села), но одно знаю точно: только из семьи моей матери на Родину не вернулось 27 человек... В 50-летнем возрасте в 1945 году умер мой дед Аюб. В 1947 году от болезни умерла и его жена, моя бабушка Тамихат. Рано ушел из жизни дед по матери Озди. Примерно такие же горестные цифры и у других рогункажинцев.

Суровым испытаниям подвергалось село и во время двух последних войн в нашей республике. Большинство, как было сказано, перебралось в новое село – Бильтой-Юрт. Но есть и те, кто даже в самую лихую пору военных лет не покинул родное село, когда по Рогун-Кажа днем и ночью наносились авиационные и артиллерийские удары. Честь им и хвала!

В настоящее время, как и многие населенные пункты республики, село Рогун-Кажа после войн возродилось, его жители воспряли духом и вносят достойный вклад в развитие и процветание Чеченской Республики.

P.S. Автор выражает благодарность за помощь и ценные советы в подготовке материала начальнику отдела по использованию документов АУП ЧР Мадине Ченчиевой, жителям села Рогун-Кажа Ямагомеду Исрапиеву, Сайд-Альви Бойцуеву, Вахарсолте Дециеву, Яхите Зентиевой, Байсари Таймасхановой, а также главному редактору журнала «Вайнах» Мусе Ахмадову, предложившему написать эту статью.

¹ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Фонд 270. Описание 1. Дело 20.

² Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России. – М., 200, стр.200.

³ Записная книжка графа П.Х. Граббе. – М., 1888. С. 105.

⁴ Ш.А. Гапуров. Народные движения в Чечне в 60-70-е годы XIX века. – Грозный, 2015.

⁵ Ш.А. Гапуров, Х.С. Умхаев. Беной в истории и культуре чеченского народа. – Грозный, 2016. С. 198-200.

⁶ Залпа Берсанова. Вспомним всех поименно, Грозный. – 2016. С. 32-33.

Гилани Индербаяв

Элементы драмы парадокса и абсурда в чеченской драматургии постсоветского периода

Как известно, чеченская советская литература была свободна от каких-либо модернистских течений и развивалась в строгих рамках соцреализма.

Свою первейшую задачу чеченская советская литература видела в овладении богатым творческим опытом русской классической и советской литературы, в перенятии ее гуманистических идей.

Трагические события конца XX и первых десятилетий XXI веков, имевшие место в Чечне, оказали существенное влияние на эстетику современной чеченской литературы, обусловив ее идейное и художественное содержание.

Обновление эстетической парадигмы чеченской литературы в постсоветское время отразилось и на поэтике чеченской драмы, что способствовало появлению таких произведений, как «Жуккарш» («Тунеядцы») и «Да воцу доьзал» («Семья без отца») Г. Алиева, «Лулахой-2» («Соседи-2») С.-Х. Нунуева, «Ор» («Яма») М. Ахмадова.

Эти произведения выделяются тем, что в их поэтике обнаруживаются отдельные элементы, характерные для драмы парадокса и абсурда. Следует сразу же отметить, что элементы парадокса и абсурда в чеченской драме возникли совсем не как результат каких-то формальных поисков художников. Скорее, наоборот. Введение в поэтику этих элементов было попыткой художников выразить особенности текущего времени, мироощущение чеченского общества. Порожденные войнами порядки в общественной жизни и культуре, порабощенность человека социальными отношениями и государственным аппаратом, бесперспективность и бессмысленность протеста против порядков и нравов бесчеловечного общества – вот та реальность, которая в вышеназванных произведениях ощущается как хаос, как абсурд. Притязание на логику в анализируемых произведениях основано на отсутствие таковой, так как их авторы не видят логику в самой действительности.

Для характеристики послевоенной реальности Чечни как нельзя лучше подходит высказывание Э. Ионеско, одного из западноевропейских основоположников театра абсурда. Характеризуя особенности своего времени, он писал: «Абсурд так заполнил собой реальность, ту самую, которую называют «реалистическая реальность», что реальность и реализм кажутся нам столь же правдивыми, сколько и абсурдными, а абсурд кажется реальностью: оглянемся вокруг себя».

Драматические произведения Г. Алиева, С.-Х. Нунуева, М. Ахмадова – тревожный показатель нравственного нездоровья чеченского общества, осколок реальной послевоенной действительности.

Действие в трагикомедии Г. Алиева «Да воцу доьзал» («Семья без отца») происходит после первой российско-чеченской войны. Трагикомедия воссоздает яркие картины послевоенной действительности.

Конфликт пьесы обнаруживается буквально в первых же репликах, которыми обмениваются персонажи. Хьадада, один из главных героев трагикомедии, просит свою жену Манжаь, собравшуюся ехать на рынок в город, дать ему денег на сигареты. Манжаь на просьбу мужа отвечает отказом. Между мужем и женой завязывается ссора. В нее включаются брат Хьадады, Мадада, и его жена Жамжаь. Поссорившиеся обмениваются взаимными упреками: жены обвиняют своих мужей в бездельи, те обвиняют жен в нежелании заниматься домашним хозяйством. Братья удивлены и обескуражены поведением своих жен...

Что необходимо сделать, чтобы снова завоевать уважение и почитание женщин? Прежде всего, понимают братья, необходимо найти работу, взять в свои руки материальные заботы семьи...

Две недели проводит Мадада в городе в поисках работы для себя и брата. Возвращается ни с чем. Оказывается, что теперь обычная (физическая) работа в республике стала очень дефицитной. Но зато появилось много новых видов «деятельности». Можно, например, заниматься добыванием конденсата, сопровождать машины, вывозящие ворованную нефть за пределы республики, похищать людей для выкупа, делать «крышу» тем, кто торгует на рынке, разбирать на кирпичи многоэтажные дома, уцелевшие во время военных действий. Но не все перечисленные «профессии» оказались по зубам нашим героям. Так, например, чтобы стать сопровождающим нефтевозов, необходимо было иметь свое «серьезное» оружие (пулемет или гранатомет). Дома для разборки надо было выкупать у городского начальства за большие деньги. А денег, как мы помним, у наших героев не было...

Стремление главных героев как-то адаптироваться к новым условиям послевоенной жизни – содержание трагикомедии «Да воцу доьзал». Стараясь освоить «профессии» нового времени, герои пьесы на каждом шагу терпят неудачу, попадают в смешные и нелепые ситуации, которые нельзя назвать иначе, как абсурдными и парадоксальными. Решив заняться добыванием конденсата, Мадада и Хьадада накануне посевной превращают огород своего отца в сплошные ямы, в которые вместо ожидаемого конденсата обильно просачивается вода (герои-то думали, что все «дело» только в глубокой яме...)

Потерпев неудачу с добыванием конденсата, братья после долгих «размышлений» решают заняться самым «доходным делом» того времени – похищением людей. Кого бы для начала похитить? Решено было похитить Аббаза, старого друга отца, сын которого в Москве «качает» воздух. За Аббаза братья решили запросить пятьдесят тысяч американских долларов (так-то «операция» будет выглядеть солидно!). И в этом «деле» их ожидало глубокое разочарование... Вместо Аббаза они похищают своего отца, который накануне поехал к другу просить займы денег и остался там заночевать. И, наконец, продав в отсутствии отца (отец сбежал из дому, не выдержав проделок сыновей), свой дом в селе, братья покупают у военных тротил, чтобы взрывать в городе дома для разборки на кирпичи.

Перед тем, как начать свое «дело» (добывание конденсата), братья, прирезав одну из коров своего отца, совершают обряд жертвоприношения, впервые начинают совершать намаз. Не намерены они «морить голодом» тех, кого они собираются похищать... Чтобы «нормально» кормить похищенного, братья режут вторую, последнюю корову отца, которую тот, спасая от сыновей, отвел к соседу.

Получив за Аббаза пятьдесят тысяч долларов, Мадада и Хьадада намерены совершить ряд «праведных» поступков: соорудить вокруг сельского кладбища железную ограду, отремонтировать школу, навести пешеходный мост через речку, раздать по одному мешку муки бедным односельчанам.

Совершив эти «богоугодные» поступки, братья надеются на признательность односельчан: «...И вайшиммо дича, наха дика ши к'ант ву аьлла, це йоккхур ю... («Если мы это сделаем, люди назовут нас хорошими парнями»...).

Перечисленные ситуации воскрешают в памяти современных чеченцев «благотворительные акции», которые проводились «достойными сынами» Ичкерии. Размышляя над поступками героев трагикомедии, читатель приходит к выводу, что Мадада и Хьадада – не «сумасшедшие», как их называет разгневанный отец, не злоумышленники, преследующие корыстные цели. Герои Г. Алиева – жертвы социальной и политической жизни республики. Их поступки спровоцированы нелепым общественным устройством.

Необходимость выстоять, остаться человеком в нечеловеческих условиях послевоенного времени – вот главный нравственный посыл трагикомедии «Да воцу доьзал».

Другая трагикомедия Г. Алиева «Жуккарш» («Тунеядцы») обличает общественное устройство, при котором люди, в главной своей сути мизерные и невежественные, могут пристраиваться к важным общественным событиям, использовать эти события в своих низменных интересах. Действие в пьесе происходит в 1995-1996 годы. Трагические события этого времени (первая российско-чеченская война, августовские события 1996 года) памяты чеченскому народу.

Сюжет трагикомедии – это сатирически изображенные картины военных действий, выборной кампании в чеченский парламент, деятельности «шариатских» судов, кадровой чехарды ичкеристов.

Герои Г. Алиева – это люди, которые всплыли на поверхность общественной жизни благодаря так называемой «чеченской бескровной революции», военным действиям в республике.

Дончла, Боцла, Буппиз, Туьртла – известные в селе бездельники и алкоголики, постоянно озабоченные одним вопросом: как достать выпивку? Им нет никакого дела до того, что делается вокруг них. Их не встревожила, не всколыхнула начавшаяся российско-чеченская война. О ней они, распивая бутылку, рассуждают неохотно и пассивно.

Из состояния «пассивности» и «безразличия» герои трагикомедии выходят только после встречи с Мукатом. Муката в прошлом (до начала войны) тоже был любителем хорошо выпить, но когда в республике началась «революция», он, отпустив бороду, стал выдавать себя за религиозного авторитета. Однако роль «ревностного» служителя религии не мешает ему держать в собственном магазине водку и тайно ее продавать. Когда начались военные действия, Муката, объявив себя «ополченцем», исчезает из села вместе с Боцла. Быть «ополченцем» (читай: мародером) с одним только Боцла вскоре для Мукаты оказывается делом очень трудным, и он вынужден был раскрыть секрет своей «борьбы» с врагом перед алкашами-односельчанами.

Рассказ Мукаты о том, что городские подвалы полны водкой и другими напитками, вызвал горячее желание у алкашей немедленно выехать в Грозный и стать «бойцами» Мукаты. Перед выездом в Грозный Муката наставляет: «с сегодняшнего дня вы не должны бриться. Приготовьте взять с собой мешки и другие необходимые для нашего дела вещи. Я принимаю вас в свой батальон. Я – ваш командир. Да поможет нам Бог...» Герои Г. Алиева, алкоголики и мародеры, быстро приспосабливаются к сменяющимся в республике событиям, умело извлекают из них пользу для себя. За «участие» в российско-чеченской войне от властей Ичкерии они получают медали, а также право бесплатно совершить хадж в Мекку. В последних картинах трагикомедии читатель встречает Мукату в качестве председателя шариатского суда. Вместе с ним работают и его «боевые товарищи». Не владея даже азами религиозной грамоты, Муката и его «соратники» стараются решать вопросы посетителей с помощью Корана в переводе Крачковского и Саблуковского.

Герои Г. Алиева глубоко типичны. Они ярко подчеркивают уродливость и бессмысленность отдельных событий, которые пришлось пережить чеченскому народу в последнем десятилетии XX века. Комически утрированные ситуации помогают автору наглядно показать убожество своих героев, их историческую несостоятельность. Автор не скупится на открыто нелюбимые характеристики отдельных политических событий. В сценические картины трагикомедии «Жуккарш» введено множество эпизодов, пародирующих порядки и законы сменяющих друг друга политических властей.

Г. Алиев беспощаден к своим героям, их двоедушие и цинизм обнажены в трусливых и низких поступках, в пошлости мысли и слова. Поставленные автором в острые гротескные ситуации, герои саморазоблачают себя полностью. В своих драматических произведениях Г. Алиев исследует процессы деформации личности под воздействием унижительных для человеческого достоинства условий послевоенной действительности.

Действие в пьесе М. Ахмадова «Яма» происходит во время первой российско-чеченской войны. Жанр своего произведения автор определяет как «драма». На наш взгляд, исходящий из содержания произведения, «Яма» – трагикомедия, сплошь состоящая из абсурдных и нелепых ситуаций.

Главные персонажи «Ямы» – Сапар, Мутуш, Гамарг. Оказавшись в яме ичкеристов, они стараются понять, в чем причина их задержания. Только один Сапар догадывается о причине своего задержания: он в советское время работал в милиции. Мутуш до задержания занимался частным извозом, выращивал цветы для продажи. Гамарг на воле сочинял для детей сказки, персонажами которых были животные и звери.

Хорошо осознавая, что из рук ичкеристов им не выйти живыми, задержанные решаются на самоубийство. Но самоубийство, понимают герои, запрещается Кораном... Какой же найти выход из этого положения? Решили, что они вскроют вены друг другу и тем самым освободят себя от божьего греха.

Стоя на краю ямы, Охранник зачитывает узникам распорядок, который они должны соблюдать: подъем в 7.00. В 8.00 – завтрак. В 11.00 – ходьба. В 14.00 – религиозное песнопение. В 15.00 – допрос. В 17.00 – время для заунывных напевов. Ужин в 19.00. С 20.00 – тишина. Отбой – в 21.00.

Очень характерна в пьесе сцена, в которой Начальник тюрьмы знакомится с задержанными и представляет им членов международных правозащитных организаций:

Начальник. Слушайте, арестанты. У меня для Вас хорошая новость. К нам приехала Хелисат, она расскажет о ваших проблемах всему миру (позже выясняется, что Ханна и Теофило – подставные лица, через которые Начальник выясняет для себя намерения заключенных).

Ханна. Я не Хелисат. Я – Ханна из Хельсинского сообщества. Кроме того, я представитель «Красного треугольника».

Начальник. Ваши права также защищает минерал...

Теофило. Не минерал, «Мемориал» – наша организация.

Еще. На жалобу Гамарга и Сапара, что в яме нет условий для малого омовения, Начальник предлагает:

Начальник. Тогда совершайте омовение землей. Воды нет.

Сапар. Тут холодно...

Ханна. От имени Хельсинского сообщества, от имени «Красного треугольника» окончательно и бесповоротно требую: установите в яме батареи и чтобы они обогревались горячей водой.

Теофило. Если у вас нет такой возможности, проведите свет и поставьте электроплиту.

Начальник. Что ты говоришь? У нас тока нет, чтобы выбить у них правду... Охранник, дай им дров для огня!

С ужасом осознавая сложность своего положения, герои М. Ахмадова пребывают в состоянии безысходности, обусловленной самой реальностью. Замкнутое пространство ямы вмещает многое: оно олицетворяет жизнь чеченского народа, пережившего две страшные войны. В раскрытии идейного содержания трагикомедии значителен финал произведения. В диалоге, состоявшемся между Мутушем и Гамаргом, оказавшимися неожиданно на свободе, обнаруживается глубокий подтекст и удачно найденная символика.

Комедия С.-Х. Нунуева «Лулахой-2» («Соседи-2») создана также на материале военной жизни чеченского народа.

Еще недавно развивающаяся и процветающая республика превращена в руины, материально разграблена. Пустуют склады, производственные организации... Часть населения, привыкшая в последние годы (после развала СССР) к легкой наживе, грабежам и хищениям, не знает, чем теперь ей заниматься. Названная здесь проблема особо «остро» встает и перед главными персонажами комедии – Сулбой и Чьёчой. Прозванные еще в советское время спекулянтами и тунеядцами, они не привыкли честно зарабатывать на свою жизнь. Выход из создавшегося положения первым находит Чьёчочу. Он

предлагает Сулбе, поскольку в городе теперь нечего грабить и тащить, объявить себя шейхом – предсказателем.

Активная «деятельность» новоявленного шейха – содержание комедия С.-Х. Нунуева.

Комедия «Соседи-2» состоит из множества острокомедийных ситуаций и картин, выхваченных из повседневного быта и политической жизни Чечни.

Автор не придумывает смешные и нелепые ситуации для своих героев, он берет их готовыми из жизни. Эти ситуации несут в себе характерные приметы времени.

Чхьочу, явившегося ночью на склад, чтобы что-нибудь стащить, сторож Сулба нестрого осуждает: «...Хинца къуй динахь бог Iий ца хьа хьуна? («Разве ты не знаешь, что воры приходят теперь (в послевоенное время) грабить днем?»)»

На вопрос Чхьочу, почему Сулба продолжает охранять пустой склад, последний отвечает так: «Со дер Iа стаж ларъеш» («Я, находясь здесь, охраняю свой стаж...»)

Морально-нравственное состояние чеченского народа в послевоенное время как нельзя лучше объясняет реплика персонажа по имени Учурха. На упрек жены, почему он, Учурха, ведет себя, как сумасшедший, тот, несколько не смущаясь, отвечает: «Со хIунда ца волуш ву хьера, дерриг къам а хьера даьлча?» («Почему я не могу сойти с ума, когда с ума сошел весь народ?»)»

Через образ Ребисы, жены Учурхи, автор показал читателю мир, где социальное положение и богатство становятся мерилем человеческих ценностей. Чхьочу, идущего на свидание с дочерью Ребисы, Сулба просит надеть длинный кожаный плащ, широкополую шляпу, а в руках, часто прикладывая к уху, держать мобильный телефон. Указанные атрибуты, по мнению Сулбы, должны произвести впечатление на окружающих, подчеркнуть особое общественное положение Чхьочу.

В заключение. Определить состояние сегодняшней чеченской драматургии довольно сложно. В данном случае можно вести речь не о сложившихся направлениях, а лишь наметившихся в ней тенденциях. В современной чеченской драматургии мы видим не поиски новых форм, а прямое отражение действительности, которая часто выглядит как абсурд и парадокс. Элементы парадокса и абсурда наиболее часто обнаруживаются в таких жанрах, как комедия и трагикомедия.

Литература

1. Алиев Г. Жуккарш (Тунейдцы). Трагикомедия. – Грозный, 2005, ж. «Нана», №6.
2. Алиев Г. Да воцу доьзал (Семья без отца). Комедия. – Грозный, 2004, ж. «Нана», №12.
3. Ахмадов М. Яма. Трагикомедия. – Грозный, 2008, ж. «Вайнах», №11.
4. Нунуев С.-Х. Лулахой – 2 (Соседи – 2). Комедия. – Грозный, 2009, ж. «Орга», №6, 9.

**Вахит Акаев,
Супьян Магамадов**

Философ, педагог и государственный деятель

(К 80-летию со дня рождения профессора Андарбека Яндарова)

Каждый народ в силу определенных социальных обстоятельств, коллизий из глубин своего бытия, культурных и духовных недр выводит на поверхность, как бы возвышая над жестокой повседневностью, замечательных философов, мыслителей, ученых. Их жизнь, творческая деятельность в значительной мере сопряжены с колоссальными трудностями, которые приходится одолевать.

О культуре, интеллекте того или иного народа судят по наличию у него своих мыслителей, ученых, инженеров, строителей, воинов, сложивших свои головы, защищаясь от захватчиков. Без них нет народа, нет у него настоящего и будущего. Выдающиеся мыслители есть у разных народов, например, у греков – это Сократ, Платон, Демокрит, Аристотель, у немцев – Лейбниц, Кант, Гете, Гегель, у французов – Вольтер, Декарт, А. Бергсон, у англичан – это Дж. Беркли. Ф. Бэкон, Г. Спенсер, Б. Рассел, у русских – Чаадаев, Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, В.И. Вернадский, И. Ильин, Н. Бердяев, Л.Ф. Лосев, Э.В. Ильенков... Россия дала миру таких великих математиков и физиков, как М. Ломоносов, Н. Лобачевский, П. Чебышев, А. Ляпунов, Н. Жуковский, А. Колмогоров, Л. Понтрягин, И. Курчатов, А. Сахаров, Л. Ландау и др.

Народы, давшие миру знания, технологии, мыслителей, ученых, этнографов, называют историческими, а народы, не имеющие их, – неисторическими. В эту предвзятую классификацию не попадают древние народы Кавказа, откуда был родом Прометей, которого К. Маркс назвал «самым благородным святым и мучеником в философском календаре». Именно кавказец Прометей «принес людям познания, ремесла, умения строить, врачевать, любить прекрасное»¹, то есть научил людей быть свободными, преодолевать оковы тирании. Итак, Прометей находится у истоков человеческой цивилизации. Его потомки сражались против войск Александра Македонского, персидского царя Дария, полчищ Чингисхана и Тамерлана, британских войск, фашистской Германии... Здесь есть чем гордиться кавказцам. Во все времена кавказцы славились земледелием, виноделием, обработкой железа, своими великими воинами, преданностью родине, искусством, фольклором. В годы советской власти выросли поэты, писатели, ученые, строители, земледельцы. Сегодня эти традиции, вопреки бурным, порою катастрофическим переменам, сохраняются, слава кавказцев приумножается строителями, поэтами, учеными, мыслителями, деятелями искусства, духовными лидерами.

Путь творческого человека, ученого, мыслителя связан со многими преградами, непрерывно преодолеваемыми. Не составляет исключение и жизненный путь чеченского философа Андарбека Дудаевича Яндарова (1937-2011).

Казахстанская депортация, голод, холод, борьба за выживание, трудный, длительный и противоречивый путь вхождения в образование и науку, творческие достижения, служение своему народу – основные вехи жизни, которые им достойно пройдены. В жестокой казахстанской депортации прошли его безрадостные детские и юношеские годы, формируется его мировидение, творческие замыслы, понимание жизни.

Высокоинтеллектуальная личность, ее творчество формируются на основе напряженного труда, проявления воли, целеустремленности, решения сложных

интеллектуальных, культурных задач. Андарбек Яндаров в возрасте 17 лет начал свой трудовой путь, став рабочим Алма-Атинского плодоконсервного комбината. Пройдя школу труда, через два года, в 1956 году, поступает на юридический факультет Казахского государственного университета. Пытливый ум, основательная теоретическая подготовка, глубокое освоение философии явились факторами, приведшими его в аспирантуру по философии, которую он окончил в 1964 году. Тема его научного исследования была связана с религиозными и философскими воззрениями народов Дагестана и Чечни, чеченскими и ингушскими просветителями XIX – начала XX вв.

Свою кандидатскую диссертацию на тему «Общественная мысль Чечено-Ингушетии в последней трети XIX - начале XX века» он защищает в 1965 году. В ней было основательно исследовано мировоззрение и творческое наследие Чаха Ахриева, Умалата Лаудаева, Таштемира Эльдарханова, Ибрагимбека Саракаева. В 1968 году в Чечено-Ингушском книжном издательстве публикуется его отдельная работа «Ингушский просветитель Чах Ахриев (1850-1914 гг.)». В 1975 году в журнале «Вопросы философии» он публикует содержательную статью об известном ингушском просветителе Чахе Ахриеве. В коллективном труде «Философия народов СССР», опубликованном в 70-х годах XX века, имеется анализ А. Яндарова философских воззрений чеченцев и ингушей. Его публикации в академических изданиях страны способствовали расширению и углублению представлений об интеллектуальных и культурных особенностях вайнахов.

Анализ деятельности, творчества чеченских и ингушских просветителей, общественных и религиозных фигур, писателей А. Яндаров осуществлял, осмысливая исторические, военно-политические, духовно-культурные предпосылки, в контексте которых формировались первые просветители чеченцев и ингушей. При этом придерживался теоретико-методологических позиций историзма и диалектики, позволявших устанавливать последовательную взаимосвязь между исламом, суфизмом и просветительством, выявлять противоречие между идеями, раскрывая становление и развитие общественной мысли чеченцев и ингушей в переходный период.

С защитой кандидатской диссертации он становится первым профессиональным философом среди чеченцев и ингушей. В вузах Алма-Аты он в течение 12 лет преподает философию, столько же лет (с 1976 по 1988 гг.) заведует кафедрой философии в медицинском институте.

Пик его научной деятельности приходится на 70-е годы XX столетия, когда он работает в г. Алма-Ате. Начиная с 1974 по 1978 год, издается 4 монографии: «Расцвет культуры казахского народа в советский период» (1974), «Суфизм и идеология национально-освободительного движения» (1975), «Главные этапы становления социалистической культуры Казахстана» (1977), «Культура и личность» (1978).

Содержание этих научных исследований позволяет сделать вывод о том, что А.Д. Яндаров внес существенный вклад в осмысление культурного становления и развития казахов в годы советской власти, раскрыл процесс преодоления их социально-экономической и культурной отсталости. Предметом пристального теоретического осмысления для него стала такая важнейшая философская проблема, как формирование личности на основе освоения общечеловеческих и этнонациональных культурных ценностей.

С нашей точки зрения, вершиной научных достижений А. Яндарова является монография «Суфизм и идеология национально-освободительного движения (Из истории развития общественных идей в Чечено-Ингушетии в 20-70-е годы XIX в.)», изданная под грифом Института философии и права АН Казахской

СССР в 1975 году. Она явилась новым словом в истории становления и развития религиозных, социальных и философских идей народов Северного Кавказа, в том числе чеченцев и ингушей.

В этом, до сих не потерявшем своей научной и практической актуальности исследовании, проанализирован суфизм как мистико-философское течение ислама, мюридизм и зикризм как идеологическая оболочка народных движений, происходивших в 20-60-е годы XIX века. Ценность исследования состоит в авторской концепции, обосновавшей, что мюридизм и зикризм, функционировавшие на Северном Кавказе как формы идеологического, социального протеста, преемственно и организационно связаны с суфизмом – исламским мистицизмом как учением, ориентирующим верующих на духовное самосовершенствование, отрицающее социально-политическую активность. Устанавливая непосредственную связь суфизма и народно-освободительных движений, причины его распространения и расцвета, его особенностей как идеологической оболочки, А.Д. Яндаров обнаруживает их «в социально-экономических потрясениях, эпохах страшных народных невзгод»².

Исследование А. Яндарова, посвященное актуальной проблематике истории и духовной культуре народов Северо-Восточного Кавказа (Дагестана, Чечни и Ингушетии), выполненное в Казахстане, в идеологических кругах Чечено-Ингушетии получает отрицательную оценку. Это привело к резкому ограничению его распространения. В этом неплохо поусердствовали «специалисты по ортодоксальному атеизму». В литературе, издаваемой в 70-80-х годах XX столетия в Чечено-Ингушетии, ссылки на нее практически отсутствовали, хотя эта работа была известна в СССР и за рубежом. Между тем на нее ссылались крупные исследователи ислама как в стране, так и за ее пределами.

Развивая и углубляя идеи, изложенные в кандидатской диссертации, сопряженные с анализом общественной и религиозной мысли чеченцев, А.Д. Яндаров пишет докторскую диссертацию на тему «Развитие философской и общественно-политической мысли Чечено-Ингушетии в XIX – начале XX века», которая была защищена в 1986 году в Академии наук Азербайджанской ССР. В ней дается более детальный анализ мировоззрения чеченских и ингушских просветителей, подробно анализируются воззрения Саида Эльмурзаева (1855-1927 гг.), Таштамира Эльдерханова (1870-1934 гг.), Ибрагима Базоркина (1878-1947 гг.), Султана Альдиева (1887-1937 гг.), И.-Б. Саракаева (1883-1934 гг.), Ахметбека Аллаева.

В данном исследовании раскрывается динамика развития общественной мысли в Чечне и Ингушетии, прослеживается ее движение от религиозных представлений к просветительским и социал-демократическим идеям, четко выявляются противоречия, столкновения религиозно-мистических и светских идей, имевшие место в XIX и в начале XX вв. В значительной мере это было связано с бурными политическими процессами на Северном Кавказе, когда активизировалась деятельность представителей традиционного ислама, а также светски образованной и просвещенной части национальной интеллигенции, воспринявшей социал-демократические и большевистские идеи. Этот анализ, отсутствовавший в его предыдущих исследованиях, а также в работах других авторов, составил новизну докторской диссертации.

В 1988 году А.Д. Яндаров переезжает в ЧИАССР, избирается заведующим кафедрой философии ЧИГУ им. Л.Н. Толстого, назначается заведующим идеологическим отделом, а позже избирается секретарем Чечено-Ингушского областного комитета партии. В ходе перестроечных процессов в ЧИАССР активизировалась деятельность национальной интеллигенции, высказывавшейся за социально-экономические, национально-культурные

перемены, он фактически становится интеллектуальным лидером. Возникали разные неформальные движения молодежи, интеллигенции, которые придерживались ортодоксальных, умеренных, радикальных взглядов и предлагали разные схемы модернизации общества, социальной сферы, кадровой политики. В целях обсуждения общественных, политических, культурных процессов, нового подхода к историческому прошлому чеченцев и ингушей при поддержке секретаря обкома КПСС была создана общественная организация «Дош», состоявшая из числа творческой и научной интеллигенции. После ряда заседаний, на которых обсуждались проблемы взаимоотношений власти и интеллигенции, ее роль в перестроечных процессах, деятельность неформальной организации была свернута в силу того, что не получила широкой народной поддержки, а также поддержки власти.

В 1989 году в ЧИГУ проводилась научная конференция, посвященная жизни, деятельности и мировоззрению Л.Н. Толстого. С основным докладом о философских, нравственно-гуманистических воззрениях Толстого и их значении для русской и мировой культуры выступил А. Яндаров. По поводу этого доклада С.А. Хусаинов, доцент кафедры философии, отметил, что докладчик не использовал ни одной «бумажки», продемонстрировал высокий профессиональный и интеллектуальный уровень. Ректорат и партком ЧГУ, глядевшие в рот «местным» знатокам творчества Л.Н. Толстого, не ожидал от «чеченского философа» столь высокого уровня теоретизирования, профессионализма. Даже мудрый Р.П. Дулерайн был в восторге от глубокого содержания доклада.

Вспоминается и другая ситуация, связанная с проведением Всесоюзной научной конференции «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.», состоявшейся в 1989 году в г. Махачкале. На этом представительном научном форуме были «заслушаны более 100 докладов, сообщений и выступлений историков, философов, социологов, краеведов и филологов, в числе которых 30 докторов и 50 кандидатов наук». В ее работе принимали участие 40 историков, философов, краеведов, филологов, журналистов, представителей общественных организаций Чечено-Ингушетии. Делегацию ЧИАССР возглавлял А.Д. Яндаров, работавший к этому времени заведующим идеологическим отделом Чечено-Ингушского обкома КПСС.

В числе основных на конференции был доклад А. Яндарова, посвященный анализу идеологии национально-освободительного движения горцев, основанной на ценностях суфизма и мюридизма как его практико-политической формы. Им были продемонстрированы высокий теоретический уровень, основательная аргументация выдвигаемых положений, глубокое знание всей проблематики. Участники конференции отметили его выступление продолжительными аплодисментами. Вместе с доктором исторических наук Я. Ахмадовым он принимал активное участие в разработке итогового документа – резолюции конференции. В ней подвергалась критике «волна юбилейных празднеств, «добровольных присоединений» и «вхождений», создавших атмосферу, не способствовавшую объективному и деловому изучению прошлого народов»³. Между тем эта оценка расходилась с «добровольным вхождением», помпезно отмеченным в г. Грозном партийными и советскими органами ЧИАССР при поддержке ЦК КПСС.

В 1989-1991 годы в ЧИАССР начались заметные, а порою сопровождающиеся всплеском политической активности процессы. «Углубление» демократии в ЧИАССР привело к избранию Первым секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС Д.Г. Завгаева, что было неординарным политическим событием. И это избрание произошло вопреки воле Кремля. В целом это событие было глотком свежего воздуха в партийно-бюрократической

системе, десятилетиями существовавшей в ЧИАССР, резко ограничивавшей рост национальных кадров. Постепенно стала меняться кадровая политика в республике, назначались молодые, способные управленцы во всех сферах экономики, управления, образования. Как развитие демократии возникают партии и движения, ставившие перед собой цель свержения коммунистического режима в ЧИАССР. Актуализировался ингушский вопрос: возвращение Пригородного района в состав ЧИАССР, а в последующем и расчленение единой республики.

Целый клубок проблем, который завязывался в ЧИАССР, обсуждался на Общенациональном съезде чеченского народа, состоявшемся 23-25 ноября 1990 года в помещении городского цирка. Делегаты остро обсуждали назревшие, а порою и перезревшие проблемы. Они были обобщены в обстоятельном докладе секретаря обкома А.Д. Яндарова. Основное внимание в докладе было уделено анализу критического состояния культуры народов республики, главным образом чеченцев и ингушей, отмечалась необходимость изучения и развития чеченского языка, сохранения обычаев и традиций, составляющих суть этнической культуры. Обоснованной критике подверглась идеологическая политика обкома партии, ограничивавшая развитие национальной культуры, рост национальных кадров, развитие науки и образования, преодоление массовой безработицы⁴.

В докладе раскрывались сложные, противоречивые процессы развития чеченского этноса в контексте устойчивых взаимоотношений с народами Кавказа, передней Азии и России, необходимость его социокультурного развития и достижения созидательных тенденций. Подверглась аргументированной критике концепция «добровольного вхождения», нашедшая прочную поддержку в идеологических структурах ЧИАССР. По сути дела, прозвучавший на съезде доклад являлся основой идеологической концепции, которую он разрабатывал, работая в короткое время в Чечено-Ингушском обкоме КПСС. Она была свободна от заскорузлых идеологических, атеистических схем, догм, которыми долгие годы «размахивали» идеологические структуры республики. Стержневым положением этой концепции было не отрицание религии, а ее умелое применение в развитии культуры общества и использование в ходе цементирования этноса.

Грянувшие ГКЧП, «чеченская революция» полностью изменили экономическую, политическую, научно-культурную жизнь в бывшей советской автономии. Новая власть, пытаясь создать видимость того, что ее поддерживают авторитетные ученые, потомки шейхов, в 1992 году назначает А.Д. Яндарова министром образования Чеченской Республики. Находясь на этой должности, он пытался сохранить систему образования, препятствовал ее разрушению. Как у знатока русской литературы и почитателя творчества Ф.М. Достоевского, деятельность местных «революционеров» у него ассоциировалась с разрушительными деяниями бесов из одноименного романа классика русской литературы. Интеллектуал, критически настроенный министр, был неугоден криминальной власти, расхищавшей то, что досталось ей в наследство от советской власти.

В 1997 году А. Яндаров принял участие в научной конференции, состоявшейся в Махачкале. Его доклад был посвящен идеологии национально-освободительного движения горцев Северо-Восточного Кавказа (1824-1959 гг.). Уточняя и конкретизируя многие ранее им же высказанные положения о сущности мюридизма, он приходит к следующему теоретическому выводу: «Мюридизм – это реформированный суфизм, приспособленный к условиям борьбы за независимость горцев, оказавшихся перед угрозой национального

порабощения. Этот мюридизм вобрал в себя не только вмешательство в политику, но и требование газавата – священной войны против угрозы национального порабощения, наряду с этим он требовал возврата к чистому, первоначальному исламу, он исповедовал идеи уравнительного распределения общественного богатства. Он заимствовал у суфизма форму организации людей: роль мюршида он отвел наibu, а главной задачей мюрида стала вооруженная борьба против оккупантов».

Подвергая анализу предвзятую интерпретацию мюридизма, имевшую место в совместной работе М. Блиева и В. Дегоева «Кавказская война», А. Яндаров пишет, что они полностью отказались от признания того исторически прогрессивного, социально-справедливого, что было в выступлении горцев (1824-1859 гг.) и трактуют этот период только как Кавказскую войну России и «военных демократий» народов Северного Кавказа. Для этих авторов, по его мнению, «причиной этой войны была не колониальная политика царизма, а то, что генерал Ермолов поставил заслон набеговой системе и горцам нечем стало жить и обострились внутренние социальные противоречия». Авторы, по его мнению, сводили мюридизм к исламу вообще, для которого якобы характерна проповедь ненависти войны с неверными, требование отчуждения от их имущества и обращения их в ислам. Для них ислам в зародыше содержит огромный агрессивный заряд и повелевает своим adeptам воевать с неверными до скончания века, что является нонсенсом.

В этой работе, посвященной мюридизму, он в лаконичной форме подвел теоретический итог прежних своих размышлений, при этом четко раскрыл соотношение суфизма и мюридизма, условия трансформации суфизма в мюридизм, выявлял их мистические, нравственно-гуманистические, политические и социальные аспекты, специфически проявившиеся в условиях Кавказской войны. Имеющая важное теоретико-методологическое значение для исследования духовных аспектов Кавказской войны и современной религиозно-политической ситуации на Северо-Восточном Кавказе, она должна быть хорошо изучена и молодыми учеными. В противном случае навсегда будет утрачена культура теоретического осмысления одного из самых драматичных периодов жизни кавказских горцев.

Продолжая работать в ЧГУ до 1999 года, А. Яндаров в связи с событиями второй войны перебирается в Москву. Опуская его московские мытарства, отметим, что в столице страны он размышляет над проблемой управляемых конфликтов, осмысливает различные тенденции сепаратизма в Чечне. Вспоминается заседание Российского филиала Американского фонда Д. и К. Макартуров в мае 2000 года, где были заслушаны два доклада – исследователя из Чечни и молодого историка из Института этнологии и антропологии. Первый доклад назывался «Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе: конфронтация или компромисс?», доклад московского историка – «Проблемы ваххабизма на Северном Кавказе». На заседании присутствовали известные отечественные исследователи-философы, социологи, этнологи, госчиновники: член-корр РАН, д.и.н. С.А. Арутюнов, д.и.н. Л.М. Дробижева, к.э.н. Мукомоль, д.филос.н. Э. Орлова, советник Президента России, к.и.н. Э. Паин, д.и.н. В.А. Тишков, д.филос.н. А.Д. Яндаров и др.

В первом докладе были охарактеризованы особенности функционирования традиционного ислама, проявляющегося через суфизм (а точнее через тарикаты накшбандийа и кадирийа), раскрыты особенности ваххабизма в Чечне, его идейные истоки и практические деяния, выявлена догматическая, социокультурная несовместимость этих течений в исламе. Обобщая многочисленные негативные факты, в том числе и преступления, связанные с деятельностью ваххабитских группировок, был сделан вывод о том, что

радикализм и экстремизм ваххабитов представляют угрозу этническим и духовным традициям народов Северного Кавказа и государству в целом.

Выступивший с альтернативным докладом молодой этнограф многие теоретические положения своей концепции заимствовал из работ первого докладчика. Прикрываясь либеральной терминологией, он преподносил ваххабитов как силу, на которую демократические органы власти страны могут опереться на Северном Кавказе. Местный ислам расценивался как явление консервативное, связанное с коммунистическим строем, препятствующим развитию демократии в российских регионах, где проживают мусульмане. Большинству участников заседания такая интерпретация была близка. Однако, живя в Москве, они были далеки от ощущения и понимания реальной религиозно-политической ситуации, складывающейся на Северном Кавказе. В отличие от тех, кто совершенно не знал ситуацию в Чечне, допускал в своих рассуждениях менторские, абстрактные высказывания, А. Яндаров, хорошо ее знавший, подтвердил выводы, а в целом и концепцию, прозвучавшую в первом докладе. Такая позиция сбалансировала односторонний перекос в сторону поддержки идеологии и практики ваххабизма на Северном Кавказе, продемонстрированный московскими специалистами, демократами.

В 2001 году он публикует большую статью, посвященную так называемому «чеченскому сепаратизму», обосновывает мысль о том, что его сторонники изначально нашли поддержку в демократической России. В ней детально выявляются истоки сепаратизма и описываются деяния «чеченских революционеров», приведших к трагедии свой народ. Она, без сомнения, представляет собой ценное исследование, раскрывшее многие преступные стороны «дудаевско-масхадовского режима» и ельцинской политики в Чечне.

В 2002 году А. Яндаров вместе со своей супругой А. Заурбековой в Москве организуют РОО «Чеченский культурно-просветительский центр» с целью создания в столице России школы с чеченским этническим компонентом для сохранения этнической идентичности в мегаполисе, издания книг по истории и культуре чеченского народа, произведений известных чеченских поэтов, писателей, мыслителей, осуществления благотворительной деятельности.

А. Яндаров в соавторстве с И. Бызовым (Мутушевым) и А. Заурбековой подготовили и издали «Мифы и предания чеченского народа» в двух томах. По мнению заместителя директора Института этнографии и антропологии РАН С.В. Чешко, «в таком объеме такая работа издана впервые в истории чеченского народа».

В 2003 году он работает главным специалистом Информационно-аналитического управления постоянного представительства Чеченской Республики при Президенте РФ.

На любом участке работы его отличали высокий профессионализм, отстаивание государственных и национальных интересов, четкая интернационалистская позиция. Он относится к редкому типу национальной интеллигенции, умеющему генерировать общенациональные идеи, нацеливать народ и его элиту на решение главных и перспективных задач, связанных с достижением национального единства, просвещения, культурного и интеллектуального развития чеченского народа.

Идеи А. Яндарова, раскрывающие сущность суфизма, его место в исламе, в мусульманской культуре в целом, идеологическое содержание, а также просветительскую деятельность чеченской и ингушской интеллигенции, получили успешное развитие в современных исследованиях, кандидатских и докторских диссертациях В.Х. Акаева, Э.А. Исаева, М.М. Керимова, М.М. Бетильмерзаевой, М.Г. Магомадова, М.А. Солтамурадова, Э.С. Абдулаевой, Г.Л. Эскарханова, А.Б. Дохаевой и др. Можно констатировать факт, что на базе

развития его идей в республике сложилась научная школа, осуществляющая исследования в области анализа региональных особенностей суфизма, арабo-мусульманской культуры на Северном Кавказе. В Академии наук Чеченской Республики, КНИИ РАН, на кафедре философии ГГНТУ ведутся исследования, успешно развивающие философские идеи, сформулированные профессором А.Д. Яндаровым.

В современной Чеченской Республике периодически проводятся международные конференции, посвященные выявлению роли суфизма в духовно-культурном развитии исламского общества. В них активное участие принимают известные духовные авторитеты, ученые России и зарубежья. В итоговых документах-резолуциях форумов подчеркивается необходимость широкого изучения в учебных заведениях, научно-исследовательских центрах духовного наследия суфизма, его нравственно-гуманистического и миротворческого потенциала, высказывается идея создания Всемирного центра по изучению суфийской культуры и др. Исследования чеченских ученых и духовенства вполне могут составить теоретическую основу, позволяющую успешно решать эти задачи.

Член Общественной палаты ЧР, кандидат политических наук Магомед Дадуев, хорошо знавший А. Яндарова, отмечал, что он был очень чувствителен к социальным проблемам чеченского народа. Будучи ученым, он не был формалистом, как, например, многие партийные чиновники. Его рассуждения всегда отличались здравым смыслом. Проявлял справедливость, умел выслушивать людей, всегда стоял на позиции закона, мог убеждать людей и подводить их к правильным выводам. Привел пример, связанный с митингом в Урус-Мартане, организованным неформалами против первого секретаря райкома партии. А. Яндаров, выступивший на нем, предложил разумный вариант смягчения напряженной ситуации и убедил людей разойтись по домам. Его политическое кредо заключалось в том, что он четко придерживался принципа справедливости, объединения народа на основе просвещения, преодоления внутринациональных и межнациональных конфликтов.

Став министром образования республики, он создает творческую группу из числа ученых и опытных педагогов для разработки Концепции образования. Такая концепция была разработана, но в силу сложившихся политических обстоятельств не получила публичной огласки.

Работая в Москве, он принимал активное участие в обсуждении проблем взаимоотношений федерального центра и Чеченской Республики, состояния межнациональных отношений в стране. События, происходившие в Чечне, А. Яндаров увязывал с деяниями глобалистских сил, преследующих цель развалить Россию, используя социально-экономические сложности, противоречивые межнациональные отношения на юге России. В выступлениях на круглых столах, интервью он объективно освещал проблемы межнациональных отношений в России, выступал против националистических и шовинистических тенденций, за мир и согласие в многонациональном российском обществе.

В последние годы своей жизни им было подготовлено значительное исследование, посвященное постсоветскому периоду развития Чеченской Республики, российско-чеченскому конфликту, истокам сепаратизма и его проявлениям.

Жизнь, творческий и политико-государственный путь А.Д. Яндарова – наглядный пример преданности идеалам Просвещения, этнонациональным и государственным интересам. Нет сомнения в том, что его дела, творческие достижения должны быть зафиксированы в школьных и вузовских программах по философии, религиоведению, культурологии и краеведению.

Просвещенные, образованные, высококультурные, духовные личности составляют фундамент бытия любого этноса. Чеченское общество всегда нуждалось в них и сегодня такая потребность существует. Ныне как никогда ощущается дефицит в мощном мыслительном потоке, научно-техническом и культурном, духовно-нравственном обновлении бытия народа. Все это должно быть направлено на преодоление агрессивности и насилия, захлестнувших нашу жизнь на рубеже веков. Актуализировалась и потребность в социальной справедливости, духовно-культурном совершенствовании человека, особенно индивида, наделенного властными полномочиями. Это понимание было ярко присуще А.Д. Яндарову, и он сам обладал такими качествами.

Его жизнь и творчество представляют собой неотъемлемую часть современной истории чеченского народа, своими делами он придавал ей выраженное интеллектуальное и культурное содержание. Принадлежащие ему просветительские, философские, политические идеи подлежат детальному изучению, осмыслению и развитию. В аккумулированной форме они могли бы быть изданы, что будет выражением уважения благодарных современников к этой выдающейся личности. Такая ответственность лежит на нас, его учениках, друзьях, коллегах, последователях.

Мудрость выдающихся личностей принадлежит народу, и она необходима подрастающим поколениям. Андарбек Яндаров щедро делился своим талантом со студентами, аспирантами, молодыми учеными, коллегами, а в целом – с творческой интеллигенцией. Сегодня, когда его нет среди нас, образовался интеллектуальный, духовно-культурный вакуум, для заполнения которого не хватает личностей подобного масштаба.

Современное чеченское общество нуждается, по крайней мере, в двух вещах: первое – в мощном интеллектуальном развитии, второе – в духовно-культурном возрождении и развитии на основе лучших ценностей этнической и мировой культуры.

¹ Жданов Ю.А. Солнечное сплетение Евразии. – Майкоп, 1999. С. 10.

² Яндаров А. Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения (Из истории развития общественных идей в Чечено-Ингушетии в 20-70-е годы XIX в.). – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Каз. ССР, 1975. – 176 с.

³ Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX. Материалы всесоюзной научной конференции 20-22 июня 1989 г. – Махачкала, 1994. С. 320.

⁴ Как-то в беседе с нами он сказал, что цифры по безработице в ЧИАССР скрывались, а число безработных в республике составляло 67 % от общего числа всего трудоспособного населения.

Книжные новинки**О литературных связях России и Западной Европы**

В этом году в издательстве «Художественная литература» (Москва) вышла в свет книга доктора филологических наук, профессора Чеченского государственного университета Ахмеда Хусиханова «Проблемы типологии литературных связей в русской и западноевропейской прозе XX века». В книге представлена эволюция литературных взаимоотношений России со странами Западной Европы, начиная с эпохи Древней Руси и заканчивая XX веком. Основные главы исследования посвящены литературным связям России с такими ведущими странами Запада, как Англия, Франция и Германия. Отдельная глава посвящена переводу как форме межлитературных связей. Анализируются проблемы перевода художественного наследия русских классиков (Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого) на английский, немецкий и французский языки и его восприятие западным читателем.

Хотя в аннотации к книге и написано, что данная монография «будет полезна преподавателям университетов, аспирантам, магистрантам и студентам бакалавриата филологических факультетов», вне всякого сомнения, книга будет полезна и простому чеченскому читателю, для которого расширение своего культурного кругозора является приоритетом.

.....

К нашим иллюстрациям**Застывшая музыка Элиты Дадакаевой**

Имя Элиты Дадакаевой широко известно в нашей республике и далеко за ее пределами. Ее художественные работы, выполненные в графике или написанные маслом, редко кого могут оставить равнодушным. Сами, застыв перед работами Элиты Дадакаевой в Мемориальном комплексе Славы им. А. А. Кадырова, в Государственной галерее им. А. А. Кадырова, в Национальном музее Чеченской Республики, вряд ли мы не перефразировали бы с восторгом французского архитектора и художника прошлого столетия Ле Корбюзье: «Это застывшая музыка!»

По словам Элиты, она любит писать пейзажи. И, как нам кажется, с особым трепетом художница относится к горному пейзажу, так как горы сами по себе – симфония правды, победы и первозданной чистоты.

Наш журнал не раз представлял работы Элиты Дадакаевой, и в этом номере мы решили порадовать наших читателей новой пейзажной подборкой талантливого мастера кисти.

На стр. 1 – «Никарой», стр. 2 – «Заброшенный кош в осеннем листопаде», стр. 3 – «Обидели», стр. 4 – «Однажды в горах Карачая».

Подготовил Саламбек АЛИЕВ

Сведения об авторах и переводчиках

Алауди Мусаев (1957). Родился в совхозе Илийский Илийского района Алма-Атинской области Казахской ССР. Член Союза писателей России, член Президиума Московской городской организации Союза писателей России, член Международного литературного фонда, генерал-майор милиции, доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки Чеченской Республики (1996). Заслуженный юрист Чеченской Республики (2002), профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Московского университета МВД России (2005). Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Опубликовал более 70 научных работ. Подготовил семь кандидатов юридических наук.

Джамбеков Шарани (1949). Чеченский ученый, литературовед. Доктор филологических наук, профессор кафедры чеченской филологии ЧГПУ. Член Союза писателей РФ. Член Совета по культуре при Главе ЧР. Более 30 лет занимается изучением чеченского фольклора. Является автором большого числа книг и статей о чеченском фольклоре и литературе. Постоянный автор журнала «Вайнах».

Ахмет Джамилев (1949). Родился в г. Балхаш Казахской ССР. В 1968 году окончил экономический факультет Горно-металлургического института в г. Орджоникидзе (ныне г. Владикавказ). Многие годы работал по специальности. Стихи пишет с 90-х годов. Публикуется более десяти лет в журналах «Орга», «Стела Iад», в газете «Гумс» и др.

Марьям Хадысова (1991). Родилась в г. Грозном. Окончила среднюю школу с отличием в п. Нижняя Кондурча Самарской области. Стихи пишет с детства, пробует свои силы в прозе, а также играет на гитаре, поет и сочиняет музыку. В журнале печатается с 2013 года. Корреспондент газеты «Молодежная смена».

Ширвани Кагиров (1955). Родился в г. Талды-Курган Казахской ССР. В 1972 году окончил СШ в с. Урус-Мартан ЧИАССР; имеет неоконченное высшее образование (поступил в 1975 г. в Саратовский юридический институт). Много лет работал водителем-дальнобойщиком. Стихи пишет с 13 лет. Печатался в разные годы в газетах «Родная земля» и «Вольная жизнь» (Саратовская область), «Молодежная смена», «Маршо», а также в журналах «Вайнах» и «Нана» в Чеченской Республике.

Майрбек Лулуев (1956). Родился в Казахстане. В 1957 году семья вернулась на родину в Чечню, в Веденский район. В 1983 году с отличием окончил Чечено-Ингушский государственный университет по специальности «Преподаватель русского языка и литературы». Стихи начал писать со школьной скамьи. Периодически публикуется в литературно-художественных журналах «Вайнах», «Орга». Автор нескольких поэтических сборников: «Какой холодной была эта зима!», «Бог, солнце и земля» (Саратов, 2016). С 1993 года проживает с семьей в Саратовской области.

Вахит Акаев (1952). Родился в г. Ленгер Казахской ССР. В 1973 году окончил физико-математический факультет ЧИГУ. Пишет научные и научно-популярные статьи. Ученый, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН, доктор философских наук, профессор.

Супьян Магамадов. Родился в 1952 году в с. Казгородок Кургальджинского района Акмолинской области Казахской ССР. Чеченский ученый, кандидат исторических наук, директор Института гуманитарных исследований Академии наук ЧР, профессор, заведующий кафедрой истории мировой культуры и музееведения ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», заслуженный деятель науки Чеченской Республики

Замид Аюбов (1954). Родился в с. Араван Киргизской ССР. Окончил исторический факультет Ленинградского госуниверситета им. А.А. Жданова в 1979 году. Работал кочегаром, преподавателем истории, дозировщиком шихты Череповецкого металлургического завода (ныне – «Северсталь»). В периодической печати публикуется с 1974 года. С 1982 года работает в СМИ. Был корреспондентом газет «Нефтехимик», «Голос Чечено-Ингушетии», «Голос Чеченской Республики», «Возрождение», «Импульс», «Республика», «Вести Республики», «Молодежная смена», «Российская газета», информагентств «Чеченпресс», «Интерфакс» и др. Заслуженный журналист Чеченской Республики. В журнале «Вайнах» публикуется впервые.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки через редакцию- 330 руб.